

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ОДЕССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

К.В. Горобец

**АКСИОСФЕРА ПРАВА:
философский и юридический
дискурс**

Монография

Одесса
«Фенікс»
2013

УДК 340.12:124.5
ББК 67.0
Г 67

Рекомендовано к печати
Ученым советом Национального университета
«Одесская юридическая академия». Протокол № 5 от 107.04.2013 г.

Рецензенты:

Максимов С.И. – д.ю.н., проф., член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, профессор кафедры философии Национального университета «Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»;

Гришук О.В. – д.ю.н., проф., профессор кафедры теории и философии права Львовского национального университета имени Ивана Франко.

Горобец К.В.

Г 67 Аксиосфера права: философский и юридический дискурс : моногр. / К.В. Горобец. – Одесса : Фенікс, 2013. – 218 с.
ISBN 978-966-438-719-1

Монография посвящена философско-правовым аспектам аксиосферы права, которая предстает в качестве структурного компонента права и выражается в виде централизованной системы правовых ценностей и иерархизированной системы ценностей права. Правовые ценности рассматриваются как феномены, являющиеся одновременно компонентами права и способом его постижения. Ценности права понимаются как блага, которые защищаются и обеспечиваются правом в силу их значимости для человека и общества. Доказывается, что аксиосфера права существует наряду с нормосферой права. При этом их целостность обеспечивается посредством особого феномена – верховенства права.

Монография будет полезна специалистам в сфере философии права, общетеоретической юриспруденции, отраслевых юридических наук, а также всем, кто интересуется проблемами развития современного права.

ББК 67.0

ISBN 978-966-438-719-1

© Горобец К.В., 2013
© Оформление ЧП «Фенікс», 2013

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	----------

РАЗДЕЛ 1. ПОСТИЖЕНИЕ АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

1.1. Правовая аксиология в философском и юридическом измерениях.....	8
1.1.1. <i>Формирование современного образа правовой аксиологии</i>	8
1.1.2. <i>Постулат интересубъектности в основании правовой аксиологии</i>	33
1.1.3. <i>Методологические аспекты ценностно-нормативного правопонимания</i>	44
1.2. Концепт аксиосферы права.....	51
1.3. Аксиосфера как структурный компонент права.....	62

РАЗДЕЛ 2. СИСТЕМА АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

2.1. Содержание аксиосферы права.....	80
2.1.1. <i>Правовые ценности и их центрирование</i>	80
2.1.2. <i>Ценности права как блага и их иерархия</i>	102
2.2. Аксиосфера права и правовая нормативность.....	122
2.3. Уровни существования аксиосферы права.....	139

РАЗДЕЛ 3. ДИНАМИКА АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

3.1. Гармонизация аксиосферы и нормосферы права.....	147
3.2. Филиация и институционализация ценностей правовой сферы.....	154
3.3. Аксиосфера в действии права и развитии правовой системы.....	177

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
-------------------------	------------

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	197
---	------------

*Есть ценностей незыблемая скåла
Над скучными ошибками веков.*

Осип Мандельштам

Предисловие

Проблематика ценностной характеристики права, которая в последние годы получила широкое признание в философско-правовом и общетеоретическом юридическом дискурсе, является сложной, многогранной и методологически актуальной, связанной со стремлением современной юриспруденции выйти на новые уровни восприятия правовой реальности. Обращение к вопросам аксиологии при рассмотрении права и государства, конечно же, определяются комплексом взаимосвязанных проблем, которые концентрируются в вопросах эффективности действия права в эпоху постмодерна.

Современное право все чаще рассматривается в контексте проблем его адаптации к новым условиям функционирования общества. Известно, что именно в такие моменты существенных изменений социальной жизни становится значимым ее аксиологическое осмысление. И здесь актуализируются вопросы о предметной наполненности и внешнего выражения права как социальной и личной ценности; о понятии и природе правовых ценностей, их соотношении с ценностями права, правовыми нормами и принципами; о поиске механизмов и принципов взаимодействия правовых ценностей и ценностей права между собой. Все это обуславливает необходимость системных аксиологических исследований права, поскольку они напрямую выходят на проблематику его действия.

Несмотря на заметную активизацию исследований в сфере правовой аксиологии, остаются нераскрытыми ключевые вопросы системного бытия ценностей правовой сферы, дискуссионными являются проблемы их классификации и форм существования, центрирования и иерархизации. На монографическом и диссертационном уровнях исследованию ценностных характеристик права, специфике правовых ценностей и ценностей права, аксиологических детерминант правовой реальности посвятили свои научные

разработки такие отечественные и зарубежные ученые, как А. Н. Бабенко, М. С. Балаянц, О. А. Бандура, Ю. Ю. Ветютнев, М. В. Осипова, И. В. Патерило, С. А. Пушкарев, Н. Ю. Рашева, А. А. Фальковский и др. Впрочем, вне поля зрения исследователей остаются следующие проблемы: что можно считать правовыми ценностями, в чем их значение и цель; каким образом формируются и действуют ценности права, какие ценности права являются ключевыми для украинского общества; посредством чего происходит взаимопроникновение ценностей права и правовых ценностей в нормативную сферу правовой реальности; являются ли правовые ценности и ценности права непосредственными правовыми регуляторами и т. д.

Все эти и многие другие вопросы правовой аксиологии, так или иначе, требуют применения новых подходов философско-правового и общетеоретического юридического уровней. Представляется, что идея аксиосферы, которая все чаще используется в социальной философии, а также находит свое отражение в юриспруденции, позволяет с новых позиций рассмотреть специфику движения ценностей в правовой сфере.

Теоретическую основу исследования составляют труды философов права и специалистов в сфере общетеоретической юриспруденции, которые развивали идеи ценностной характеристики права: Н. Н. Алексеева, С. С. Алексеева, В. А. Бачинина, О. В. Грищук, О. Г. Данильяна, В. В. Дудченко, А. А. Козловского, А. Ф. Крыжановского, В. И. Кузнецова, С. И. Максимова, В. П. Малахова, Г. В. Мальцева, О. С. Мельничук, Н. Неновски, В. С. Нерсисянца, Ю. Н. Оборотова, А. И. Овчинникова, А. В. Полякова, Г. Радбруха, П. М. Рабиновича, О. Ф. Скакун и др. Ключевое значение в контексте исследования имеют работы в области социальной философии, философской аксиологии, структурной онтологии и методологии познания: В. Виндельбанда, Ю. Хабермаса, О. Хёффе, А. А. Ивакина, В. Дильтея, М. С. Кагана, И. Канта, Г. Риккорта, Л. Н. Столовича, В. П. Тугаринова, Э. Фромма, А. Ю. Цофнаса, основателя феноменологической философии Э. Гуссерля, а также авторов в области социологической теории и философии постмодерна Ж. Бодрийяра, П. Бурдьё, Э. Гидденса, Ж. Дериды,

Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко. Актуальными в контексте данного исследования являются и работы тех ученых, которые исследовали природу социальной и правовой нормативности: Н. И. Бобнева, Л. И. Заморская, В. Д. Плахов, А. А. Ручка и др.

Автор выражает искреннюю признательность своим родителям, которые открыли мир философии, литературы и юриспруденции, показали ценность науки и знания. Особую признательность высказываем Ю. Н. Оборотову за научное руководство и многочисленные плодотворные дискуссии; А. Ю. Цофнасу – за неисчерпаемый поток философских идей, которые во многом определили концепцию монографии; О. С. Мельничук – за огромную поддержку и помощь, а также многоуважаемым С. И. Максимову, П. М. Рабиновичу, О. В. Грищук, Н. Н. Крестовской, А. А. Ивакину, А. П. Овчинниковой, коллективам кафедр теории государства и права и философии Национального университета «Одесская юридическая академия» за неоценимые советы и благосклонность.

Раздел 1

ПОСТИЖЕНИЕ АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

1.1. Правовая аксиология в философском и юридическом измерениях

1.1.1. Формирование современного образа правовой аксиологии

Развитие современного гуманитарного знания проходит под знаком все большего осознания роли ценностей в бытии социума и каждого отдельного человека. И действительно, сегодня как никогда актуально выражение Н. А. Бердяева, о том, что «человек является существом оценочным. Определение ценностей и установка их иерархии является функцией сознания»¹. Можно констатировать, что понятие ценностей является одним из наиболее употребляемых не только в современной социальной философии, политической публицистике, но и гуманитарной сфере в целом. Именно поэтому следует согласиться с А. П. Овчинниковой в том, что границы аксиологии как философии ценностей должны совпадать с границами гуманитаристики в целом².

Между тем, как отмечает А. В. Миронов, сколько бы ни обсуждались различные подходы к пониманию ценностей, дискуссии на этот счет никогда не выходили за пределы тех методологических рамок, которые были установлены до середины XX века³. Из-за

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2-х т. ; сост. В. М. Пискунов. – М. : Искусство, 1994. – Т. 2. ; комм. Н. Б. Злобиной. – М. : Искусство, 1994. – С. 233.

² Овчинникова А. П. Общезначимость аксиологии / А. П. Овчинникова // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 3.

³ Миронов А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей / А. В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 92.

этого основной сюжет при выявлении природы ценностей состоял в том, каким образом следует рассматривать ценности по отношению к их носителю, то есть субъекту. В этом контексте важно отметить, что, кроме популярной в юриспруденции неокантианской традиции, в которой ценности предстают как независимые ни от субъекта, ни от объекта, понятие ценности и проблема ее соотношения с субъектом имеет широкий спектр интерпретаций. Понятие ценности исследовалось с позиций психологического подхода А. Мейнонгом и Дж. Сантаяном, в контексте «натуралистической» аксиологии – Р. Б. Перри и Дж. Дьюи. М. Вебер и Э. Дюркгейм реализовывали в аксиологии социологический подход и саму социологическую проблематику стремились осмыслить с аксиологических позиций. Бурное развитие аналитической философии и философии языка ознаменовался исследованиями ценностей в работах Дж. Мура, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и А. Ричардса, структуралистская методология была применена к феномену ценности Ф. де Соссюром, Ч. У. Моррисом и К. И. Льюисом. Мощный толчок аксиологии предоставила феноменология, а труды Э. Гуссерля, М. Шелера, Н. Гартмана, Г. Ингардена, Г. Шпета, М. Дюфрен обнаружили одну из самых знаковых для современного понимания ценностей аксиому – интенциональность ценностного отношения. Феноменологическая трактовка ценностей трансформировалась в различные ее развертывания экзистенциалистами (Ж.-П. Сартр, А. Камю) и герменевтами (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр), а также М. Хайдеггером (который отказывался от своего зачисления как к первым, так и ко вторым). В теологическом русле разрабатывали теорию ценностей Г. Марсель, Ж. Маритен, М. А. Лосский, коммуникативное видение ценностей представлено в работах Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля. Такая пестрота подходов к пониманию ценностей определяет сегодня существование отдельных исследований по историографии аксиологии⁴.

Проблема определения понятия ценности является одной из наиболее сложных, поскольку оно используется практически во всех сферах философского знания, а поэтому выработка единой

---

⁴ Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – М. : Республика, 1994. – 463 с.

универсальной дефиниции многим философам кажется утопией. Например, понятие ценности, предложенное М. С. Розовым, которое довольно широко используется в современной философской мысли, в основном в контексте проблем социальной философии и философии права («под ценностями [...] понимаются предельные нормативные основания актов сознания и поведения людей»⁵), критикуется выдающимся русским аксиологом Л. Н. Столовичем как неприменимое в рамках аксиологии эстетики⁶.

Другая ключевая проблема аксиологии – объективность ценности – имеет принципиальное значение, в том числе для философии права. Трудно спорить с тем, что у человека нет другого способа судить о ценности предмета или явления, кроме оценки. Этот тезис лежит в основе суждений многих философов, для которых ценность тождественна оценке, или, говоря словами М. Хайдеггера, для которых «полагание ценностью является оценкой». Именно произведения автора фундаментальной онтологии чаще приводят в подтверждение своих доводов сторонники субъективистского видения ценностей. По мнению М. Хайдеггера, «если предположить, что ценность, на которую постоянно ссылаются, не является ничем, то ее сущность должна быть укоренена в бытии»⁷. Однако сущность ценности не может быть укоренена в бытии в его трактовке самым Хайдеггером: аксиология несовместима с его фундаментальной онтологией, а потому ему не остается ничего другого, как свести ценность к субъективной оценке. Однако, как отмечает Л. Н. Столович, «Хайдеггер принял бы ценность, если бы ее сущность находилась в бытии, а его трактовка бытия имела четкий социальный параметр»⁸.

Между тем в философии права именно субъективизм часто рассматривается как доминирующая аксиологическая концепция.

---

⁵ Розов Н. С. Ценности в проблемном мире : философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : НГУ, 1998. – С. 52.

⁶ Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопросы философии. – 2007. – № 4. – С. 88.

⁷ Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер ; сост., пер. с немецкого, вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – С. 183.

⁸ Столович Л. Н. Указ. соч. – С. 89.

Отчасти это связано с высказыванием Г. Радбруха о том, что «мы воспринимаем (познаем) людей и вещи, обладающие ценностью или не обладающие ею. И при этом не отдаем себе отчета в том, что мы, субъекты наблюдения, являемся источником ценностных критериев, а не вещи и люди – объекты этого наблюдения»⁹.

Однако нельзя согласиться с тем, что субъективизм и объективизм в восприятии ценностей являются единственными вариантами в понимании их сущности. Философская мысль знает путь выявления объективности ценностного суждения без признания объективности самих ценностных качеств. Яркий пример этого – понимание ценности Кантом, который прекрасно осознавал то, что сегодня в аксиологии называют «натуралистической ошибкой»: нельзя смешивать ценность с тем предметом, объектом, который представляется ценным. Именно поэтому для Канта объективность ценности заключается не в объективности природы вещей, а в объективности высших целей человеческого бытия¹⁰.

Реализуя эту идею Канта в философии права, Памфил Юркевич настаивал на том, что философия не может быть отстранена от идеи права. Однако момент выявления идеи права у Юркевича отличается от того, как понимает право Кант: для него это не столько сфера трансцендентного, сколько сфера идеально совершенного, где природные мотивы и принципы образуют целостную сферу общественной справедливости, потому, следовательно, право – это среда наиболее ценного¹¹.

Объективистская традиция в понимании ценностей имеет достаточно широкий спектр теорий, но все они исходят из объективно-идеалистического мировоззрения или в виде платоновских эйдосов, или гегелевской абсолютной идеи. Другой вариант – трактовка объективности ценностей через их социокультурную реальность.

⁹ Радбрух Г. Философия права / Густав Радбрух; пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004. – С. 11.

¹⁰ Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 5. – М.: Мысль, 1966. – С. 368–369.

¹¹ Юркевич П. Історія філософії права. Філософія права. Філософський щоденник / Памфіл Юркевич. – Вид. 3-є. – К.: Український світ; Вид-во імені Олени Теліги, 2001. – С. 170–173.

С этих позиций ценности предстают как «субъективированная объективность» и одновременно как «объективированная субъективность», поскольку каждый субъект в продуктах своей деятельности выстраивает особое социокультурное пространство, в котором ценности уже не зависят от его личной свободы, а существуют как некие культурные «сгустки»¹².

Несмотря на широту взглядов на ценность, множественность ее интерпретаций и концепций, в дальнейшем в работе мы будем исходить из феноменологического их понимания. Феноменологическую интерпретацию ценностей предложил Э. Гуссерль, и в ее рамках ценности имеют интенциональную природу, то есть выступают коррелятами ценностного сознания. В контексте феноменологического подхода ценности могут субъективироваться, если субъективировано само сознание, но в то же время он позволяет рассматривать ценности как нечто объективно-духовное при учете интересубъективности трансцендентального сознания. Развитие феноменологической интерпретации ценностей в трудах М. Шелера, Н. Гартмана, Г. Ингардена позволило раскрыть интересубъективную природу ценностей, обнаружив, с одной стороны, что структура ценностного сознания является однотипной у всех людей, а с другой – что структура ценностно-оценочного отношения может быть глубоко индивидуальной.

Перенос аксиологической проблематики в социальную (а особенно правовую) сферу сегодня проходит под знаком того, что, по утверждению М. М. Бахтина, все элементы бытия-существования пронизаны ценностным значением, а потому человек является его ценностным центром¹³. Актуализация антропологической проблематики выводит на глубинные аксиологические проблемы бытия.

Именно в этом контексте актуализация поисков ценностных основ права становится специфическим направлением научных исследований в отечественной и зарубежной юриспруденции в те-

---

¹² Шпет Г. Г. Психология социального бытия. Избранные психологические труды / Г. Г. Шпет. – М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 312 с.

¹³ Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : ежегодник. – М. : Наука, 1986. – С. 130.

чение последних нескольких десятилетий, что привело к выделению особой сферы философско-правового и общетеоретического познания, которое часто именуют аксиологией права. Становление ценностной проблематики в правовом научном пространстве при этом связывается с необходимостью философского познания права, вывода проблемы предельных оснований права за его нормативные пределы, осмысления правовой реальности с философских позиций, как некоторой целостности.

Аксиология права в этом контексте понимается как философская концепция, направленная именно на философское осознание проблем бытия права. Аксиология права стоит в одном ряду с другими направлениями ценностного познания: аксиологией культуры, аксиологией политики, аксиологией искусства и т. д. Можно отметить, что при таком подходе происходит определенное сужение аксиологической проблематики исключительно к правовым вопросам. Однако следует констатировать, что сегодня в гораздо большей степени, чем раньше, актуализируются философские и общетеоретические рефлексии проблем современного государства, а потому аксиология государства начинает оформляться в самостоятельное течение научных разработок. Как отмечает С. А. Калинин, аксиологическая наполненность всегда присуща любому праву и любому государству, а потому нельзя оставлять вне поля зрения государствоведческие аксиологические концепции¹⁴.

В этом контексте следует констатировать значительную узость методологического инструментария аксиологии права, которая интересуется правом как таковым и в своих исследованиях не стремится осознать внутреннюю ценностную структуру как отдельных правовых феноменов, так и ценностной наполненности правовой жизни. Это требует дополнения аксиологии права теоретическими конструкциями, описывающими прежде всего правовую жизнь во всем многообразии ее проявлений. Это позволяет рассматривать право не только как целое, но и как целостность, то есть специфици-

¹⁴ Калинин С. А. Методологическое измерение аксиологии права / С. А. Калинин // Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія». – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. X. – С. 270.

ческую интегративную сферу, в которой возникают противоречия, конфликты, проблемы и кризисы.

В этой связи показательно, что вопросами ценностной природы права занимаются как философы права, так и теоретики права, что наводит на мысль о существовании некоторого общего пространства, «пограничной зоны»¹⁵ аксиологического осознания права, концентрирующей в себе философские концепции и теоретические конструкции. При этом следует подчеркнуть, что именно на таком уровне возможно сочетание аксиологии права и аксиологии государства в одном методологическом поле, которое в этом контексте может именоваться *правовой аксиологией*.

Действительно, именно с позиций правовой аксиологии становится возможным сочетание философских, теоретических и даже отраслевых научных исследований, восприятие аксиосферы права и аксиосферы государства как целостных, неразрывно связанных феноменов. В то же время следует констатировать, что сегодня развитие правовой аксиологии концентрируется в основном в философско-правовом дискурсе, что связано с необходимостью прорисовки ее методологических и гносеологических контуров.

Учитывая это, можно заметить, что правовая аксиология, будучи сравнительно новым направлением философско-правовой интенции, сегодня занимает одно из ключевых мест в системе философии права. Представляется, что этому есть несколько причин. Первая из них кроется в специфике самой философии права, которая многими исследователями рассматривается как сугубо аксиологическая сфера знаний.

Так, с точки зрения С. С. Алексеева, философия права может восприниматься в «двух науковедческих плоскостях». Первая связана с тем, что «право... является социальным явлением, и любая философская система не может не включать в предмет своего осмысления и это явление социального бытия». Вторую плоскость выдающийся правовед связывает с тем, что философско-правовой уровень научных знаний о праве выражается в формировании и развитии особой самостоятельной научной дисциплины, охваты-

---

¹⁵ Оборотов Ю. М. Філософія права і методологія юриспруденції / Ю. М. Оборотов // Проблеми філософії права. – 2003. – Т. I. – С. 41–43.

вающей как философию (по своим основами), так и правоведение (по своему содержанию)¹⁶. Однако многими учеными такая позиция не воспринимается, поскольку в таком случае остаются проблемными и различия в предмете этих двух философий права, и методы и цели их существования¹⁷.

Другой подход, альтернативный по своему содержанию, выражается в отождествлении философии права и теории государства и права. При этом философия права рассматривается как «определяющий компонент общей теории права»¹⁸. Представляется, что такой подход также не в полной мере отражает статус философии права как определенного метанаучного уровня осмысления правового бытия. Здесь можно согласиться с А. В. Суриловым, который считал, что критерием разграничения философии права и юридического познания является не объект, а уровень познания государственно-правовых явлений¹⁹. Удобным, хотя и несколько упрощенным, представляется также мнение Ж.-Л. Бержеля, для которого линия демаркации общетеоретического и философского знания о праве проходит через разграничение сущего и должного, когда теория права интересуется «тем, что есть», а философия права – «тем, как должно быть»²⁰.

Таким образом, проблема предмета философии права – одна из самых противоречивых, и в этом заключается специфика философии права как таковой. В силу этого обстоятельства она вынуждена снова и снова возвращаться к своим основам, осуществлять саморефлексию. Интересна в этой связи позиция, согласно которой предмет философии права – это ее основная проблема²¹. Поэто-

¹⁶ Алексеев С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – С. 2–3.

¹⁷ Машков А. Введение в общую теорию юридических наук : моногр. / Андрей Машков. – К. : К.И.С., 2005. – С. 96.

¹⁸ Явич Л. С. Характер философских проблем правовых наук / Л. С. Явич // Советское государство и право. – 1984. – № 7. – С. 13.

¹⁹ Сурилов А. В. Теория государства и права / А. В. Сурилов. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1989. – С. 12.

²⁰ Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Жан-Луи Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. – М. : NOTA BENE, 2000. – С. 18–19.

²¹ Джентиле Ф. О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии / Ф. Джентиле // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 135 ; Максимов С. И. Философия права как проблема философии права / С. И. Максимов // Проблемы философии права. – 2004. – Т. II. – С. 27–32.

му сопоставление фундаментальных проблем права с проблемами философии права фактически дает нам ее предмет. К основополагающим проблемам права можно отнести право как таковое, его сущность, развитие в цивилизационном контексте, а вместе с тем – ключевые проблемы содержательного наполнения правовой материи: справедливость, свободу, равенство, вину, ответственность, нормативность и т. д.

Можно констатировать, что проблематика ценностного восприятия права, его аксиологической характеристики – это именно тот вопрос, который позволяет говорить о философии права как о сфере саморефлексии юриспруденции. Если опираться на позицию И. В. Шамши относительно того, что вопрос о существовании философии бытия (онтологии) – это фактически вопрос о существовании самой философии²², то справедливым представляется тезис о том, что *вопрос о существовании в праве специфических ценностей – это вопрос о существовании самого права как сферы бытия человека и общества, а философии права – как системы знаний о ценностях правовой сферы.*

Такая позиция находит свое подтверждение в работах целого ряда представителей философско-правовой мысли, посвятивших свои труды аксиологической проблематике. Так, один из основателей правовой аксиологии известный немецкий мыслитель Густав Радбрух рассматривал философию права как науку о ценности права²³. Г. А. Шварц-Либерман фон Валендорф считает, что «основной вопрос философии права – отбор ценностей и создания их системной иерархии в виде конкретного правопорядка, назначение которого – поддержание социального мира. Право при таком подходе рассматривается как логика ценностей»²⁴. В рамках советской философско-правовой мысли правовой аксиологией занимались Н. Неновски, Р. Лукич, С. С. Алексеев, П. М. Рабинович, позже,

---

²² Шамша І. Суперечливість буття як джерело філософського мислення : моногр. / Ігор Шамша. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 8.

²³ Радбрух Г. Указ. соч. – С. 16.

²⁴ Цит. по: Максимов С. И. Правовая реальность : опыт философского осмысления : моногр. / С. И. Максимов. – Х. : Право, 2002. – С. 6–7.

после распада СССР, этой тематике посвятили свои исследования украинские и российские ученые В. С. Нерсесянц, О. А. Бандура, Ю. Н. Оборотов, Ю. С. Шемшученко и др.

Вторая причина расцвета правовой аксиологии как части философии права и, соответственно, научных исследований в этой сфере – это кризис того права, которое веками формировалось как сугубо рациональная конструкция, порождение человеческой логики, и именно на этой основе строилось учение о ценности права, в центре которого – разумный рациональный человек. Апогеем такого подхода к праву можно считать кантовскую интерпретацию «золотого» правила этики, выраженного им в категорическом императиве. Изменение образа права в эпоху постмодерна приводит к тому, что право, характерное для модерна, теряет свою устойчивость, его догма оказывается слишком громоздкой, чтобы быстро реагировать на вызовы нового времени. Такую ситуацию один из классиков общетеоретической юриспруденции С. С. Алексеев называет «крушением права»²⁵. Вряд ли можно согласиться с пессимистическими мыслями выдающегося правоведа. Сегодня необходимо признать, что человек изменился, изменилось и право. Его больше нельзя понимать исключительно как систему норм, а потому его ценность следует рассматривать под другим, отличным от идей С. С. Алексеева, углом зрения.

Показательно в этой связи, что сегодня происходит синтез позитивистских и естественно-правовых концепций права, поскольку ни одна из них не в состоянии полно и последовательно раскрыть все грани права и правовой реальности, вывести такое понимание права, которое бы действительно описывало то право, которое существует в жизни общества. Именно в этом контексте сформировал свою теорию либертарно-юридического правопонимания В. С. Нерсесянц²⁶, развиваются разнообразные концепции

---

²⁵ Алексеев С. С. Крушение права. Полемические заметки / С. С. Алексеев. – Екатеринбург : Институт частного права, 2009. – С. 12–13.

²⁶ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства : для юрид. вузов и фак-тов / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – С. 40–50.

интегративного правопонимания²⁷, отстаивается ценностно-нормативная парадигма права²⁸.

И действительно, тенденциозность развития интегративных учений проявляет себя прежде всего в том, что в них преодолеваются рамки ограниченного мировоззрения как позитивистского, так и естественно-правового восприятия права. Большинство современных учений о естественном праве являются онтологическими конструкциями, которые, разделяя сущее и должное, фактическое и нормативное, предметное и ценностное, рассматривают его как нечто, существующее реально в разнообразных и многотипных связях и взаимодействиях²⁹. Можно согласиться с тем, что определяющей чертой естественно-правовых учений является стремление связать единой идеей право и мораль, и именно в этом контексте рассматривать его ценность. «Право – это не только мера действия, оно также является объявлением о его ценности, – отмечает английский философ права А. П. д'Энтрев. – Право указывает на хорошее и плохое, и, наоборот, добро и зло являются условиями правового обязательства. [...] Тесная связь права и морали является отличительной чертой естественно-правовой теории на протяжении всей ее истории»³⁰.

В то же время, по нашему убеждению, преувеличением является полное сущностное отождествление права и морали. Поэтому нельзя согласиться с Г. В. Мальцевым в том, что вся история естественно-правовой мысли, практически все созданные ею конструкции – от метафизических, социологических и даже биологических, является выражением фундаментальной традиции рассматривать право и мораль в качестве определенного единого феномена, а различия между ними состоят не столько в ценностно-

---

²⁷ Сердюк О. В. Концептуалізація соціальності прав в сучасних інтегративних парадигмах : П. Бурдє, Ю. Габермас, Е. Гідденс / О. В. Сердюк // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 107–112.

²⁸ Оборотов Ю. Від ціннісної характеристики – до формування аксіометрії права і держави / Ю. Оборотов // Філософія права і загальна теорія права. – 2012. – № 1. – С. 150–158.

²⁹ Мальцев Г. В. Нравственные основания права : моногр. / Г. В. Мальцев. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – С. 57.

³⁰ D'Entrèves A. P. Natural Law. An Introduction to Legal Philosophy / A. P. D'Entrèves. – 2nd ed. – London : Hutchinson & Co. Ltd, 1952. – P. 80.

смысловом плане, сколько в чисто внешних, формальных и количественных проявлениях, а потому содержание права определяется теми ценностями, которые создает мораль, то есть оно не является оригинальным или хотя бы отличным от морали явлением³¹.

Более убедительными в этой связи выглядят взгляды В. С. Нерсесянца, который настойчиво проводит тезис о том, что в праве и государстве применение ценностей философско-этического характера является делом второстепенным, наоборот, право образует собственные ценности, которые затем применяются и признаются в различных сферах жизни общества. «Справедливость, – пишет В. С. Нерсесянц, – категория и характеристика правовая, а не внеправовая (моральная, этическая, религиозная и т. д.). Более того, только право и справедливо»³².

Впрочем, столь категоричный тезис вполне ожидаемо вызывает у многих ученых неприятие. Так, О. В. Мартышин отмечает, что никто не спорит с тем, что право должно быть справедливым, но вопрос заключается в том, является ли оно таковым на самом деле³³. Очевидно, здесь кроется софизм, поскольку утверждение о том, что справедливость является характеристикой права, как на этом настаивает В. С. Нерсесянц, имеет четкие границы своей истинности: в данном случае речь идет о праве как таковом, как о феномене, компоненте человеческой культуры, которое по своей природе не может быть несправедливым, в то время как мораль и религия – могут. Проблема ценностей не может автоматически переноситься из плоскости философско-правового восприятия права в плоскости общетеоретического анализа конкретно-исторической правовой системы, поскольку эти две сферы знаний ориентируются на разные по характеру ценности.

О самостоятельном, неморальном характер правовых ценностей говорил также Г. Кельзен, когда утверждал, что правовая норма конструирует специфическую ценность, правовую ценность. То, что эта правовая ценность должна отличаться от мораль-

³¹ Мальцев Г. В. Указ. соч. – С. 58.

³² Нерсесянц В. С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : Инфра-М – Норма, 1997. – С. 28.

³³ Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 6.

ной ценности, конструируемой моральной нормой, является, по мнению правоведа, следствием позитивной теории права.

Признание одним из наиболее последовательных позитивистов существования правовых ценностей само по себе является фактом показательным. Однако следует подчеркнуть, что выведение существования правовых ценностей сугубо из содержания правовой нормы является такой же крайностью, как и выведение их из содержания морали. Совершенно очевидно, что в праве формируются такие ценности, которые, во-первых, существуют исключительно в праве (поэтому они, собственно, и являются правовыми) и, во-вторых, прямо не вытекают из правовых норм, а наоборот, влияют на их содержание, определяя причины их возникновения и исчезновения. К таким правовым ценностям относятся справедливость, суд, права человека, правовая культура, правовое мышление, правосознание. Действительно, содержание этих правовых ценностей практически невозможно свести к нормативному уровню, более того, такое редуцирование может оказаться вредным.

Как видно, вопрос об аксиологическом видении права может существовать как в рамках естественно-правовых учений, так и в рамках позитивизма и социологического правопонимания, что наводит на мысль об исключительной интегративной значимости правовой аксиологии как фундаментальной составляющей онтологии права, независимо от того, какая концептуальная идея лежит в основе той или иной философско-правовой концепции. Более того, современная правовая аксиология в принципе не ставит этот вопрос, поскольку исходит не из натуральной онтологии (где принципиальное значение имеет вопрос о природе вещей), но динамической и структурной онтологии (которые ориентируются, соответственно, на развитие и организацию вещей)³⁴.

Одновременно с этим следует согласиться с В. И. Кузнецовым, что возникновение аксиологического подхода в правоведе-нии (которое во многом ознаменовалось трудами Г. Радбруха) ста-

---

³⁴ Цофнас А. Ю. *Философия. Ч. 1. Предмет философии. Онтология : учеб.-справ. пособие* / А. Ю. Цофнас. – Одесса : Наука и техника, 2009. – 196 с.

ло своеобразной попыткой ответить на вопрос, который остро встал перед западной интеллигенцией после Второй мировой войны: можно ли в определенной степени обвинить позитивизм, старательно разграничивающий право и ценностную моральную сферу, в возникновении нацизма? Собственно, ответ на этот вопрос заключался в возвращении к тысячелетней мудрости Западной философии и обосновании фундаментальных ценностей, лежащих в самой основе права, к которым исследователь относит справедливость, целесообразность и правовую стабильность³⁵.

Однако существует и другая, неонтологическая интерпретация ценностей правовой сферы. В ее основе лежит тезис о том, что право можно рассматривать как интеллектуальную, теоретико-познавательную ценность, поскольку оно является формой познания закономерностей общественного развития³⁶. Впрочем, такой подход к ценностной характеристике права требует более тщательного обоснования, поскольку порождает ряд методологических проблем: если мерилom общественного развития выступает право, то в чем именно заключается эта его функция? Если в том, что право выступает идеей свободы человека, то есть рассматривается как естественное право, то как с этих позиций оценить общество, с учетом того, что естественное право считается неизменным? Если же стоять на позициях концепции естественного права с изменяющимся содержанием, то что определяет эти изменения? Эти вопросы, так или иначе, снова выводят на онтологические проблемы права, а также на онтологическую, а не познавательную природу ценностей правовой сферы.

Следует в этой связи согласиться с В. П. Малаховым в том, что ценностный контекст правовой реальности, на котором выстроена вся естественно-правовая доктрина (и можно добавить – большинство интегративных концепций), намного в большей степени приближен к реальности, чем юридический позитивизм, поскольку

³⁵ Кузнецов В. І. Філософія права. Історія та сучасність : навч. посіб. / Володимир Кузнецов. – К. : СтилоС ; Фоліант, 2003. – С. 224.

³⁶ Філософія права : навч. посіб. / О. О. Бандура, С. А. Бублик, М. Л. Заїнчковський та ін. ; за заг. ред. М. В. Костицького, Б. Ф. Чміля. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – С. 281.

ку именно с ценностных позиций можно говорить о целесообразности, полезности и достоинстве в правовой сфере³⁷.

Как можно увидеть, методологические и философские основы правовой аксиологии порождают весьма оригинальные и содержательные философско-правовые концепции. Именно в этом контексте интересным представляется слежение за развитием правовой аксиологии в российской и украинской юридических науках на уровне диссертационных исследований.

Рассмотрим взгляд на аксиологический подход российского исследователя М. С. Балаянца³⁸. Анализируя задачи и цели юридической науки, которые он видит в раскрытии закономерностей возникновения, функционирования и развития правовой системы, автор критикует априорный принцип абстрагирования исследователя от объекта. На самом деле правоведа не в состоянии выйти за пределы бытия своей правовой системы, он включен в это бытие, а потому его познание всегда детерминируется ценностями, укоренившимися в правовой системе³⁹. В исследовании представлен подход к пониманию правовой аксиологии, которую М. С. Балаянц, очевидно, вслед за М. С. Каганом, называет «конструктивной аксиологией». С помощью этого подхода исследователь пытается определить право как «сильный и действенный способ воздействия на материальную и духовную культуру, а также возможность гармонизации процессов установления, построения и освоения ценностей права»⁴⁰.

Особенность подхода М. С. Балаянца выражена в том, что он пытается связать ценности правовой сферы с культурной интеграцией общества. «Специфическим характеристикам правовых ценностей, – отмечает исследователь, – являются: нормативный характер, непосредственное (или косвенное) влияние на социальную практику, идеологический характер, связь с культурой. Поэтому

³⁷ Малахов В. П. Основы философии права : учеб. пособ. / В. П. Малахов. – М. : Академический Проект ; Культура, 2005. – С. 51.

³⁸ Балаянц М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / М. С. Балаянц. – М., 2007. – 25 с.

³⁹ Там же. – С. 11.

⁴⁰ Там же. – С. 9.

прежде чем говорить о системе ценностей в обществе, необходимо решить вопрос о степени культурной интеграции самого общества»⁴¹. Интересным также представляется позиция автора относительно правовых ценностей русского народа: «К узловым ценностям западной правовой культуры относятся личность, честь, порядок, нормальность, общественное благо. К узловым ценностям российской правовой духовности можно отнести коллективность, достоинство, гармонию, справедливость, общественную цель, принадлежность»⁴².

В то же время автор не проводит четкой границы между правовыми ценностями и ценностями права. Он дает краткую характеристику основных правовых ценностей, относя к ним свободу, справедливость, равенство, безопасность, защищенность, общественное благо, ответственность и т. д., и пытается выразить содержание каждой из них через другие ценности (например, право, порядок, свобода, безопасность, справедливость). Это приводит исследователя к ряду противоречий, которые очень трудно устранить. Фактически ученый объясняет природу одних правовых ценностей через другие правовые ценности, что, безусловно, является порочным кругом.

Кроме того, автор не различает собственную ценность права, инструментальную ценность права, не видит разницы между ценностями самого права и ценностями, которые им обеспечиваются. Так, говоря о правовых ценностях как о «выражении заинтересованного отношения людей к миру права», исследователь остается в рамках их гносеологической природы. Особенно это подчеркивается тем, что он определяет правовые ценности как формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, юридическую оценку событий и являются принципами регенерации правовой жизни⁴³. Как можно заметить, такое определение является неполным, поскольку не дает каких-либо четких критериев отграничения правовых ценностей от иных феноменов, скажем,

⁴¹ Балаянц М. С. Указ. соч. – С. 2–3.

⁴² Там же. – С. 11–12.

⁴³ Там же. – С. 15.

правовых установок, ценностных ориентиров и других компонентов правовой культуры и правосознания личности. Кроме того, при таком определении отсутствуют указания на особый онтологический статус правовых ценностей, их связь с позитивным и естественным правом, не раскрывается их цель и роль в развитии права и государства.

С иных позиций к пониманию правовых ценностей подходит С. А. Пушкарёв⁴⁴. Правовые ценности он понимает как важнейшие субъективные смыслы выраженных в праве объектов и явлений, определяющих стратегию юридически значимой деятельности, а также поступков и решений человека, обладают внеисторическим и надличностным характером, порождаются правовой культурой и правовыми традициями общества⁴⁵. Исследователь считает, что, несмотря на частую трактовку ценности как положительной значимости, негативную значимость определенного объекта тоже можно истолковывать как «ценную» не только потому, что этот объект может быть полезным для отдельных субъектов. «Более того, – пишет С. А. Пушкарёв, – понятие «ценность» должно включать и нулевую значимость, под которой следует понимать исключения значимости предмета познания субъектом из сферы своих интересов»⁴⁶. Для того, чтобы ценности человека не противоречили его личностному восприятию и социальному прогрессу, они должны коррелировать хотя бы с одним из критериев максимы всеобщей значимости. Впрочем, исследователь не предлагает очертания таких критериев. Более того, включение негативных значимостей в предметное поле ценностей вызывает определенные логические противоречия, поскольку обычно понятию ценности противопоставлено понятие антиценности, то есть явление, имеющее отрицательную значимость.

С. А. Пушкарёв также подчеркивает амбивалентную природу ценностей, когда отмечает, что следует различать ценности как ре-

---

⁴⁴ Пушкарёв С. А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / С. А. Пушкарёв. – Ростов-н/Д., 2009. – 24 с.

⁴⁵ Там же. – С. 7.

⁴⁶ Там же. – С. 11.

ально действующие имманентные регуляторы деятельности человека, независимые от его познания их как ценностей, и рационально признанные убеждения индивида о собственной ценностной иерархии⁴⁷.

Интересным также выглядит предложение исследователя по внедрению классификации правовых ценностей. Он выделяет и анализирует группы правовых ценностей по различным критериям: общечеловеческие, национальные, групповые и индивидуальные; правовые ценности конституционного права, частного и публичного права, а также социального права; либеральные и консервативные правовые ценности; абсолютные (вечные) и относительные (конъюнктурные); истинные и мнимые правовые ценности, социальные и личностные ценности права⁴⁸. Также автор уделяет внимание проблеме иерархии правовых ценностей, считая, что выстроить ее *a priori* невозможно, так как приоритет тех или иных ценностей зависит от нравственно-духовного, социально-экономического развития общества, и иерархия ценностей составляет в каждой конкретной ситуации путем переживания этой ситуации⁴⁹.

Но следует заметить, что многие позиции С. А. Пушкарева достаточно противоречивы. В частности, говоря о том, что в современной научной литературе понятие правовых ценностей трактуется слишком широко, автор сам включает в число правовых ценностей те категории, которые лишь косвенно могут рассматриваться в контексте ценностной характеристики права, как: раскрытие и расследование преступлений, административная юрисдикция, преступность. Такой широкий подход представляется неоправданным, поскольку размывает содержательную наполненность понятия правовой ценности, ведет к отождествлению правовых ценностей со многими другими правовыми явлениями.

С позитивистских позиций подходит к пониманию правовых ценностей М. В. Осипова⁵⁰. Для исследовательницы правовые цен-

⁴⁷ Пушкарев С. А. Указ. соч. – С. 12.

⁴⁸ Там же. – С. 13.

⁴⁹ Там же. – С. 15.

⁵⁰ Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 –

ности всегда имеют нормативную природу, а потому она использует понятие «юридические ценности», определяя их как формально закрепленные и обеспечиваемые государством комплексные явления правовой системы, которые отражают баланс общезначимых интересов, используются в качестве ориентиров и средств удовлетворения социально полезных потребностей субъектов права, выражают региональную, национальную и международную специфику правовой действительности⁵¹. М. В. Осипова проводит различие между ценностями права и правовыми ценностями, определяя первые как характеризующие право в целом как аксиологическое явление, а вторые – как непосредственные инструменты реализации его влияния⁵². Отмечая сильные стороны исследования М. В. Осиповой, следует обратить внимание на некоторую ограниченность ее понимания ценностей правовой сферы. Так, непонятно соотношение ценностей правовой сферы с нормативными конструкциями – по сути, она не проводит между ними никакой разницы. Фактически задекларированный ею широкий подход к пониманию ценности не находит своего выражения в праве, поскольку все равно единственным субъектом, создающим ценности правовой сферы, остается государство.

Интересной и оригинальной является концепция собственной ценности права, предложенная Н. Ю. Рашевой⁵³. Она мыслит ценность права как его способность служить целью и средством для удовлетворения социально справедливых, прогрессивных потребностей и интересов граждан, общества в целом⁵⁴. Особенностью подхода исследовательницы является сопоставление методологических вопросов познания ценности права с проблемой роста правового нигилизма⁵⁵. Не раскрывая, впрочем, полное содержание и концептуальное наполнение категории «ценность права», автор

Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / М. В. Осипова. – Саратов, 2011. – 30 с.

⁵¹ Там же. – С. 7.

⁵² Там же. – С. 16.

⁵³ Рашева Н. Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания : автореф. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Н. Ю. Рашева. – М., 2006. – 23 с.

⁵⁴ Там же. – С. 13.

⁵⁵ Там же. – С. 3–4.

пытается провести параллель между восприятием права человеком и деформацией его правосознания. Представляется, что такая позиция не является достаточно обоснованной, поскольку ставит ценность права в прямую зависимость от ее восприятия. Поэтому фактически, когда Н. Ю. Рашева говорит о том, что ценность права должна рассматриваться сквозь призму правосознания каждого отдельного субъекта, она отрицает ценность права как реальности, существующей вне индивидуального восприятия. Ведь с точки зрения субъекта, деформацию правосознания которого можно охарактеризовать как правовой нигилизм, право вообще не имеет ценности, оно является «остатком», пережитком общества. Поэтому можно сделать вывод, что, несмотря на довольно оригинальный солипсический подход, автор переворачивает реальную картину, ведь ценность права нельзя оценивать сквозь призму правового нигилизма, а наоборот – правовой нигилизм проявляется прежде всего посредством сопоставления образа права отдельного субъекта с той ценностью права, которая признается в обществе.

В украинской правовой мысли также существуют интересные и оригинальные наработки в сфере правовой аксиологии. Так, в работе И. В. Патерило⁵⁶ обоснован чрезвычайно важный тезис о том, что в разнообразии отношений между ценностью права и правовыми ценностями ведущую роль играет их единство, имеющее сложную структуру, главным элементом которой выступает взаимообусловленность, в которой эти ценности выступают в наиболее отчетливой форме⁵⁷. Исследовательница доказывает, что правовые ценности проявляют себя на всех этапах познания и функционирования права, а юридическая практика выступает интегральным критерием ценностных характеристик права в их единстве⁵⁸. Правовые ценности и ценности права автор трактует как «социокультурные (содержательные)» и «эйдетические (формальные)» соответственно⁵⁹. При этом первые рассматриваются как упорядо-

⁵⁶ Патерило І. В. Право як ціннісна категорія : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теорія та історія держави і права ; Історія політичних і правових учень / І. В. Патерило. – К., 2006. – 22 с.

⁵⁷ Там же. – С. 3.

⁵⁸ Там же. – С. 4.

⁵⁹ Там же. – С. 11–12.

чивающие опыт и регулирующие поведение людей, а вторые – как определенные правовые средства, с помощью которых находит свое выражение инструментальная ценность права. Интересно, что свобода, равенство и справедливость, которые традиционно рассматриваются в правовой аксиологии как первоочередные содержательные наполнители собственной ценности права, то есть основополагающие правовые ценности, И. В. Патерило сознательно выводит за пределы права и называет их ценностными ориентирами для права⁶⁰. Эта позиция представляется весьма противоречивой. Во-первых, при таком подходе право может оцениваться с позиций справедливости, равенства и свободы только извне, без апелляции к тому, что оно является основополагающим выражением этих ценностей, их формальным и содержательным бытием, инструментом их обеспечения. Во-вторых, вывод справедливости за пределы права наводит на мысль, что исследовательница рассматривает современное ей право как не являющееся справедливым. В таком случае возникает закономерный вопрос: если современное право не является справедливым, то можно ли говорить о его ценности? Очевидно, нет.

Одним из новейших исследований в сфере правовой аксиологии является диссертация А. А. Фальковского⁶¹. Рассматривая методологическую роль аксиологического подхода, исследователь отмечает, что к категориям, выступающим базовыми для аксиологического подхода в методологии юриспруденции, относятся: ценность, оценка, ценностные ориентации, правовые ценности, ценности права⁶². «В методологии современного философско-правового познания, – подчеркивает А. А. Фальковский, – путем применения аксиологического подхода представляется наиболее важным решение таких значимых проблем: во-первых, в сфере онтологии права – определение ценностных основ права, во-вторых, в сфере гносеологии права – раскрытие ценностных факторов в правовом познании, в-третьих, выяснение роли ценностей в ме-

---

⁶⁰ Патерило И. В. Указ. соч. – С. 13–14.

⁶¹ Фальковский А. О. Аксиологічний підхід в методології сучасної юриспруденції : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / А. О. Фальковський. – Одеса, 2011. – 20 с.

⁶² Там же. – С. 13.

тодологии современной юриспруденции; в-четвертых, в сфере антропологии права – раскрытие ценностных компонентов в правовом бытии человека»⁶³. Проблематика аксиологического подхода, по мнению исследователя, в методологии юриспруденции является своеобразным ответом на кризис классической методологии, и его применение непосредственным образом воздействует на механизмы постижения правовой реальности.

Следует обратиться к еще одному системному, комплексному, качественному исследованию по проблематике правовых ценностей, их пониманию, существованию и функционированию, а именно к докторской диссертации А. Н. Бабенко «Правовые ценности и освоение их личностью»⁶⁴. Исследователь понимает правовые ценности как формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые переживаются и определяются культурой, определяют выбор поведения, а также юридическую оценку событий⁶⁵. Интересно отметить, что практически идентичное определение вынес на защиту С. А. Пушкарев, концепция которого была проанализирована выше. «Правовые ценности, – отмечает А. Н. Бабенко, – обосновываются с помощью ценностных критериев, которые в процессе развития цивилизации меняются в диапазоне от приоритета общественного блага к признанию значимости и ценности личности»⁶⁶. Большое внимание исследователь уделяет также проблематике ценностных иерархий в праве: «Правовые ценности получают свое реальное воплощение в ценностных иерархиях классов, социальных групп, отдельной личности. Иерархии ценностей – чрезвычайно сложные, многомерные и многоуровневые, нестабильные образования. От структуры данной иерархии, а также от ее соответствия ценностям, провозглашенным в обществе, зависит правовое поведение личности. Правовые ценности подразделяются по своему содержанию на абсолютные (кар-

⁶³ Фальковский А. О. Указ. соч. – С. 14–15.

⁶⁴ Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : дисс. ... доктора юрид. наук : спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Андрей Николаевич Бабенко. – М., 2002. – 394 с.

⁶⁵ Бабенко А. Н. Указ. соч. – С. 14.

⁶⁶ Там же. – С. 56.

динальные), или ценности-цели, наиболее общие и имеющие высокое значение; правовые ценности среднего уровня, которые определяют степень развития и тип правовой культуры общества и личности; а также инструментальные правовые ценности, используемые для урегулирования и построения конкретных правоотношений, и обеспечивающие защиту других типов ценностей. Типология ценностных иерархий в зависимости от преобладания тех или иных правовых ценностей включает: этатистскую (доминирование ценности государства и уравнивания), либеральную (приоритет ценности свободы), утилитарную (первоочередное восприятия инструментальных ценностей), равновесную (правовые ценности гармонично взаимодействуют, выступая в своем формально-правовом выражении)⁶⁷. Следует, впрочем, отметить, что такой подход к иерархии правовых ценностей выглядит несколько упрощенным и слишком схематичным. Представляется, что иерархия ценностных компонентов права является уникальной для каждого отдельного общества, в конкретный исторический период. И так же, как не существует чисто этатистских и чисто либеральных обществ, нельзя говорить о чисто этатистской или либеральной системе ценностей правовой сферы.

Следует подчеркнуть, что исследователь придерживается именно этатистской концепции, утверждая, что государство определяет иерархию правовых ценностей⁶⁸. Между тем правовые ценности следует рассматривать как самостоятельные компоненты правовой реальности, которые не зависят от государственной власти и определяются в первую очередь традициями, правовой культурой и особенностью доминирующего типа правопонимания в обществе. Государство может только обеспечивать правовые ценности путем их реализации и охраны.

Показательным является тот факт, что практически ни в одном из рассмотренных выше исследований не нашли своего отражения идеи выдающегося представителя философско-правовой мысли XX века Н. Н. Алексеева, оригинальная и самобытная ценностная концепция права которого создала мощные основы для развития

---

⁶⁷ Бабенко А. Н. Указ. соч. – С. 14–15.

⁶⁸ Там же. – С. 123–126.

правовой аксиологии в рамках современной юриспруденции. Особенностью аксиологического видения права у Н. Н. Алексеева является восприятие права как сферы интеллектуального отношения к ценностям. Одновременно с этим право само по себе является сферой ценного, что решительным образом определяет его как знание, отличное от сферы чисто теоретических истин⁶⁹. Философ права вводит понятие ценности в право путем выделения специфического интеллектуального акта, который он именуется «признанием ценности». Под признанием ценности Н. Н. Алексеев понимает не просто коллективно-психологический процесс, в результате которого правовые нормы считают результатом общей воли общественного союза, и поэтому соответствующими общим убеждениям и настроениям, и даже не те специальные действия, которые имеют целью объявить нормы, факты или события имеющими юридическое значение. Признание ценности для Н. Н. Алексеева – это преимущественно юридический акт, суть которого заключается в переносе правовых явлений из нравственной сферы в правовую⁷⁰. Таким образом, право тогда является эффективным и реальным, когда оно несет в себе признанные ценности, то есть ценности, которые действуют не на уровне внешнего навязывания, а становятся внутренним нравственным императивом каждого отдельного человека.

Ценность для Н. Н. Алексеева – это явление, фактически на опыте обнаруживающее свое превосходство над неценным. Стабильность, постоянство – это основа для определения ценности вещей и явлений, резюмирует философ. В то же время необходимым условием существования ценности является существование чего-то «неценного», то есть положительная ценность всегда предполагает ценность отрицательную⁷¹, иными словами, в праве, наряду с ценностями, содержатся также антиценности. Продолжая эту мысль, Ю. Н. Оборотов утверждает, что правомерное – это основная правовая ценность, а противоправное – основная правовая

⁶⁹ Алексеев Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – С. 70.

⁷⁰ Там же. – С. 70–71.

⁷¹ Там же. – С. 98–99.

антиценность⁷². Право через века несет в себе как ценности (порядок, человек, правосудие и т. д.), так и антиценности (главное место среди которых занимает преступление).

Ключевую роль в этом контексте играет соотношение ценности и истины в праве, исследованию которого посвятил свои труды О. А. Бандура⁷³. Главное отличие между этими двумя философскими категориями, по мнению Н. Н. Алексеева, заключается в том, что все истинное – одинаково истинно, а все ценное – ценно по своему. В силу этой особенности суждениям о ценности не может быть присуща такая же степень безусловности и безапелляционности, которая свойственна теоретическим истинам. Напротив, в мире ценностей всегда имеет место определенная соподчиненность как совокупность отношений между ними⁷⁴.

Идеи Н. Н. Алексеева образуют целостную аксиологическую систему, отличающуюся стройностью, логичностью, продуманностью и многоуровневостью. Особое значение имеют его тезисы о философии правды как основы понимания права и государства обществ «евразийского пространства».

Таким образом, фундаментальные онтологические и методологические проблемы права и государства, стоящие перед современной юриспруденцией, находят свое новое решение в рамках правовой аксиологии – теоретической и философско-правовой концепции, стремящейся вывести право и государство за пределы исключительно рационалистических концептов, связать их с глубинными общественными структурами и человеческим сознанием. В этой связи необходимо выявить постулаты, которые лежат в основе правовой аксиологии, служат средством интерпретации ценностей правовой сферы и обеспечивают методологическую целостность аксиологического правопонимания.

---

⁷² Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс) : экзамен. справ. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 38.

⁷³ Бандура О. О. Єдність цінностей та істини у праві (філософський аналіз) : дис. ... доктора філос. наук : спец. 12.00.12 – Філософія права / Олег Олександрович Бандура. – К., 2003. – 403 арк.

⁷⁴ Алексеев Н. Н. Указ. соч. – С. 99.

1.1.2. Постулат интерсубъектности в основании правовой аксиологии

Важным аспектом познания ценностей в праве и аксиосферы права как их системы является тот факт, что в современной философии права доминируют взгляды на человека как основную ценность. Уровень распространенности таких взглядов настолько высок, что можно утверждать, что они составляют один из постулатов философско-правовой и теоретико-правовой мысли современности. Следует подчеркнуть, что все разнообразные теории, где личность или человек воспринимаются основной ценностью, имеют ярко выраженный антропологический характер. Все они имеют целью продемонстрировать, что право так или иначе необходимо человеку, поскольку служит его естественному благополучию, обеспечивает возможности для его нормального развития и т. п. Однако следует подчеркнуть, что антропологизм в философии права должен использоваться с осторожностью, поскольку последовательное его воплощение на всех уровнях философско-правовой мысли может привести к абсолютному релятивизму. Между тем необходимо отметить, что выявление антропологических основ правовой аксиологии является одной из ключевых задач, стоящих перед современной юриспруденцией.

В этом контексте важной задачей является определение основных позиций субъектоцентристской концепции правового мировоззрения, которая сопровождает большинство антропологических парадигм права современности. Объектоцентризм, который первоначально выступал как модель объяснения истории и места личности в ней, стоит на такой позиции: становление человека в истории является составной частью природно-исторического процесса, определенной составляющей эволюции мира и общества. Считается, что в процессе развития человек достиг пика, а разум, рацию – высшее достижение эволюции. Дух, таким образом, как и вера, играет роль функциональной самоорганизации разума⁷⁵.

---

⁷⁵ Букреев В. И. Этика права. От истоков этики права к мировоззрению : учеб. пособ. / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М. : Юрайт, 1999. – С. 183.

В субъектоцентризме человек – начало всего, поскольку только человек управляет Духом. Субъектоцентризм стремится объяснить мир с позиций самого субъекта, сознание которого не имеет четких границ, опирается скорее на интуицию, чем на знания. Мировоззренческая концептуализация субъективного возможна не на рациональной, а на трансрациональной сверхчувствительной основе⁷⁶. Человек не только укоренен в мире, но и мир столь же укоренен в человеке⁷⁷.

Для права и для правовой аксиологии это становится одним из основных путей развития, хотя в рамках догматической юриспруденции субъектоцентризм довольно сложно реализовать как принцип. Субъект становится центром правового развития не только в силу необратимых изменений в историческом процессе, но и в первую очередь потому, что изменился сам субъект.

Философия постмодерна констатировала конечную и необратимую индивидуализацию общества. Но почему индивидуализация произошла? И стоит ли сегодня говорить об общественном благе, общественной морали и об обществе в оригинальном понимании этих терминов?

Гегель в свое время вывел универсальную диалектическую формулу: институционализирует дух, а индивидуализирует материя⁷⁸. Такой подход в полном объеме воплотился только в наше время. Э. Фромм, а за ним Ж. Бодрийяр, писали о том, что современное общество превратилось в общество потребления, когда не человек управляет производством, а производство управляет человеком, а потребление товаров является самоцелью их производства. Таким образом, факт владения материальным благом заменяет само явление

---

⁷⁶ Завальнюк В. В. Персоноцентризм у системі методологічних принципів юридичної антропології / В. В. Завальнюк // Людина і закон : публічно-правовий вимір : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «VII Прибузькі юридичні читання», 25–26 листопада 2011 р. / за ред. С. В. Ківалова, В. О. Тулякова, О. В. Козаченка. – Миколаїв : Іліон, 2011. – С. 8–9.

⁷⁷ Бердяев Н. Философия свободного духа / Николай Бердяев. – М. : Эксмо-Пресс ; Х. : Фолио, 1994. – С. 68.

⁷⁸ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 490.

ние и процесс человеческого бытия⁷⁹. Эпоха постмодерна, таким образом, выступает апогеем материального. Развитие материального позволяет человеку индивидуализироваться и отстраниться от общества. Человек сегодня скептичен, недоверчив по отношению к социальным феноменам, поэтому важно делать акцент на субъективном восприятии правовых ценностей.

Стоит заметить, что понятие субъекта не стоит воспринимать сужено, только как человеческую личность. Восприятие, передача, трансформация ценностей осуществляется и другими субъектами в праве: социальными общностями, государством, обществом в целом (если речь идет, например, о правовых ценности транснационального и глобального масштабов).

В контексте мировоззренческого субъектоцентризма как методологической установки приобрела новые, более четкие очертания проблема соотношения действительного и должного в праве. Субъект, создавая собственную мировоззренческую концепцию, таким образом трансформирует или даже создает принципиально новую личную аксиосферу, которая служит для него ориентиром, являясь действенной, не раз оправдывающей себя на практике. Степень тождества такой личной аксиосферы аксиосфере права в целом (которая в этом контексте выступает надлежащим) говорит об уровне правовой культуры субъекта, глубине его правового мышления в процессе интерпретации правовых ценностей.

Между тем следует подчеркнуть, что субъектоцентристская концепция, выстроенная вокруг парадигмы модерна и сформированная в контексте философии прав человека, активно критиковалась Ю. Хабермасом с позиций ограниченности монологизма «субъект-объектности» в познании социальной реальности. Претензия субъект-объектной парадигмы на получение объективного знания о ценности, норме и институте не оправдала себя в контексте модерна, а потому тем более не может оправдать себя в ситуации постмодерна. Поэтому Ю. Хабермас предлагает диалогический подход к пониманию знания, когда формирование суждений (в

---

⁷⁹ Фромм Е. Мати чи бути? / Еріх Фромм ; пер. з англ. – К. : Український письменник, 2010. – С. 38–40.

том числе и оценочных) происходит в субъект-субъектном пространстве, то есть имеет интересубъектный характер⁸⁰.

Для понимания специфики интересубъектности как особенности современного знания, необходимо проследить, каким образом развиваются представления о роли субъектного в юриспруденции. Здесь принято говорить о трех парадигмах: классической, неклассической и постнеклассической, которые соответствуют трансформациям методологических установок познания⁸¹.

Для классической парадигмы право предстает как объективная реальность, то есть как система, изначально внешняя по отношению к отдельному субъекту, при этом субъективные права рассматриваются как проекции объективного права. Такая методологическая установка прослеживается и в классическом юридическом позитивизме, и в традиционных естественно-правовых учениях: в первом случае под сущностью права понимают приказ власти, приписывающий субъектам то или иное поведение⁸², а во втором – часть объективного мира (вне зависимости от того, какое содержание вкладывается в это понятие – природа (Б. Спиноза), сущность человека (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо), Бог (Ф. Аквинский) и т. д.), в связи с чем С. С. Сливка называет их метафизическими и субстанциональными парадигмами естественного права⁸³.

Привнесение в юриспруденцию неклассических идей, которое началось с работ И. Канта, перенесло акценты на субъекта, что в XX веке кристаллизовалось в апологии идеи прав человека. Для неклассической юриспруденции ярко выраженными являются две методологические установки. Во-первых, субъективное право начинает рассматриваться как первичное по отношению к объектив-

---

⁸⁰ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–53.

⁸¹ Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В. С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура. – СПб.: Мирь, 2009. – С. 249–295.

⁸² Остин Дж. Позитивістська концепція права / Джон Остин // Філософія права; за ред. Джоела Фейнберга, Джулса Коулмена; пер. з англ. П. Тарашук. – К.: Основи, 2007. – С. 41–56.

⁸³ Сливка С. С. Філософія права: навч. посіб. / С. С. Сливка. – К.: Атіка, 2012. – С. 104–149.

ному праву (Н. Н. Алексеев), то есть происходит постепенное выдвижение субъекта в центр правовой сферы. Во-вторых, картина правового мира, ранее мыслимая в понятиях объективного, дополняется значимым субъективным компонентом. Иными словами, право перестает мыслиться исключительно как атрибут социальной реальности, но также предстает как реальность субъективная, центрированная вокруг субъекта. Таким образом, в неклассическом мировоззрении, порожденном философией модерна, главенствующей идеей становится субъектоцентризм, с ярко выраженным антропологическим уклоном.

Становление постнеклассической парадигмы юриспруденции, по мнению современных исследователей (Ю. Н. Оборотов, И. Л. Честнов, А. В. Поляков) связано с юридизацией принципов и методов, сформулированных в междисциплинарных исследованиях. Междисциплинарность как признак современной науки, по мнению В. С. Степина, – это показатель одновременно фрагментации объектов и интеграции методов как социальных и гуманитарных, так и естественных наук⁸⁴.

Среди основополагающих принципов постнеклассической юриспруденции особое место принадлежит принципу дополнительности. В то же время сегодня сложно говорить о его окончательной юридизации, поскольку само его использование по отношению к сферам права и государства весьма неоднозначно. С одной стороны, принцип дополнительности используется в том его виде, который в естественных науках известен как «принцип неопределенности Гейзенберга», и гласит о двойственности системного описания объекта. На этой основе формулируются современные интегративные теории правопонимания (либертарно-юридическая, коммуникативная, ценностно-нормативная). Другая, более широкая, интерпретация принципа дополнительности состоит в так называемом «парадоксе наблюдателя», смысл которого заключается в том, что система, находящаяся в одной системе отсчета с наблюдателем, изменяет свое состояние в результате наблюдения (как в микромире, так и в макромире). С точки зрения феноменологии раскрыл содержание парадокса наблюдателя

⁸⁴ Степин В. С. Указ. соч. – С. 39–40.

М. К. Мамардашвили: «мир не может вернуться в прежнее положение, поэтому мы не можем знать о том, каким он был до того, как он *уже* изменился, *уже* воспринимался, *уже* наблюдался»⁸⁵.

Такое понимание принципа дополнительности возможно и в юриспруденции. Использование различных подходов к пониманию права, интеграция различных концепций правопонимания, плюрализм научных теорий права – все это наводит на мысль о том, что право не просто по-разному понимается, но и предстает перед разными наблюдателями в разных ипостасях (например, потерпевший и обвиняемый, правоприменитель и субъект права). С этих позиций Ю. Ю. Ветютнев утверждает, что понятие права как ключевой идеи всей философии права не столько открывается, подобно физическому закону, сколько конструируется⁸⁶.

Подобная интерпретация принципа дополнительности приводит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу – у права нет объективной реальности. Реальность права – *интерсубъектна*, то есть оно является конвенциональной системой норм и ценностей, которые формируются как результат договоренностей. Такую конвенциональность И. Л. Честнов называет ключевой характеристикой правовых понятий⁸⁷. Однако едва ли это единственная сфера проявления конвенциональности. Можно утверждать, что все право так или иначе можно рассматривать как договоренность юристов, которая может изменять свое содержание в зависимости от ситуации.

С позиций интерсубъектности простая субъективность, вокруг которой выстраивалась философия модерна, утрачивает свое значение. В первую очередь это связано с тем, что она исходит не из *субъективной* природы правовых ценностей, а из их *субъектной* природы, что означает исключительность субъекта как носителя правовых ценностей. Таким носителем является не обязательно

---

⁸⁵ Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / Мераб Мамардашвили. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – С. 53.

⁸⁶ Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы : моногр. / Ю. Ю. Ветютнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – С. 9.

⁸⁷ Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учеб. пособ. / И. Л. Честнов. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2004. – С. 43.

только человек. Субъектом правовых ценностей может быть общество, государство, цивилизация в целом. Именно благодаря различию субъектности и субъективности в философской концепции Г. С. Батищева представляется возможным развить интересубъектную парадигму (несмотря на то, что сам Генрих Степанович был против термина «интерсубъектность»), при этом не отказываясь от антропологизма в понимании права.

Действительно, если следовать диалектической логике философа, то субъективность предстает как отстраненность от общего, противоположность объективности, которая вновь возвращает к субъект-объектному противопоставлению. «Напротив, – пишет Г. С. Батищев, – субъектное само по себе всецело принадлежит объективному непосредственно. Оно представляет собой внутреннюю собственную ступень на многомерной лестнице все более и более сложных, развитых и совершенных форм бытия. Поэтому в противовес субъективному человек, чем более субъектен, тем выше продвинул на этой лестнице, на этом беспредельном пути становления. Полнота субъектности обретается лишь по мере превозможения субъективности»⁸⁸. Вследствие этого субъектность правовых ценностей выражается через их принадлежность интересубъектному как форме объектного-целого, комплексного. Если говорить о такой объектности, которая раскрывается через субъектность каждого, то логичным выглядит утверждение, что субъектом-носителем правовых ценностей может быть не только отдельный идентифицированный субъект – человек, но и социальная группа, нация, человечество.

В этом контексте важно обратиться к распространенному в наше время утверждению о существовании общечеловеческих ценностей. Довольно скептическую позицию относительно общечеловеческих ценностей занимает Ю. Н. Оборотов. По его мнению «термин «общечеловеческие ценности» возник на почве противостояния практике тоталитаризма как система принципов высокого

---

⁸⁸ Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – М. : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – С. 45.

уровня обобщения. Среди них называют права человека, демократию, свободу, равенство, разделение властей, местное самоуправление. В дополнение к перечисленному выделяют такие общечеловеческие ценности, как политический и идеологический плюрализм, конституционализм, справедливость, свободные выборы. Между тем реальное осуществление провозглашенных общечеловеческих ценностей весьма сложно вписывается в конкретную правовую жизнь в реальных цивилизациях и государствах»⁸⁹. Как отмечает А. А. Фальковский, вопрос реального осуществления общечеловеческих ценностей осложняется также тем, что их содержание является достаточно нечетким, абстрактным, и, следовательно, реализовать неопределенные ценности становится довольно сложно⁹⁰.

Думается, в контексте этой дискуссии следует более четко разъяснить понятия. Если речь идет об общечеловеческих ценностях самих по себе, то серьезным аргументом против сторонников их отсутствия является то, что партикуляризм, национально-этнические, социально-классовые и религиозно-конфессиональные различия лишь порождают разную интерпретацию таких понятий, как «честь», «дружба», «прекрасное», «священное»⁹¹. Между тем когда говорят об идеалах, ценностях, нормах (то есть об аксиологических формах знания), то признают, что они выражают ценностное отношение человека к миру и, безусловно, находятся не только в бытии, но и в сознании. В гносеологическом контексте ценности выступают смыслами: опредмеченный и отчужденный от своего создателя смысл существует уже не в сознании, а в предметной сущности – прежде всего языке⁹². Именно язык становится той

⁸⁹ Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии : моногр. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2001. – С. 34.

⁹⁰ Фальковский А. О. Аксиологічний підхід в методології сучасної юриспруденції : дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / А. О. Фальковський. – Одеса, 2011. – С. 103.

⁹¹ Рабинович П. М. Основоположні права людини : сучасні позиції православних церков Росії та України / П. М. Рабинович // Вісник Академії правових наук України : зб. наук. праць. – 2010. – № 3 (62). – С. 3–11.

⁹² Кравец А. С. Смыслы и ценности / А. С. Кравец // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. – 2007. – № 6. – С. 20.

первичной средой, в которой ценности находятся в непосредственном бытии. Исходя из этого, идея общечеловеческих ценностей может быть подтверждена тем, что ключевые человеческие понятия, выражающие ценностное отношение к миру – красота, дружба, любовь, справедливость, свобода – легко переводимы с одного языка на любой другой, причем без искажения смысла. Другой, не менее значимый аргумент, приводят этнологи, когда свидетельствуют о существовании схожих мифов, легенд, поверий, образов и символов у народов, которые в своем развитии никак не могли пересекаться. При этом порою даже сюжеты мифов и их герои невероятно схожи. Это наводит на мысль о том, что структура ценностного сознания у всех людей схожа. Различаются условия ее формирования и наполнение, но не сам принцип отношения к окружающему миру⁹³.

Собственно, такая же аргументация может быть применена и к дискуссии об общечеловеческом характере прав человека. Ценность человеческого бытия проявляется во всех измерениях: в искусстве и религии, политике и праве. И если права человека рассматривать под ценностным углом зрения, то можно согласиться с тезисом, что у всех людей есть нечто общее: все они являются человеческими существами. А потому, несмотря на любые спекуляции вокруг культурного разнообразия, ни одна культура не допускает эксплуатации одного человека другим; никакая религия не позволяет убить невинного; ни одна цивилизация не принимает террора и насилия; жестокость не свойственна ни одной традиции; пытки несовместимы с человеческой совестью. Именно поэтому никакие поблажки в отношении прав человека под прикрытием культурных традиций не могут быть восприняты как должное, поскольку в правах человека воплотились основные ценности всех человеческих цивилизаций, а не только западной⁹⁴.

⁹³ Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопросы философии. – 2007. – № 4. – С. 87.

⁹⁴ Лінник Н. В. Права людини як категорія та цінність права / Н. В. Лінник // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 103.

Такая позиция умеренного универсализма в отношении прав человека прослеживается в работах Ю. Хабермаса, О. Хёффе, К.-О. Апеля, Дж. Раза, среди отечественных ученых – у П. М. Рабиновича, О. В. Грищук, С. И. Максимова⁹⁵.

Подход к правовым ценностям и ценностям права с позиций их интересубъектной природы помогает снять то противоречие, которое чаще других подчеркивается в философии права и общетеоретической юриспруденции, а именно – чрезмерная релятивность аксиологического подхода, ведь фактически каждый исследователь, использующий аксиологический подход, имеет свою ценностную иерархию, ценностные установки и, как следствие, – ценностное видение права⁹⁶. Это действительно так, но признание интересубъектной природы правовых ценностей позволяет обосновать их межличностную природу, поскольку каждый субъект находится в пределах более общей целостности, которая детерминирует его видение государства и права в контексте признанных ценностей.

В этом контексте носителем правовых ценностей, то есть их субъектом, может быть любое сообщество, в том числе и мировое. Однако говорить о том, что права человека являются определяющей правовой ценностью мирового сообщества, по нашему мнению, некорректно. Во-первых, в международном праве существует довольно интересная ситуация, когда человек и его права провозглашаются основными ценностями, но он даже не признается субъектом международно-правовых отношений. Поэтому в действительности мы имеем совсем другую ситуацию: основные ценности на уровне функционирования международной правовой системы – это государства и международные организации. При этом основной инструментальной ценностью международного права считаем возможным называть сохранения мира между государствами, ведь

---

⁹⁵ Максимов С. Права человека: универсальность и культурное многообразие / С. Максимов // *Право Украины*. – 2011. – № 5–6. – С. 24–31.

⁹⁶ Крестовська Н. М. Блиск та злидні правової аксіології / Н. М. Крестовська // *Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу»* (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 50–54.

именно этой ценности подчиняется логика развития международного права.

Концепция интересубъектного восприятия правовых ценностей открывает целый ряд интересных с точки зрения осмысления феномена права проблем, среди которых: соотношение ценностных мотиваций, ценностных установок и ценностных ориентаций; проблематика использования и актуализации ценностей в конкретных жизненных ситуациях и т. п.

Впрочем, следует отметить, что в контексте этой работы ключевое значение имеют вопросы специфики правовых ценностей и ценностей права, проблема их соотношения, центрирования и иерархизации, взаимодействия с нормативной составляющей права и особенности функционирования аксиосферы права как интересубъектной составляющей права. Поэтому понимание нами субъекта во многом близко к позиции М. Фуко: субъект является функцией группирования дискурсов и источников их значений⁹⁷.

С позиций интересубъектности простая субъективность перестает находиться в поле зрения, поскольку ее концептуальное поле – рационалистическая философия. Стремление же представителей коммуникативной философии и философии постмодерна выйти на новые уровни рациональности в постижении общественной реальности отодвигают на второй план индивидуального субъекта, здесь более интересны вопросы структурной онтологии: как происходят связи между субъектами и является ли консенсус конечной точкой дискурса⁹⁸.

Следует в этой связи отметить, что традиционные диалектические противоречия «объект – субъект», «объективное – субъективное» и наиболее фундаментальные «материальное – идеальное» и «первичное – вторичное» только тогда являются методологически важными и интересными, когда ставится вопрос о природе вещей, в том числе и права. Противопоставление объективной и субъективной аксиосферы и выявление их соотношения,

⁹⁷ Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко ; пер. с франц. – М. : Касталь, 1996. – С. 62–64.

⁹⁸ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – С. 157.

обоснование первичности одной и вторичность другой – эти вопросы лишь тогда важны, когда возникает вопрос о том, почему аксиосфера права существует, какова ее природа. Однако перенос вопросов структурной онтологии в сферу натуральной онтологии дает в итоге порочный круг и неразрешимую задачу. Именно поэтому при исследовании аксиосферы права мы не ставим перед собой цель доказать, является ли человек единственно возможным носителем правовых ценностей, существуют ли ценности объективно, являются ли они исключительно результатом оценки. В рамках структурной онтологии исследуются в первую очередь вопросы функциональности бытия, именно поэтому предлагается как постулат воспринимать не антропоцентрическую, а интересубъектную концепцию.

1.1.3. Методологические аспекты ценностно-нормативного правопонимания

Современная украинская юриспруденция находится в процессе формирования новой парадигмы правопонимания, который сопровождается многочисленными дискуссиями представителей различных правовых школ. В этом контексте следует отметить, что образы права и правопонимания как одни из центральных постулатов права находятся в непосредственной зависимости от менталитета, традиций, иерархии ценностей, идеологических убеждений, религиозных и моральных установок исследователя и той социальной среды, в которой он находится. Все это способствует тому, что проблематика правопонимания становится ключевой для современной юриспруденции, и само правопонимание становится необходимым требованием существования права, его постулатом⁹⁹.

Характерными становятся заявления о том, что задачи юриспруденции должны быть непосредственным образом связаны с необходимостью апологии права как обязательного условия «само-

---

⁹⁹ Оборотов Ю. Праворозуміння як аксіоматичне начало (постулат) права / Ю. Оборотов // Право України. – 2010. – № 4. – С. 49–55.

сти» права той или иной социальной общности¹⁰⁰. Означает ли это то, что методологические аспекты правопонимания должны быть узкими, персонифицированными, определенными исключительным социокультурным контекстом конкретной страны? Возможно, это так, но лишь отчасти.

По большому счету, о «самости» права по отношению к отдельным цивилизациям и культурам можно говорить с известной долей условности. Познание права сквозь призму его традиций, истории становления и действия в той или иной национальной правовой системе позволяет выделить ключевые различия между правом разных стран, однако эти различия выражают лишь внешний, формальный аспект права, который К. Цвайгерт и Х. Кетц называют правовым стилем¹⁰¹. Идет ли речь о примате процессуального права над материальным или, наоборот; наличии деления права на частное и публичное; о системе форм и источников права, – это все институциональные элементы, выражающие сущее права, но не его сущность. Потому вопрос о самобытности и универсальности в измерении права – это в вопрос о том, что в праве является сущим, а что – сущностным.

Современная юридическая наука при формировании новой методологии пытается отойти от вопроса о сущности права, заменяя его проблематикой статуса права в контексте той или иной парадигмы, что соответствует требованию методологического плюрализма. Такая позиция оправдывает себя лишь в том случае, если плюрализм понимать в узком смысле – как творческий синтез существующих подходов и методов к познанию правовой реальности. При этом сам методологический плюрализм рассматривается как ключевой принцип постнеклассической юриспруденции. Отсюда закономерным выглядит вывод, что при такой постановке проблемы вопрос о выделении сущности права тождественен отказу от плюрализма. В то же время следует обратиться к другому

¹⁰⁰ Оборотов Ю. Н. Ориентиры апологизации современного права / Ю. Н. Оборотов // Юридическая техника : ежегодник. – 2011. – № 5 : Вторые Бабаевские чтения «Преемственность в праве : доктрина, российская и зарубежная практика, техника». – С. 35–40.

¹⁰¹ Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – Т. 1 : Основы ; пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2000. – С. 99–118.

толкованию принципа методологического плюрализма, когда на основе одного концепта можно построить несколько систем. На основе такого понимания принципа плюрализма можно сделать вывод о том, что в рамках одной современной парадигмы юриспруденции может существовать несколько типов правопонимания, которые предлагают свое понимание сущности права.

Существующая парадигма юриспруденции выражается в различных концепциях правопонимания. Под правопониманием мы подразумеваем наиболее общую картину правовой жизни, претендующую на то, чтобы в ее рамках существовала возможность описания и понимания всех процессов, происходящих в праве.

Отметим, что в рамках каждой концепции правопонимания возникает вопрос определения права, которое, по большому счету, должно концентрировать в себе наиболее принципиальные постулаты этой концепции. Поэтому дефиниция выводится с учетом основного тезиса, характеризующего это правопонимание и являющегося его центральным звеном. Так, для неонормативизма право – это система общеобязательных, формально определенных норм, которые выражают государственную волю общества, ее общечеловеческий характер; издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения; являются властно-официальным регулятором общественных отношений¹⁰². Ключевое слово здесь – норма, правило поведения.

Для антропологического правопонимания право – это система формально-обязательных общих правил поведения людей, установленных или санкционированных государством, выражающих волю доминирующей части социально неоднородного общества, направленных на регулирование социальных отношений в соответствии с этой волей и общесоциальными потребностями, и обеспеченных государством¹⁰³. В такой дефиниции центральным звеном выступают воля и потребности социальных общностей, концентрирующие интересы отдельных субъектов.

---

¹⁰² Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – С. 81–82.

¹⁰³ Рабінович П. М. Основи загальної теорії права і держави / П. М. Рабінович. – Львів : Край, 2007. – С. 10–11.

Либертарное правопонимание В. С. Нерсесянца, ставшее одним из наиболее знаковых и влиятельных на постсоветском пространстве, пытается показать право как специфическую форму свободы, причем основополагающий тезис либертарианства – разграничение права и закона как гносеологическая установка – позволила В. С. Нерсеянцу создать стройную и целостную теорию права, противопоставив ее как нормативизму, так и естественно-правовым учениям. Красной нитью в либертарианстве проходит мысль о том, что центром правовой реальности выступает свобода как воплощение формального равенства¹⁰⁴.

В. А. Четвернин попытался развернуть либертарную теорию права в сторону реальной правовой жизни, воплотить идеалы философии права В. С. Нерсесянца на уровне теоретических обобщений. Результатом этих научных поисков стала институциональная теория права, во многом перекликающаяся с современными американскими и английскими концепциями права. Принимая исходный тезис о разграничении права и закона, исследователь утверждает, что право является специфической моделью правовой реальности, в отличие от правопорядка, который эту реальность представляет. Основой для такого понимания права является гипотеза об институциональной природе правовых предписаний, которые существуют прежде всего в правовой практике. Правовой институт для В. А. Четвернина является сосредоточением права, а официальные тексты – сосредоточением закона. Право, таким образом, – это система социальных институтов, обеспечивающих свободу¹⁰⁵.

Ценностно-нормативное правопонимание предлагает под правом подразумевать исторически сложившуюся, морально обоснованную и религиозно выверенную, легализованную ценностно-нормативную систему, которая рассчитана на всеобщее признание (легитимацию) и соответствующее поведение людей, организаций,

¹⁰⁴ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В. С. Нерсесянц. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА – М, 1998. – 245 с.

¹⁰⁵ Четвернин В. А. Институциональная теория права [Электронный ресурс] / В. А. Четвернин, А. В. Яковлев. – М. : ГУ-ВШЭ, 2009. – Режим доступа : <http://teoria-prava.hse.ru/files/institution.pdf>

социальных общностей, в которой используются процедуры, формализованные решения и государственное принуждение для предупреждения и разрешения конфликтов, сохранения социальной целостности¹⁰⁶. Определяющим тезисом ценностно-нормативного правопонимания выступает восприятие права как системы, в которой функционируют как нормы, так и ценности.

В ценностно-нормативном правопонимании выражена трансляция права через века от поколения к поколению с помощью правового менталитета, правовых традиций, правовых институтов, что позволяет проследить историческую обусловленность права, его моральную обоснованность и соответствие традиционным религиозным основам. Как подчеркивает Ю. Н. Оборотов, ценностно-нормативная система права всегда рассчитана на ее признание народом, то есть легитимацию, что обеспечивает ее действенность и эффективность. Вне сомнений, легитимность – это важная основа того, чтобы правовой механизм функционировал, поскольку вряд ли можно решить задачу правового воздействия, не используя такие правовые инструменты, как устойчивые процедуры, формализованные решения и средства государственного принуждения¹⁰⁷.

Наконец, центральными идеями ценностно-нормативного правопонимания выступают, во-первых, конфликтное назначение права и, во-вторых, необходимость сохранения существующей социальной целостности. Смысловая характеристика права и профессия юриста всегда связаны с возможностями предупреждения возникновения конфликтных ситуаций, а при их возникновении – оптимального решения. Так же как целью права с момента его возникновения в древнем обществе до наших дней является обеспечение целостности человеческого существования от рода и племени в древности, до семьи и государства в современной жизни¹⁰⁸.

В то же время необходимо уточнить, что выработанное в рамках ценностно-нормативного правопонимания понятия права является актуальным только тогда, когда право понимается как ценностно-нормативная система национального уровня, то есть зависимая

---

¹⁰⁶ Общетеоретическая юриспруденция. Учебный курс : учеб. / под ред. Ю. Н. Оборотова. – Одесса : Феникс, 2011. – С. 56–57.

¹⁰⁷ Там же. – С. 57.

¹⁰⁸ Там же. – С. 57–58.

от традиций, культуры, религии, морали и т. п. конкретной социальной общности. Трудно спорить с тем, что современное международное право, транснациональное право, интегративное и глобальное право также выступают системами ценностно-нормативного типа, а потому на них приведенная дефиниция не распространяется. Впрочем, отметим, что разнообразие уровней бытия права не отрицает его единой природы, которая выражается в существовании специфических правовых ценностей, выступающих ключевыми элементами легитимации конкретной правовой системы.

Центрирование той или иной концепции правопонимания вокруг одной категории, идеи или формулы в рамках этой концепции считается наиболее значимым, является выражением ценностной природы этого центра. И с этих позиций очевидно, что признание ценностных оснований права – это универсальная идея всех существующих концепций правопонимания, которая позволяет им сосуществовать в рамках единой парадигмы юриспруденции. При этом следует обратить внимание на то, что категорию правовой ценности можно рассматривать как методологическую основу обоснования универсальности идеи права во всех цивилизациях.

Кроме того, отметим, что ценностно-нормативное правопонимание является универсальной концепцией, поскольку предполагает восприятие ценностных и нормативных составляющих права в рамках любой правовой системы национального типа. При этом ему присущи все признаки универсальной концепции. Так, ее горизонтальные границы определяются прежде всего соотношением с интегративным правопониманием, которое также можно признать универсальным. Если использовать методологический инструментарий определения границ универсальных концепций, предложенный А. П. Овчинниковой¹⁰⁹, то интегративное правопонимание выстраивается по принципу дедукции: создается базисный гипотетический тезис о том, *что* есть право, а потом на него «нанизываются» положительные стороны всех существующих концепций правопонимания. Ценностно-нормативное правопонимание выстраивается на индуктивном принципе: все концепции правопони-

¹⁰⁹ Овчинникова А. П. Предпосылки, Ценности и Границы универсализма / А. П. Овчинникова // Цінності культури і цивілізація : вибрані праці. – Одеса : Юрид. л-ра, 2010. – С. 20–34.

мания в силу принципа плюрализма априорно рассматриваются как равноценные, и путем анализа в их содержании выделяются, по В. Виндельбанду, «коренные факты бытия» – ценности.

Полагаем, что верхней вертикальной чертой ценностно-нормативного правопонимания является его соотношение с философско-правовыми учениями. В этой связи следует подчеркнуть, что уровень обобщенности ценностно-нормативного правопонимания позволяет говорить о нем как о целостной философско-правовой концепции, на которой реализуются методологические установки современной философии права. Корни ценностно-нормативного правопонимания следует искать в неокантианстве, которое предлагает целостную картину бытия, основанную на абсолютности ценности. Нижней вертикальной чертой ценностно-нормативного правопонимания можно считать его соотношение с теоретическими конструкциями, которые для юридической науки воспринимаются как менее обобщенные формы знания о праве (теория правового порядка, теория правового поведения и т. д.).

Следует подчеркнуть, что оценочные суждения – это ключевой признак гуманитарного мышления, поскольку это именно та сфера науки, в которой соотношение должного и действительного является основной проблемой. Именно поэтому трудно согласиться с тем, что ценности, в том числе и ценности правовой сферы, не могут быть объектом познания, а лишь его инструментом, а потому отражающее сознание только фиксирует ценности, а рефлексивное – их интерпретирует¹¹⁰. По нашему мнению, ценности выступают не только способом, но и целью познания.

Итак, ценностно-нормативное правопонимание выводит на признание правового плюрализма, одновременно не отвергая значимости нормативной составляющей права, что часто происходит в естественно-правовых учениях. Действительно, сосуществование в рамках права ценностей и норм является именно тем тезисом, который в полной мере соответствует современной эпохе.

---

¹¹⁰ Абишева А. К. О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 140.

1.2. Концепт аксиосферы права

В современной философско-правовой мысли рассмотрение ценностей как элементов права часто связывается с идеей правовой реальности как жизненного мира права. При этом структура и содержание правовой реальности раскрывается по-разному. Один из возможных вариантов ее рассмотрения связан с так называемым сферным подходом. Так, Г. И. Иконникова и В. П. Ляшенко отмечают, что существуют четыре основные сферы жизни общества: экономическая, политическая, социальная и духовная, которые образуют определенные сферы бытия человека¹¹¹. Сложно согласиться с таким делением (хотя бы потому, что здесь не выдержано логическое правило единства основания классификации: экономическая и политическая сферы должны быть включены в социальную), однако можно заметить, что во многом именно благодаря сферному подходу возможно рассмотрение множества аспектов бытия права. Проявляясь одновременно во многих областях жизни человека и общества, право создает особую сферу – правовую, которая охватывает все проявления правовой жизни общества.

При этом важно подчеркнуть, что в содержании права также происходит размежевание многих сфер: говорят о сфере частного и сфере публичного, уголовно-правовой и гражданско-правовой сфере и т. д. Представляется, что применение сферного подхода в отношении ценностей позволяет говорить о существовании особой сферы – аксиосферы права. При этом, выступая частью правовой реальности, эта сфера также вовлечена в жизнь общества, она активна, действенна, не оставляет человека безучастным, побуждает считаться с собой.

Система ценностей, иначе аксиосфера, – понятие, возникшее в философии по аналогии с понятиями ноосферы (В. И. Вернадский и П. Тейяр де Шарден) и семиосферы (Ю. М. Лотман)¹¹². Под аксиосферой в философской литературе понимают явление, которое ха-

¹¹¹ Иконникова Г. И. Философия права : учеб. для магист. / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – С. 146–147.

¹¹² Каган М. С. Философская теория ценности : монография / М. С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. – С. 49.

рактирует существенные черты аксиологического пространства, его структурную неоднородность, внутреннее многообразие и образует иерархию, компонентные составляющие которой находятся во взаимодействии и единстве¹¹³.

Наряду с этим аксиосфера – это вся сфера ценностного отношения человека к миру, которая включает в себя как минимум два компонента: во-первых, мир ценностей, во-вторых, субъективную реальность ценностного видения мира ценностей в виде ценностных представлений, оценок, идеалов, канонов, образов¹¹⁴. Аксиосфера охватывает ценности прежде всего в их системном бытии, подчеркивает структурно-онтологический аспект ценностных отношений и фактов. Но аксиосфера включает в себя и субъективный мир ценностных представлений, оценок и всех многообразных проявлений ценностного сознания. Как и семиосфера, аксиосфера неоднородна и внутренне разнообразна, но ее элементы находятся в системном отношении.

Понятие «аксиосфера» предполагает единство ценностных явлений, структурную связь между ними. Именно поэтому для исследования аксиосферы методологически необходимым становится системный метод, основанный на структурной онтологии вещей, свойств и отношений. Аксиосфера призвана также отделять ценностные явления от неценностных. Вместе с тем это понятие не предусматривает полную автономизацию ценностей. Оно позволяет определять коммуникативные свойства сферы ценностей с другими сферами бытия и сознания, особенно со сферой культуры. В этом контексте ценность как онтологическая основа аксиосферы – это специфичная реальность, в которой символически существуют формы бытия человека, социума и культуры¹¹⁵.

Как отмечает А. А. Ивакин, понятие «аксиосфера» с появлением его в философской литературе подверглось стремительной ин-

---

¹¹³ Тугаринов В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – С. 111.

¹¹⁴ Янкина Н. В. Аксиосфера культуры и образование [Электронный ресурс] / Н. В. Янкина // Аксиология и инноватика образования. – Режим доступа : <http://www.orenport.ru/axiology/docs/5/4.pdf>

¹¹⁵ Stolovich L. On the Concept of 'Axiosphere' [Electronic resource] / Leonid Stolovich. – Mode of access : <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Valu/ValuStol.htm>

фляции, что выразилось в формировании и обосновании огромного количества аксиосфер: аксиосфера культуры, аксиосфера личности, аксиосфера современного учителя, аксиосфера гендерного статуса и т. д. По мнению философа, такой подход дробления сущностей нивелирует само понятие «аксиосфера», поскольку направляет на изучение исключительно многообразия проявлений ценностей человеческого бытия, минуя вопрос об их системном единстве¹¹⁶.

Действительно, несмотря на производный характер самого понятия «аксиосфера» от понятия «ноосфера», которая мыслилась П. Тейяром де Шарденом как главная цель и ценность бытия человека – сфера разума, построение которой является целью любого развития, – можно согласиться с тем, что правовая аксиология как содержательная часть онтологии права должна исследовать проблемы правового обеспечения возможностей человека свободно образовывать сферу Разума в себе, в своем окружении и в цивилизации в целом. Аксиосфера должна рассматриваться как составляющая ноосферы, в которой существуют ценности – личные, цивилизационные и общечеловеческие.

Впрочем, соглашаясь с тем, что вопрос об аксиосфере в философии является одним из новейших, а потому далеким от своего однозначного решения¹¹⁷, можно утверждать, что целесообразно использовать понятие «аксиосфера» для обозначения мира ценностей и ценностного отношения в любом его смысле: будь то «идеал общего царства целей самих по себе (разумных существ)» (И. Кант), или трансцендентальные ценности неокантианцев; «бытие ценностей как идеального» (Н. Гартман); некий «третий мир» по идеям К. Поппера; бытие ценностей как основанного на Боге и Царстве Божьем (Н. Лосский); сфера «смыслов» (А. Лосев); аспект социокультурной реальности (М. С. Каган) и т. д. Этот перечень трактовок аксиосферы можно было бы продолжить, но нам хотелось бы подчеркнуть, что аксиосфера охватывает ценности прежде

¹¹⁶ Ивакин А. А. Право человека на ноосферу как основополагающая идея аксиосферы права / А. А. Ивакин // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 25.

¹¹⁷ Stolovich L. Указ. соч.

всего в их объективном бытии, подчеркивает онтологический аспект ценностей.

Большинство исследователей раскрывают содержание понятия «ценность» через выделение основных характеристик, которые так или иначе присущи различным формам их бытия: «значимость», «нормативность», «полезность», «необходимость» и др. При этом вполне обоснованно утверждается, что возникновение ценности связано, с одной стороны, с предметами, явлениями, их свойствами и способностью удовлетворять потребности человека и общества, а с другой – ценность выступает как суждение, которое вытекает из оценки существующего предмета или явления человеком и обществом.

Соотношение «ценности бытия» и «бытие ценности» – проблема не только методологическая, она выражает чуть ли не основной вопрос аксиологии. Еще основатель философии ценностей Г. Лотце противопоставлял мир ценностей и мир явлений. Ему же принадлежит различение бытия вещи и ее значимости (*Gelten*). По концепции Г. Риккерта, «ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Суть их заключается в их значимости, а не в фактичности»¹¹⁸. Трансцендентальная философия ценности неокантианства была критически преодолена феноменологией. В ней ценность выступает как интенциональный объект, полный интенционального коррелята оценочного акта (Э. Гуссерль). Феноменологическая интерпретация ценности, при которой ценности имеют интенциональную природу, позволяла субъективировать ценности некоторыми сторонниками экзистенциализма, но также рассматривать ценности как нечто объективно духовное при подчеркивании интересубъектности трансцендентальности сознания (М. Шеллер, Н. Гартман, Р. Ингарден)¹¹⁹. Так, по учению Н. Гартмана, ценность объективно-идеальна. При этом бытие ценностей как идеального безразлично по отношению к ре-

---

¹¹⁸ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1999. – 128 с.

¹¹⁹ Stolovich L. Value as a Phenomenon: Variants of the Phenomenological Understanding of Values / L. Stolovic // *Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. Volume XXXIX.*-Dordrecht. – London: Kluwer Academic Publishers, 1993. – P. 193–203.

альному бытию и небытию. Их идеальное бытие-принадлежность (*Seinsollen*) заключается в независимости от реальности или ирреальности их материи, однако идеальное бытие принадлежности включает в себя тенденцию, направленную на реальность¹²⁰.

Именно потенцию к реальности, то есть априорную интенцию к реализации, следует рассматривать как ключевой признак ценности, что отличает ее от других элементов сферы должного. Более того, именно реальность аксиосферы, ее конкретные социокультурные измерения и мифологические, политические, экономические и правовые принципы являются основой для бытия ценностей. Ценности находят свое бытие только в системе, и именно поэтому существование аксиосферы науки (где она представлена в виде системы методологий и методик, парадигм, принципов, постулатов, подходов, концепций, теорий и других инструментов достижения истины), аксиосферы религии (состоящей из священных книг, догматов, доктрин, обрядов, церемоний, литургий, заповедей, особых религиозных практик и т. п.), аксиосферы политики (где функционируют ценности политической культуры, власти, идеологий) – закономерный результат их становления.

Ценность как суждение обычно рассматривается сквозь призму логической связки «субъект – отношение – объект», что выражает необходимость субъективации ценности, поскольку лишь нечто оцененное может быть ценностью. Объект сам по себе, исходя из такой позиции, не может быть ценностью, поскольку ценность всегда субъективна. Ошибочность такого подхода подчеркивал М. Хайдеггер, когда утверждал, что «пора понять, наконец, что именно характеристика чего-либо как «ценности» лишает оцененное его достоинства. Это означает: через оценку чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать только как предмет человеческой оценки. [...] Любая оценка, даже если оценка положительная, является субъективацией. Она оставляет на долю сущего не быть, а, – на правах объекта оценки, – всегда лишь считаться»¹²¹.

¹²⁰ Hartmann N. Ethik / Nikolai Hartmann. – Berlin u. Leipzig : W. de Gruyter, 1926. – 746 s.

¹²¹ Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер ; сост., пер. с нем. и комм. В. В. Бибихина. – М. : Республика, 1993. – С. 34.

Действительно, подход к понятию ценности исключительно с позиций оценки не только сужает его, но и фактически подменяет явление отношением. Оценку нельзя назвать единственно возможным фактором образования ценности, поскольку в реальности ценность может проявлять себя и в других ипостасях. В первую очередь речь идет о процессах признания ценности, привнесения ценности, а также – насаждения ценностей (в том числе авторитарным путем, когда говорят, например, о понимании политических систем). Кстати, именно дефектность оценки, подмена вещи отношением подталкивают к тому, чтобы рассмотреть субъектные аксиосферы как симулякры, копии без оригинала, в которых постоянно происходит имитация значимости, которая, впрочем, всегда находится за пределами субъекта. Именно поэтому субъект в действительности не выбирает ценности, а тем более не создает их, он их может только признавать и отдавать предпочтение.

Элементы аксиосферы находятся в динамическом соотношении, поскольку в любом обществе постоянно и параллельно друг другу проходят два взаимосвязанных процесса: создание новых ценностей и передача ценностного наследия от одного поколения другому. Проблема передачи ценностного наследия тем сложнее, чем шире масштабы деятельности общества, больший объем уже накопленных ценностей. Следует подчеркнуть, что процесс ценностного наследования выступает определяющей аксиологической основой формирования правовой системы и является, таким образом, непосредственным предметом юриспруденции.

Специфичность всех существующих аксиосфер, к которым относится и аксиосфера права, выражается не только в особом роде ценностей, то есть особом субстрате их существования и развития, но и тем, каким образом аксиосфера реализует себя, в чем выражает свое содержание, как подтверждает свою реальность и действительность.

Аксиосфера права может в этом контексте мыслиться как реальный мир ценностей, находящихся в правовом пространстве и имеющих правовое измерение. Можно согласиться с С. И. Максимовым в том, что очевидности правосознания, через которые происходит постижение наличия права и справедливости в обществе,

образуют специфические ценностно-смысловые основы права¹²². Ценностно-смысловые основы права, которые, собственно, и концентрируются в его аксиосфере, имеют значение не только для обоснования его в целом, но и для культурно-цивилизационного оправдания и общественно-гражданского признания. Именно они определяют смысл права, образуя правовую реальность как интегральное единство всех предельных основ права. Специфику же конкретной аксиосферы права определяют прежде всего эмпирические основы, к которым правовед, вслед за Г. Ротлейтером¹²³, относит мифологические, религиозные, природные, когнитивные, социальные, моральные, политические и исторические.

Именно предельность аксиосферы права предопределяет ее существование на нескольких уровнях и, как следствие, – выражение не только ценностного отношения любого субъекта к праву, но и его внутреннюю ценностную обоснованность. Ценностная обоснованность права – это ключевой момент его эффективности, поскольку в нем сосредотачивается проблема легитимности права. Аксиосфера права – это поле перехода аксиологического аспекта права в деонтологический, и в ее рамках каждый отдельный субъект определяет для себя критерии необходимости права, познает важность подчинения ему. В этой связи проблема легитимности права может быть решена двумя принципиально разными путями и схематично может быть представлена в таких утверждениях: «я должен подчиняться праву, поскольку оно является силой» и «я должен подчиняться праву, поскольку оно является ценным для меня». Таким образом, легитимность современного права – это вопрос его ценностной обоснованности, актуальности для каждого субъекта в праве.

Важно подчеркнуть и коммуникативную природу аксиосферы права, которая проявляет себя в том, что ценности правовой сферы, существующие одновременно в позитивном праве и правосознании, являются объектами общественного дискурса. Интересно, что в рамках коммуникативной философии толкование ценности

¹²² Максимов С. До питання про засади права: спроба систематизації / С. Максимов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 38–45.

¹²³ Rottleuther H. Foundations of Law / H. Rottleuther. – Dordrecht, 2005. – 205 p.

как значимости (то есть результата оценки) заменяется толкованием ее как смысла. В этом контексте смыслы, образующие жизненное пространство человека, постоянно образуют иерархии – от общечеловеческих до ситуативных.

По мнению Ю. Хабермаса, если речь выступает как средство социальной интеграции, то имеет место коммуникативное действие. В ситуации коммуникативного действия «действительным для координации участников является усилие, направленное на языковое *взаимопонимание* (выделено мной – К. Г.), то есть связующую силу языка как такового»¹²⁴. Именно коммуникативное действие, по мнению Ю. Хабермаса, делает возможным существование и развитие социального строя, поскольку в нем содержатся структуры сознательного самоограничения¹²⁵. «Только коммуникативное действие означает, что индивиды используют структуры ограничения языка, intersубъективно принимаемых (в смысле слабой трансцендентальной необходимости), для того, чтобы выйти из эгоцентрической позиции целерациональной направленности на собственный результат и соотнести себя с критерием рациональности, направленной на взаимопонимание»¹²⁶.

Таким образом, ценности в рамках коммуникативного действия играют ключевую роль: они, в отличие от взглядов, установок, убеждений и т. д., выражают то общее, что позволяет достичь взаимопонимания в рамках жизненного пространства. Именно поэтому стремление субъекта быть признанным, услышанным в правовом поле неразрывно связано с необходимостью признания и принятия тех правовых ценностей, которые существуют в конкретной правовой системе. Признание ценностей правовой сферы является интенцией понимания и достижения компромисса.

Восприятие аксиосферы права как системы ценностей приводит к необходимости признания существования различных сис-

---

¹²⁴ Габермас Ю. Дії, мовленнєві акти, мовленнєві інтеракції та життєвий світ / Юрген Габермас // Комуникативна практична філософія. – К. : Лібра, 1999. – С. 293.

¹²⁵ Матюшина И. И. Место ценностей в коммуникации (по работам Ю. Хабермаса) / И. И. Матюшина // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. літ., 2008. – Вип. 40. – С. 87.

¹²⁶ Габермас Ю. Указ. соч. – С. 304.

тем ценностей, а следовательно – различных аксиосфер. Фактически речь идет о том, что каждая отдельная институциональная сфера бытия человека имеет собственную систему ценностей, а часто – несколько таких систем. Человек, таким образом, всегда стоит перед необходимостью выбора системы ценностей. Существование в рамках множественности ценностных систем – это одна из главных проблем бытия современного человека. Прошли времена, когда человек находился в рамках одной системы координат и фактически не делал сознательного выбора, какую ценность предпочесть. Сегодня каждый субъект не только ежеминутно находится перед проблемой выбора, но и находится в условиях иллюзии такого выбора.

Ценности правовой сферы подвижны, они образуют одновременно системы различных типов. Например, можно говорить о системе правовых ценностей, которую называют «законопослушностью». Кстати, весьма показательным является тот факт, что этот термин в последнее время все в меньшей степени присутствует в языке современного права и речи юристов. Законопослушность как идеальная ценностно-нормативная система поведения, мотивации и мышления сегодня перестает быть актуальной, поскольку теряет свою ценностную основу, которая опирается только на нормативную составляющую, что приводит к тому, что законопослушный субъект – это ограниченный субъект, субъект, который не видит проблемы выбора, субъект пассивный в формировании вариантов поведения.

На смену законопослушности приходит правовая активность, то есть волевое поведение субъекта, который, находясь в рамках аксиосферы права, делает выбор: ориентироваться на ценности правовой сферы, нравственности или апеллировать к собственной совести. Активный субъект – это субъект, который находится в нескольких ценностных системах одновременно.

Существование нескольких ценностных систем – важнейшая проблема современного правового развития. Она подрывает вековые основы догмы права, разрывает связи между должным и действительным, вечным и временным. Право больше не может

рассчитывать на извечную легитимность, оно теряет свой авторитет как стабильная система предписаний. Для современной правовой сферы характерной чертой становится приоритет «здесь-и-сейчас-бытия» над догмой права.

Аксиосфера права, таким образом, должна сочетать в себе, с одной стороны, «здесь-и-сейчас-бытие», выражать витальные ценности, прагматичные, практичные и временные ориентиры поведения субъекта, а с другой – служить устойчивой основой для правовой системы. Эта проблема в рамках философии права решается путем признания двух основных типов ценностей правовой сферы – правовых ценностей и ценностей права.

Правовые ценности и ценности права выражают сущностный аспект аксиосферы права. Однако было бы ошибкой считать, что на этом заканчивается аксиосфера права как таковая. При таких условиях мы должны признать, что существует определенная сфера ценностей правовой жизни, в рамках которой функционируют субъекты права, выносятся решения, применяется государственное принуждение, функционирует механизм права и государства. Действительно, несмотря на то, что спецификой любой аксиосферы является ее стабильность, ошибочно полагать, что аксиосфера не существует как изменчивое явление.

Трансформация ценностных иерархий при стабильности аксиосферы наводит на мысль о том, что аксиосфера права является, по выражению Й. Хейзинга, аксиоструктурой¹²⁷, в рамках которой утверждается динамика ценностей правовой сферы, подвижность их иерархий, что делает невозможным окончательную детерминацию правовой культуры и правовой сферы как таковой. Понятие аксиоструктуры развивает также М. С. Каган, утверждая, что развертывание любой сферы является процессом развития ее ценностных основ, а потому рано или поздно произойдет реализация открытого Гегелем закона неравномерного развития, когда иерархия ценностей меняется не в результате трансформации аксиоструктуры, которая воспринимается трансцендентально, как некая онтологи-

---

¹²⁷ Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга // Homo Ludens. – М. : Мысль, 1992. – С. 241–384.

ческая основа бытия ценностей, а как следствие изменения ценностных доминант¹²⁸.

Именно поэтому на вершине аксиосферы права постоянно оказывается то один, то другой вид ценностей. Если не углубляться в структуру аксиосферы права и не осуществлять различения в ней различных типов ценностей, а воспринимать ее как некую данность, реально существующее явление, то можно утверждать, что развертывание аксиоструктуры имеет два полюса, когда на вершине иерархии оказывается трансцендентальный тип ценностей и когда он меняется на имманентный тип ценностей. Именно ценностная детерминация образует два основополагающих типа права, воспринимаемых как право справедливости и право жизни.

Аксиосфера права, таким образом, мыслится как обязательная аксиоструктура, в пределах которой существуют, трансформируются и воспринимаются субъектами различных типов ценностные иерархии и доминанты, образуются ценностно-содержательные основы права, происходит его легитимация и культурное, нравственное, религиозное оправдание. Аксиосфера права существует как часть правовой реальности, относительно автономная по отношению как к нормативности, так и жизненности, социальности права, то есть как особая правовая субстанция, вполне самобытная и уникальная, со своей специфической структурой, действием и целями.

Аксиосфера права имеет выход на аксиосферу государства, которая формируется в процессе диалога общества и государства, а также личности и государства. При этом динамика аксиосферы государства выражается не только в формировании, но и фиксации и усвоении ценностей государства¹²⁹. Раскрывая содержание аксиосферы государства, Ю. Н. Оборотов утверждает, что ценности государства выступают как формы позитивного отношения к государству и его институтам, переживаются и обуславливаются культурой и определяют выбор соответствующего этим ценностям поведения. Формами бытия ценностей государства являются,

¹²⁸ Каган М. С. Указ. соч. – С. 134.

¹²⁹ Оборотов Ю. Н. Содержание аксиосферы государства / Ю. Н. Оборотов // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 225.

по мнению ученого, во-первых, государственные идеалы, во-вторых, государственные институты и, в-третьих, государственные образы.

Связь этих двух аксиосфер проявляется прежде всего в явлении легитимности государственной власти, которое, несомненно, выступает ключевым показателем целостности аксиосферы государства. При этом сама легитимность является правовой ценностью, лежащей в плоскости аксиосферы права. Нельзя не заметить, что вопрос о взаимодействии аксиосферы права и аксиосферы государства определяется тем, каким образом раскрывается ценность государства: через его социальную сущность (П. М. Рабинович), через его образ (Ю. Н. Оборотов, Л. С. Мамут) или через его устойчивость (Н. Н. Алексеев). Однако специфика аксиосферы государства в любом случае выражается в том, что оно само по себе является правовой ценностью, а потому аксиосфера государства не может существовать за рамками аксиосферы права.

Таким образом, структурные характеристики аксиосферы права наводят на мысль о том, что она как целостность выступает компонентом большей по значимости и сфере действия структуры – права. В этом контексте актуальным выглядит структурный анализ права и обнаружения места аксиосферы в этой структуре.

1.3. Аксиосфера как структурный компонент права

Традиционные вопросы общетеоретической и философской юриспруденции, которые обычно концентрируются в пространстве проблематики догмы права, в последнее время все чаще становятся предметом научной рефлексии. Это не в последнюю очередь связано с тем, что юриспруденция стремится выйти на новые уровни постижения бытия права и государства, находящиеся за рамками их монистических толкований и интерпретаций.

Одна из классических (но далеко неоднозначных) правовых категорий – структура права. Традиционно под структурой права понимается система законодательства (реже – система права), что отчасти связано с фундаментальными разработками С. С. Алексе-

ева¹³⁰: эта характеристика структуры права перекочевала в курсы по теории государства и права, проблемам теории государства и права, можно заметить ее влияние и на философский срез юридической науки. Подобный подход используется и сегодня в работах Д. М. Азми, П. П. Богущкого, Е. П. Евграфова, Е. А. Киримовой, Н. Н. Крестовской, А. В. Кузьменко, А. С. Лысенковой, Л. А. Луць, С. В. Полениной, В. В. Сорокина и многих других исследователей.

В то же время такое понимание структуры права вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, каким образом соотносятся между собой понятия «структура права», «система права» и «правовая система»? Во-вторых, может ли структура права существовать вне системы права или же структурные компоненты права одновременно выступают и его системными элементами? В-третьих, могут ли в праве существовать феномены, выходящие за рамки его структурного и системного измерений? Все эти вопросы, несмотря на их кажущуюся догматичность, являются важнейшими с точки зрения осмысления специфики современного права, поскольку в них сосредоточены ключевые проблемы его бытия, действия и развития.

Рассмотрение вопросов структуры права в современных исследованиях, так или иначе, выводит на его систему¹³¹, а часто понятие «структура права» и «система права» применяются как синонимы и легко заменяют друг друга¹³². Тем не менее, под структурой права понимают его внутреннее строение, характеризующееся обязательным присутствием неотъемлемых, константных, закономерно присутствующих и связанных между собой (то есть системообразующих) элементов¹³³. В любом случае, экспли-

¹³⁰ Алексеев С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.

¹³¹ Киримова Е. А. Правовой институт : теоретико-правовое исследование : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория права и государства ; История права и государства ; История политических и правовых учений / Е. А. Киримова. – Саратов, 1998. – С. 11.

¹³² Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Д. М. Азми. – М., 2011. – 45 с.

¹³³ Там же. – С. 13.

кация структуры права в новейших исследованиях ограничивается или обоснованием его деления на отрасли, или обоснованием возникновения новых отраслей или институтов права. Таким образом, несмотря на критику взглядов С. С. Алексеева, которые приближаются к своему пятидесятилетнему юбилею, справедливыми остаются его слова о том, что «Право каждого государства существует и функционирует в качестве единой, юридически цельной, внутренне согласованной системы общеобязательных норм, выражающих требования экономического базиса классового общества. Важнейшей же стороной внутренне согласованной системы и является его структура – закономерная организация (скелет) его элементов»¹³⁴.

Традиционное понимание структуры в философии – ее трактовка как инвариантного аспекта системы. По большому счету, диалектическое видение структуры предполагает, что она обуславливает внутреннее стабильное инвариантное строение системы, в то время как ее элементы образуют внешнее вариативное строение. Классический пример структурно-системного отношения – кубик Рубика. При наличии инвариантной структуры (шести неподвижных граней на осях, восьми угловых элементов и двенадцати двусторонних компонентов) он способен менять свою систему с каждым новым поворотом. Структура и система, соответственно, неразрывны. Более того, система немислима без структуры, равно как и наоборот.

Любой системный объект, в том числе и право, исходя из очерченного подхода, должен трактоваться в измерении его структурности. Рассматривая эту проблему в плоскости соотношения системы права и системы законодательства, большинство исследователей говорит о том, что система права выражает внутреннее строение права, в то время как система законодательства – внешняя форма выражения и закрепления системы правовых норм¹³⁵. Эта позиция довольно широко распространена и наблюда-

---

¹³⁴ Алексеев С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – С. 10–11.

¹³⁵ Скаун О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс) : учебник / О. Ф. Скаун ; пер. с укр. – Х. : Эспада, 2007. – С. 405.

ется в большинстве учебных курсов¹³⁶, где под системой права понимается его внутренняя структура, а также в научных исследованиях, прямо или косвенно посвященных структурному измерению права¹³⁷.

Однако если система права отражает его внутреннее строение, то возникает достаточно серьезная проблема: система права отождествляется с его структурой. Тем не менее, этим вопрос не исчерпывается. Определив пределы структуры и системы права в их традиционном понимании, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что право существует и за этими пределами, другими словами – за пределами своей системы и структуры, поскольку очевидно, что право не тождественно ни системе его источников, ни, тем более, системе законодательства.

Для решения этого противоречия используют понятие «правовая система», которое включает в себя систему права как один из компонентов, наряду с правосознанием, юридической практикой и т. д. Если следовать логике диалектического понимания связи «структура – система», то правовая система также должна иметь свою структуру. Структурные компоненты правовой системы называют блоками, и их количество неизбежно постоянно увеличивается, ведь растет объем того, что именуют «правовое».

Рассматривая структуру правовой системы, большинство исследователей приходят к выводу о том, что ее нормативный блок является далеко не единственным. Исходя из этого выделяют следующие структурные блоки правовой системы:

а) нормативная подсистема, которая связана с выделением системы права;

---

¹³⁶ Общая теория государства и права : Академический курс в 3-х т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 2. – М. : Зерцало-М, 2002. – С. 200 ; Теорія держави і права. Академічний курс : підручник / за ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. – К. : Юрінком Інтер, 2006. – С. 332.

¹³⁷ Азми Д. М. Указ. соч. ; Киримова Е. А. Указ. соч. ; Богуцький П. П. Військове право України : джерела, структура та розвиток : моногр. / П. П. Богуцький. – Одеса : Фенікс, 2008. – 188 с. ; Крестовська Н. М. Ювенальне право України : історико-теоретичне дослідження : моногр. / Н. М. Крестовська. – Одеса : Фенікс, 2008. – 328 с.

б) институциональная подсистема, которая связана с функционированием системы правотворческих и правоприменительных органов;

в) статусная подсистема, представляющая систему субъектов права;

г) коммуникативная подсистема, которая выражена в системе правовых связей и правовых отношений;

д) идеологическая подсистема, которая образует систему правовых идей, принципов, правопонимания, правовых категорий, образов права и т. д.¹³⁸

Понятие правовой системы является одним из наиболее общих понятий (категорий) юриспруденции, поскольку именно оно используется для характеристики существующих в современном мире правовых культур с точки зрения их формализации, действительности и разнообразия.

Показательным является высказанное в юридической литературе мнение, что понятие «правовая система» направлено за пределы структуры права. При этом утверждается, что правовая система выступает одной из подсистем общества наряду с экономической, политической, религиозной и другими системами и, с другой стороны, обеспечивает целостность и обособленность права в его цивилизационной и культурной специфике¹³⁹.

Между тем сомнительным выглядит утверждение о том, что правовая система выходит за пределы структуры права, поскольку существующие правовые системы всех уровней (от национального до международного и глобального) сегодня развиваются под знаком таких важных правовых ценностей, как права человека, верховенство права, правовое государство, справедливый суд, которые сложно привязать к какой-либо конкретной правовой культуре.

---

¹³⁸ Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції : моногр. / Ю. М. Оборотов, В. В. Завальнюк, В. В. Дудченко та ін. ; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 96–105.

¹³⁹ Колесниченко В. В. Категориальний статус правової системи / В. В. Колесниченко // Правове життя сучасної України : матеріали Міжнародної наукової конференції професорсько-викладацького складу, 20–21 травня 2011 р., м. Одеса. Т. 1. / відп. ред. д-р юрид. наук В. М. Дрьомін // Національний університет «Одеська юридична академія». – Одеса : Фенікс, 2011. – С. 53–54.

Влияние этих конструктов на всех уровнях бытия права наводит на мысль о том, что, несмотря на их зарождения в рамках национальных правовых систем ряда европейских государств, сегодня они выходят за их рамки и действуют за пределами отдельных правовых систем. В то же время они, вне сомнений, входят в структуру права, выступая его важнейшей основой и критерием собственной ценности. Наличие таких «пронизывающих» все уровни существования права идей демонстрирует общность неких фундаментальных концептов, которые выражают право в его непосредственности. Например, именно этот вывод подталкивает ряд исследователей к пересмотру традиционных трактовок права как части правовой системы и выхода на диаметрально противоположные по своему содержанию теоретические конструкции¹⁴⁰.

В общей теории систем утверждается, что система включает в себя несколько срезов. Во-первых, это концепт системы – некая идея, которая служит основаниям для формирования системы. Во-вторых, субстрат системы – то, что входит в эту систему, ее элементы. В-третьих, структура – система отношений между элементами и концептом¹⁴¹.

Таким образом, даже выход на широкий уровень охвата правовой субстанции – уровень правовой системы – не дает оснований для утверждения, что структура права возможна лишь в его системном измерении (то есть в рамках системы права или правовой системы). Это обуславливает поиски новых подходов к восприятию структуры права.

Несмотря на очевидное доминирование в отечественной и российской юриспруденции рассматриваемого понимания структуры права, можно представить и альтернативное ее видение. По нашему мнению, подход к структуре права должен определяться стремлением охватить его необходимые (минимальные) компоненты, то есть то, без чего право не может существовать. Здесь, пожа-

¹⁴⁰ Оборотов Ю. Н. К вопросу о формировании глобальной правовой системы / Ю. Н. Оборотов // Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія». – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. X. – С. 229–236.

¹⁴¹ Уёмов А. Общая теория систем для гуманитариев : учеб. пособие / Авенир Уёмов, Ирина Сараева, Арнольд Цофнас. – Варшава : Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – С. 42.

луй, можно говорить о том, что в праве всегда существуют нормативные элементы, ценности правовой сферы, существующие как аксиосфера права, и субъект, который реализует нормы и ценности в правовых коммуникациях. Похожего мнения придерживается Р. А. Ромашов, когда предлагает право понимать как структуру, включающую следующие составляющие: правовые ценности, правовой опыт, правовую традицию, правовую догму, правовую эмпирику¹⁴². Думается, такой подход является более убедительным как с точки зрения глубины осмысления права, так и с позиции его реального функционирования.

При дальнейшем углублении представлений о структуре права целесообразным выглядит обращение к современным социологическим и философским течениям, для которых категория структуры является не только одной из наиболее употребляемых, но и определяющей весь ход теоретических построений. Кроме классического структурализма, сосредоточенного в социологических учениях Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса, Э. Шилза и др., структуры оказались в центре внимания постструктуралистских концепций в философии (Ж. Дерида, Ж. Делез, У. Эко, отчасти – М. Фуко), которые заложили методологическую основу для развития постмодернизма, а также социологических исследований Н. Лумана, Э. Гиденса и П. Бурдьё – трех ключевых фигур в современной социологической теории.

Структурализм и постструктурализм – важные направления социологии и социальной философии, которые пытаются представить целостное видение общества, его функционирования и развития. И если философский постструктурализм не имел целью предоставить определенное непротиворечивое знание или создать качественно новую методологию, а стремился, говоря словами Ж. Делеза, «свести структурализм с ума», то социологические концепции Э. Гиденса и П. Бурдьё представляют значительный интерес в контексте понимания того, как существуют структуры, в том

---

¹⁴² Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 5.

числе структура права, что позволяет им существовать в рамках системы или, наоборот, за пределами этих рамок.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что понятие структуры, начиная с разработок Т. Парсонса, четко определило свое самостоятельное, внесистемное бытие. Структуры в классическом структурализме рассматриваются как результаты конструирования аналитических элементов, лишенных конкретно-исторического смысла, безотносительно к определенному историческому периоду или эмпирическим обстоятельствам¹⁴³. Во многом такая трактовка перекликается с тем, что мы видим в юриспруденции: структура права мыслится как некая конструкция отраслей, институтов права, правовых общностей и их разновидностей, часто без анализа их непосредственного наполнения нормативами. Структура, таким образом, – это некая идеальная модель или, говоря словами Н. Лумана, проекция смысла до неопределенности¹⁴⁴.

Именно такое видение понятия структуры обусловило возникновение постструктурализма в социологии, основная проблематика которого вращается вокруг ключевого утверждения о том, что в структурализме структуры словно живут своей отдельной жизнью, а человек рассматривается всего лишь как фигурка на доске, пассивная, бесформенная материя, которой структуры предоставляют готовые формы и формулы поведения¹⁴⁵. И действительно, понимание права сегодня во многом структуралистское: при рассмотрении вопросов о его системе, признаках субъект правовой жизни, равно как и сама правовая жизнь, будто остается «за кадром», отдельно от права.

Решение этой дилеммы, поворот социальных структур (в том числе и права) к субъекту, то есть реального участника правовой жизни, связано, по мнению Э. Гиденса, с разграничением структуры и системы. Структуры предусматривают существование:

¹⁴³ Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. Корчев Н. Д. – М. : Академический проспект, 2000. – С. 45–47.

¹⁴⁴ Луман Н. Понятие общества / Николас Луман // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : Петрополис, 1994. – С. 36.

¹⁴⁵ Соболевська М. Неофункціоналістські та постструктуралістські теорії у сучасній соціології : навч. посіб. / Марина Соболевська. – К. : Дух і літера, 2010. – С. 99.

во-первых, знаний со стороны субъектов, во-вторых, социальных практик, организованных через рекурсивную мобилизацию и развертывание этого знания, в-третьих, возможностей, необходимых для осуществления этих практик. Сочетая эти три компонента, мы получаем структуру как органическое переплетение знания и момента его опредмечивания в действии¹⁴⁶. Сопоставляя структуры и системы, социолог использует аналогию «речь – язык». Во-первых, как и система, речь всегда ситуативна, то есть локализована в пространстве и времени, тогда как язык виртуален и находится во вневременном континууме. Во-вторых, речь предполагает наличие субъекта, который ее говорит или объективирует другим способом, как и система требует субъекта, ее активирующего, язык же – бессубъектен: даже если он воспроизводится, в нем не происходят необратимые семантические, грамматические или орфоэпические трансформации. Наконец, в-третьих, речь всегда предполагает наличие другого, равно, как и система предполагает направленность наружу, а язык не является результатом стремлений и мотивов субъекта и не ориентирован ни на что¹⁴⁷.

Несмотря на условность и некоторую искусственность такой аналогии, можно прийти к парадоксальному с точки зрения диалектики выводу: система – это более узкое, чем структура, понятие. В своем действии и многообразии социальные структуры существуют независимо от своих систем, которые воплощены в институтах, и это – специфическая черта современного общества.

В контексте правового развития вопрос о структуре права связывается, таким образом, не только с существованием нормативной его составляющей. Структура права – это не только совокупность его статических компонентов, но и их динамика, то, что позволяет им существовать в конкретных измерениях пространства и времени, а в самом широком контексте структура права позволяет ему действовать в различных системных рамках, то есть на

---

¹⁴⁶ Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуриации / Энтони Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – С. 37.

¹⁴⁷ Керимова Л. М. Теория структуриации Э. Гидденса : методологические аспекты / Л. М. Керимова, Т. Х. Керимов // СОЦИС (Социологические исследования). – 1997. – № 3. – С. 40.

уровне национальной, интегративной, международной и глобальной правовых систем.

Несложно в этой связи отметить, что структура права и его система не замыкаются друг на друге, а существуют параллельно, позволяя праву существовать вне системы своих источников, выходить за рамки юридических текстов, существовать не только на уровне должного, но и на уровне сущего. В то же время структура права предполагает наличие постоянных вневременных связей между ее компонентами, ведь именно через структуру происходит реальное функционирование, действие права, формируется и развивается правовая сфера.

Рассмотрение структуры права как единства нормативности, субъекта и ценности можно развернуть в более широком контексте, поскольку сегодня становится все более очевидно, что даже при таком широком подходе охватываются лишь статические компоненты структуры права. В этом триединстве отсутствует еще один, не менее важный, динамический компонент, позволяющий в полной мере показать жизнь права через все многообразие его форм и опосредований. Речь идет о правовой ситуации как том событийном поле, в котором происходит слияние нормативности, субъекта и ценности.

Здесь вызывают интерес разработки, раскрывающие содержание правовой ситуации через такие феноменологические черты права, как действительность, истинность и направленность (интенциональность)¹⁴⁸, а также те публикации, в которых определяются контуры использования ситуационного (ситуативного) подхода в правовых исследованиях.

Концепция ситуативного (ситуационного) подхода в методологии не только гуманитарных, но и многих естественных наук является новой. Ее основная идея заключается в том, что для большинства структур свойственно изменение компонентного состава, концепта, иерархии в рамках конкретной ситуации. Именно поэтому для прикладных социологических и правовых исследований

---

¹⁴⁸ Стовба О. В. Правова ситуація як онтологічна основа правової реальності : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / О. В. Стовба. – Х., 2005. – С. 10.

актуальность ситуативного подхода не вызывает никаких сомнений. Как отмечает Д. В. Ким, ситуативный (ситуационный) подход направлен на изучение явления как необходимого элемента реально действующей системы, имеющей свою качественную определенность. В такой системе элемент понимается и как целостное явление, и как явление, детерминированное окружающей его системой. Таким образом, при применении ситуационного подхода на первый план выходят сверхчувственные качества системы, которые могут никак не проявляться при нормальных условиях ее функционирования¹⁴⁹.

Рамки применения ситуативного подхода чрезвычайно широки. В частности, М. М. Солодухо выделяет следующие направления его применения:

– ситуативный подход может применяться к несистемным и системным объектам: когда система еще не сформировалась, когда она функционирует и в момент ее распада;

– ситуативный подход позволяет характеризовать переходные состояния одной и той же системы, когда эти состояния качественно отличаются друг от друга;

– ситуативный подход позволяет учитывать значение всей совокупности внешних и внутренних факторов, влияющих на систему, ее функционирование и развитие;

– ситуативный подход может применяться в отношении двух и более взаимодействующих систем, компоненты которых коррелируются случайным образом, не создавая новой устойчивой системы или образуя систему нового качества;

– с помощью ситуативного подхода можно оценивать внутренние и внешние состояния системы, направленность ее процессов, временной и пространственный аспекты его бытия¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ Ким Д. В. Ситуационный подход как метод научного познания / Д. В. Ким // Российская юридическая наука : состояние, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае / под ред. В. Я. Музюкина, Е. С. Аничкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 32.

¹⁵⁰ Солодухо Н. М. Методология ситуационного подхода в научном познании / Н. М. Солодухо // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 8. – С. 86.

С методологией ситуативного подхода тесно связана синергетическая проблема нелинейности общественно-правовых взаимодействий, которая выдвигает на первый план неустойчивость и неоднозначность ситуаций выбора (принятия решений), неотвратимость и произвольность процессов формирования новых структур из элементов среды, в которой находится субъект¹⁵¹. Следует отметить, что применение ситуативного подхода возможно как с точки зрения анализа субъектной составляющей аксиосферы права, так и с точки зрения выявления его структуры.

В рамках субъектной составляющей аксиосферы права можно говорить о ценностных ориентирах, ценностных установках, ценностных приоритетах и ценностных мотивациях. Принципиальное значение в данном контексте имеет разграничение понятий «ценностные установки» и «ценностные ориентации». Ценностные ориентации формируются в процессе взаимодействия с теми или иными сторонами действительности, с системой знаний, информации, правовыми нормами: они направлены на выработку поведения; в то же время ценностные установки – это более устойчивая и относительно узкая часть ценностных ориентаций, которая определяет направление субъекта на конкретные ценности в той или иной ситуации¹⁵².

Если в структуре аксиосферы права речь идет о признании vitalных ценностей и их закреплении, ранжировании, защите, перераспределении и т. д., то для субъектной составляющей аксиосферы права имеет место чрезвычайно сложный процесс согласования ценностных установок как основа для совместного бытия субъектов, а в более широком плане – сохранение социальной общности.

Механизм согласования ценностных установок рассматривается как процесс формирования ценностных приоритетов. Сущ-

¹⁵¹ Смазнова И. С. Применение выводов синергетики в исследовании права / И. С. Смазнова // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Другої Міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 96–99.

¹⁵² Бадюл О. С. Трансформація ціннісних установок особистості в освітньому процесі : моногр. / О. С. Бадюл. – Одеса : InPress, 2010. – С. 15–16.

ность этого процесса состоит в признании за одним объектом-ценностью статуса цели, которой субъект желает достичь, а по всем другим корреспондирующими ценностями – статуса средств¹⁵³. В правовой сфере такой подход имеет принципиальное значение, ведь ценностные приоритеты фактически являются внешним проявлением ценностных установок субъекта. Защита нарушенного права может рассматриваться как цель и в конкретное время, в конкретной ситуации быть основной ценностью, которая выступает на первый план, актуализируется. При таких условиях все другие ценности, связанные с целью, будут восприниматься как средства. Причем правовые ценности-средства могут быть разными: правозащитные органы, органы охраны правопорядка, правосудие или, напротив, самосуд, вымогательство и т. п.

Таким образом, еще одной важной проблемой современного правового развития выступает вопрос актуализации ценностей в правовой сфере и предпочтения ценностей. Следует отметить, что каждая жизненная ситуация задает свои исходные условия для формирования ценностной ориентации и выражения ценностного приоритета. И принципиальной зависимости между выбором варианта поведения и ценностными установками может и не быть. Жизненная ситуация может требовать от субъекта поведения, которое не вписывается в сложившуюся у него систему ценностных установок. При таких условиях в силу вступает механизм предпочтения. Субъект предпочитает одну ценность другой, или даже одну систему ценностей другой, продолжая при этом действовать в правовом поле.

Предпочтение одной правовой ценности другой в рамках конкретной жизненной ситуации означает, используя терминологию общей теории систем, смещение концепта системы: личностная аксиосфера остается той же, что и была, ведь в большинстве случаев ситуация не может столь радикально повлиять на субъекта, чтобы система его ценностных установок и ориентаций не вернулась в нормальное состояние.

---

¹⁵³ Цофнас А. Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат / А. Ю. Цофнас // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 109.

Акцентирование интереса на определенной ценности является наиболее важным в рамках ситуации, которые приводит к подвижности ценностных иерархий. Например, на вершине иерархии аксиосферы субъект права может рассматривать ценность справедливости. Однако в ситуации, когда он не может реализовать свое субъективное право или проявить законный интерес, очевидно, акцент будет смещен на свободу. Как только ситуация будет урегулирована, личностная аксиосфера вернется к стабильному состоянию. Таким образом, следует сделать вывод, что в современных условиях применение ситуативного подхода позволяет постулировать гибкость и подвижность аксиосферы права как в ее субъектном, так и структурном измерениях.

Становление ситуационных исследований в рамках философской и общетеоретической юриспруденции связано, как представляется, с тем, что право все в большей степени децентрируется. Потеря государством монополии на право выводит на доминирование координационных, а не регулятивных средств правового воздействия. Правовая ситуация, выдвигаясь в центр онтологических основ права, вытесняет понятие единого центра бытия права.

Понятие центра как некоего организующего начала характерно для структуралистских взглядов. В то же время, как утверждал Ж. Деррида, центр – это не всегда объективное свойство структуры, а чаще результат внутреннего убеждения субъекта, результат навязывания смысла, который на самом деле может быть совершенно другим. Принцип центрации, по мнению философа, пронизывает все сферы жизнедеятельности современного человека: в философии и психологии он приводит к рациоцентризму, который утверждает приоритет дискурсивно-логического сознания над другими его формами; в культурологии – к европоцентризму, который превращает европейскую социальную практику и тип мышления в критерий для анализа других форм культуры; в истории – к футуроцентризму, который определяет историческое настоящее и будущее как всегда лучшее и более прогрессивное, чем прошлое¹⁵⁴. Можно продолжить эту мысль и перенести ее в плоскость бытия

¹⁵⁴ Деррида Ж. Трассирование и дифференция / Жак Деррида // Философская и социологическая мысль. – 1995. – № 5–6. – С. 8–9.

права, поскольку принцип центрации в юриспруденции приводит к нормоцентризму, который возвеличивает нормативный аспект права, нередко затмевая все другие его структурные составляющие, как ценности, субъект и ситуация.

Отход от централизма в восприятии структуры права связан также со становлением правового плюрализма, который проявляется не только в признании множественности источников права и равенства всех правовых теорий, но и в первую очередь в констатации равенства правовых культур. Рассмотрение структуры права как единства его нормативности, субъекта и ценностей, воплощенной в правовой ситуации, позволяет говорить о нем не как о порождении европейской цивилизации, но как об общечеловеческой ценности.

Действительно, структура – это то, что позволяет праву быть универсальным общественным институтом, безотносительно к конкретным правовым системам или даже семьям правовых систем. Правовые системы в этом контексте следует рассматривать как локализованный (или, наоборот, универсализированный или глобализированный) вариант реализации структуры права, ее наполнения специфическими нормативами, становления особых отношений между теми или иными субъектами в контексте отставания и реализации присущих конкретной правовой системе правовых ценностей. Здесь принципиальным является вывод о том, что в правовых системах существует уникальность права применительно к культурно детерминированной иерархии ценностей, специфики правового мышления и правовой практики, в то время как структура права выражает всеобщность права как общественного института и общечеловеческой ценности.

Исходя из этого, следует отметить, что право, наряду со свойством системности, на основании которого оно рассматривается как целостная система правовых нормативов, характеризуется также свойством структурности, раскрывающееся через представление о праве как об универсальном общественном институте, имеющем собственную и инструментальную ценность.

Таким образом, через признак структурности раскрывается единая природа права, что позволяет ему оставаться правом в со-

вершенно разных по специфике, составу участников и целям сферах жизни общества и человека – от межличностных правовых коммуникаций к транснациональным и глобальным правовым отношениям и институтам. Рассмотрение права сквозь призму его структурности позволяет не только по-новому соотнести право, систему права и правовую систему, но и раскрыть его фундаментальные онтологические основы, специфику действия и эффективности.

Единство и универсальность структуры права наводит на мысль о существовании аксиосферы права на всех уровнях его бытия: национальном, интеграционном, международном и глобальном. Действительно, можно проследить не только отличный порядок ценностей, существующих на этих уровнях, но и принципиально разное видение их природы и путей реализации. В этом контексте интересно проследить, каким образом аксиосферы разных уровней права соотносятся между собой.

Существование аксиосфер права разного уровня наводит на мысль о том, что ее культурные и социальные корни намного более глубокие, чем системы правовых нормативов. Показательно, что чем «выше» уровень права, тем меньшее количество нормативов в нем организовано в единую систему, тем в меньшей степени нормативность поглощает ядро правовой системы, и тем значительно шире в нем используется ценностная, а не нормативная легитимация. Важно подчеркнуть, что если право национального уровня существует как культурный феномен, входящий в развертывание архетипов и символов надлежащей культуры, и является, таким образом, результатом семиотических кодов, языковой самоидентификации и моральной и религиозной направленности мышления, то право интегративного уровня может пониматься как цивилизационное явление. В этом смысле понятно стремление в рамках европейских межгосударственных систем сохранить цивилизационную идентичность Европы как колыбели демократии, прав человека и либеральных идей. Такие попытки демонстрируют себя не только в декларативных актах, но и в конкретных правовых реалиях, когда, например, происходит маркировка тех культурных объектов (архитектурных, исторических памятников), которые от-

носятся к европейскому наследию. И действительно, трудно не согласиться с тем, что аксиосфера европейского права полностью реализует себя именно в рамках двух колоссальных по масштабам деятельности правовых системах: Европейском Союзе и Совете Европы, которые на сегодня являются рационалистической проекцией европейского стиля мышления, культуры, мировосприятия и цивилизационной ментальности в целом.

Совсем другие принципы имеет аксиосфера современного международного права, которое в постколониальный период стало не просто полем межкультурного диалога, но и пространством реализации геополитической, экономической, культурной стратегии развития человечества. Аксиосфера международного права характеризуется существованием чрезвычайно широкого спектра ценностей, которые сформировались, исходя из целей международно-правового воздействия, и являются специфическими в том, что их реализация возможна исключительно в рамках коллективного действия. Иными словами, аксиосфера международного права – это аксиосфера коллективная, выражающая комплексные усилия международного сообщества на обеспечение выживания человечества. В этом смысле ценности международного права разграничивают по сферам влияния и отраслям: культурные ценности, экономические ценности, достояние человечества подобное. Аксиосфера международного права априорно стремится к глобализации, интернационализации, и в этом находит свое оправдание международное право, поскольку оно по своей природе должно быть таким правом, в котором конкретно-цивилизационное сведено к минимуму, а влияние локальных интересов должно быть наименьшим. Аксиосфера международного права направлена на то, чтобы быть аксиосферой всего человечества. В этой связи интересны мысли о том, что международное право может рассматриваться как некий «образец» для построения структуры национального права¹⁵⁵.

Между тем проблема аксиосферы международного права, в которой сегодня находит свое выражение проблема существования международного права в целом, – это проблема невозможности

---

¹⁵⁵ Чайковський Ю. В. Філософські засади становлення міжнародного права : монограф. / Ю. В. Чайковський. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 135.

обеспечения ценностного единства человечества на основе существующей формы международного взаимодействия. Ориентация на святость суверенитета национальных государств, неприкосновенность национальных правовых систем и вообще, центрирование всего концептуального поля мировой политики и права на национальном государстве делают невозможным хотя бы принципиальное достижение цели международно-правовой аксиосферы.

В этой связи следует согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что глобализация мира – это процесс становления качественно новых, отличных от существующих, реальностей, которые базируются на глобальном менталитете как общецивилизационном менталитете, выражающем совокупность конструктивных ментальных средств, способных обеспечить стабильность и преемственность в развитии человечества. Глобальный менталитет имеет интернациональный характер, выражает систему интенсивных конструктивных единств различных цивилизаций и культур, ядром которых является ощущение глобальности и общечеловеческой идентичности, а составляющими являются нетерпимость к насилию, любовь к справедливости, бережное отношение к природе, приверженность нормам разумного потребления и т. п.¹⁵⁶ Именно в этом контексте происходит становление глобальной правовой системы как наиболее широкой по охвату субъектов реализации структуры права.

Таким образом, перенос понятия структуры права в плоскость новейших социологических и философских исследований позволяет по-новому раскрыть те ее грани, которые традиционно рассматриваются за пределами права. С постструктуралистских позиций аксиосфера права предстает как компонент структуры права, поскольку без ценностного наполнения право перестает существовать как самостоятельная сфера общественного бытия. Признание за аксиосферой права статуса компонента структуры права не только выводит аксиологическую проблематику на новый методологический уровень, но и позволяет выявить структурные основы самой аксиосферы права.

¹⁵⁶ Губанов Н. И. Глобальный менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов // СОЦИС. – 2011. – № 4 – С. 54–55.

Раздел 2

СИСТЕМА АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

2.1. Содержание аксиосферы права

2.1.1. Правовые ценности и их центрирование

Проблематика правовых ценностей, которая является одной из наиболее сложных и неоднозначных в современной философии права, возникла прежде всего как поиск выхода из нормативизма и догматизма в праве. Как писал в свое время Н. Н. Алексеев, вряд ли было бы правильным считать, что вопрос о праве и справедливости может быть принципиально разрешен в рамках юридической догматики и ее научных методов¹⁵⁷. Действительно, разумное, то есть глубоко осмысленное и осознанное, а не чисто механистическое отношение к праву должно иметь в своей основе восприятие ценностей. Это приводит выдающегося философа права к выводу о том, что право само по себе является сферой ценного, что категорически ограничивает применение к нему строго структурированных, четко выстроенных теоретических конструкций.

Вопрос о правовых ценностях не чужд и для некоторых позитивистских течений, где они рассматриваются как нормативные конструкции, выведенные из содержания правовых норм, а потому лишенные собственного значения. Другая позитивистская интерпретация природы правовых ценностей сводится к их признанию лишь в контексте инструментальной ценности права, когда ценным называется то, что защищено либо гарантировано правом¹⁵⁸. В то же время очевидно, что проблематика правовых ценностей является гораздо более глубокой, разветвленной, а ее разработка должна происходить на стыке естественно-правовых и позитивистских подходов.

---

¹⁵⁷ Алексеев Н. Н. Указ. соч. – С. 23–24.

¹⁵⁸ Ветютнев Ю. Ю. Указ. соч. – С. 28–29.

По нашему убеждению, неокантианская интерпретация роли ценностей в познании¹⁵⁹ стала основой для отнесения права исключительно к сфере должного, что ярко проявляет себя на уровне философско-правовых исследований, когда право объявляется сферой должного, а потому все ценности, которые существуют (прямо или косвенно) в этой сфере также следует рассматривать в контексте должного. Такая позиция обосновывается в основном тем, что правовая реальность как проявление бытия права не является субстанциональной частью реальности, а является способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни и бытия человека, а потому мир права – это мир долженствования, а не существования¹⁶⁰.

Однако восприятие права как сферы должного является значительным упрощением его истинного бытия. Очевидно, что при таком толковании права за его пределами должны оставаться юридическая практика, проявляющая себя в многообразии правовых ситуаций, а также вся правовая жизнь, которая вполне справедливо может называться сферой сущего, поскольку в ней реализуются и защищаются конкретные жизненные интересы субъектов права и существуют вполне олицетворенные и опредмеченные явления, которые в сфере должного представлены лишь косвенным образом. В этой связи вполне целесообразным выглядит рассмотрение ценностного регулирования как средства преодоления обезличенности права, как результата его чрезмерной рационализации, консервации в рамках должного¹⁶¹.

В этой связи можно согласиться с В. А. Бачининым в том, что в контексте развертывания аксиологических исследований следует осознавать, что правосознание ориентировано на два типа ценнос-

¹⁵⁹ Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. / Д. Реале, Д. Антисери ; пер. с итал. С. Мальцевой ; ред. Ю. А. Кимелев. – Т. 4 : От романтизма до наших дней. – СПб. : Петрополис, 1997. – С. 278–280.

¹⁶⁰ Філософія права : навч. посібн. / О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачна, С. І. Максимов та ін. ; за заг. ред. О. Г. Данильяна. – К. : Юрінком Інтер, 2002. – С. 170.

¹⁶¹ Оборотов Ю. Н. Ценностное регулирование как средство преодоления обезличенности права / Ю. Н. Оборотов // Актуальні проблеми філософії права. Аксіосфера права та держави : матер. міжнар. «круглого столу» (Одеса, 13 грудня 2012 р.) ; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 64–66.

тей: ценности существования и ценности должного. Ценности существования при этом являются абсолютными и рассматриваются как ценности-цели, а ценности должного являются относительными и интерпретируются как ценности-средства. Только ценности-средства являются собственно правовыми, и вообще все ценности, существующие в сфере права, выступают как ценности-средства¹⁶². Следует подчеркнуть, что такой методологический подход позволяет проследить, каким образом формируются, развиваются и функционируют правовые ценности.

Среди всего многообразия объяснений роли ценности в праве особое внимание представляют работы Н. Н. Алексева, П. М. Рабиновича, Н. Неновски, В. С. Нерсесянца и других ученых. Однако работы этих выдающихся философов права во многом объединяются в том, что в них раскрыт лишь один из многих аспектов ценности в праве, а именно ценность как полезность, необходимость.

Анализируя работы представителей правовой аксиологии можно прийти к выводу о существовании двух основных направлений восприятия ценностей: трансцендентальный и антропологический. Трансцендентальное восприятие правовых ценностей отрывает их от реальной почвы. При таком подходе основным критерием ценности признается устойчивость во времени. То, что имеет большую устойчивость, является более ценным, поскольку обнаруживает силу своего бытия независимо от обстоятельств. С таким подходом трудно согласиться, поскольку тогда мы вынуждены будем признать большую ценность, скажем, таракана над человеком, поскольку он существует на много миллионов лет дольше. Также правильными будут выглядеть суждения о большей ценности камня, лежащего на дне океана, над моральными императивами и т. д.

Антропологизм в восприятии ценностей, наоборот, страдает субъективизмом, который ничем нельзя преодолеть. Действительно, трудно отрицать тот факт, что оценка как прием интенционального познания невозможна без человека, как и познание вообще.

---

¹⁶² Бачинин В. А. Философия права : конспект лекций / В. А. Бачинин. – Х. : Консум, 2002. – С. 213.

Но вряд ли можно согласиться с подменой категории «ценность» категорией «оценка». Более того, релятивизм антропологического подхода к пониманию ценностей в праве фактически заставляет признавать ценностями их обратные стороны, то есть антиценности, если они, так или иначе, оказываются полезными для человека. Одного и того же результата человек может достичь, ориентируясь как на ценности, так и на антиценности. Правосудное решение может быть вынесено судьей на основе справедливости, но также оно может быть вынесенным при наличии взятки. Таким образом, ценности в праве должны рассматриваться и как значимости, полезные для человека, и критерии должного.

Вывод правовых ценностей из природы человека можно рассматривать в контексте антропологического подхода к этому понятию. Так, В. П. Пономарева утверждает, что правовые ценности вне человеческого сознания теряют не только свое значение, но и реальность. Правовой ценностью может быть только то, что находится в правосознании¹⁶³. Опять возникает вопрос: если правовые ценности существуют исключительно в правосознании, то какие правовые ценности существуют в правосознании, скажем, преступника или нигилиста? Лишение правовых ценностей бытия превращает их в фикции, о чем пишет В. П. Малахов¹⁶⁴.

Показательно, что, в частности, российские исследователи стремятся отойти от какой-то конкретной методологии в определении понятия правовых ценностей, чем часто размывают не только границы этого понятия, но и права вообще. В этом контексте показательна точка зрения О. В. Мартышина, который считает, что «в юриспруденции возникла странная тенденция объявлять универсальные (по широте охвата отношений между людьми) ценности, не имеющие иного содержания, кроме правового, правовыми по

¹⁶³ Пономарева В. П. Правовые ценности как феномен правовой антропологии / В. П. Пономарева // Права : история, теория, практика : сб. статей и матер. – Брянск : БрГУ, 2006. – Вып. 10. – С. 13.

¹⁶⁴ Малахов В. Міф про правові цінності / В. Малахов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 180–186.

своей природе»¹⁶⁵. Действительно, такой подход не может не вызывать закономерного вопроса: если нечто имеет исключительно правовое содержание, разве это нечто не является правовым по своей природе? Может ли что-то иметь исключительно правовую сферу бытия, но не быть при этом правовым? Очевидно, такая постановка проблемы не может рассматриваться как продуктивная.

Однако именно такой подход доминирует, в частности, в российской философско-правовой литературе. Размытие границ понятия правовой ценности происходит, как правило, под знаком критики западной философии права, которая якобы возвышает роль права над всеми другими ценностно-нормативными системами регулирования поведения людей¹⁶⁶. При этом природа правовых ценностей раскрывается через противопоставление индивидуальных и коллективистских моделей построения их системы, с ярким приоритетом последней¹⁶⁷.

Сложно согласиться с такой трактовкой правовых ценностей, хотя бы потому, что они по своей природе могут существовать как в контексте конкретной правовой системы, так и на уровне правовой структуры, являясь при этом универсальными компонентами права, о чем шла речь в предыдущем разделе.

Другой знаковый подход к пониманию правовых ценностей – выявление их специфики через возможности морального познания права, когда только через мораль раскрывается назначение права как сферы действительной свободы человека¹⁶⁸. Недостатком такого подхода, по нашему мнению, является то, что правовые ценности фактически переносятся в сферу морали. Действительно, сложно спорить с тем, что именно через правовые ценности происходит

¹⁶⁵ Мартышин О. В. Нравственные основы теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 6.

¹⁶⁶ Пушкарев С. А. Понятие правовых ценностей и методология их изучения / С. А. Пушкарев // Философия права. – 2008. – № 2 (27). – С. 86.

¹⁶⁷ Баранов П. П. Философия права : учеб. пособие / П. П. Баранов, В. Ю. Верещагин, В. И. Курбатов и др. – Ростов-н/Д. : Изд-во РЮИ МВД РФ, 2004. – С. 163.

¹⁶⁸ Политико-правовые ценности: история и современность / Графский В. Г., Дождев Д. В., Ефремова Н. Н., Козлова Н. Ю. и др. ; под ред. : Нерсесянц В. С. ; редкол. : Графский В. Г., Лаптева Л. Е., Мамут Л. С. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 32.

коммуникация между правом и моралью, но правовые ценности потому и являются правовыми, ибо существуют как ценности правовой сферы. Нравственная сфера оперирует своими системами ценностей, не всегда корреспондирующими праву.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что распространенной является позиция, согласно которой внеюридический характер правовых ценностей воспринимается как некая аксиома, не требующая никаких доказательств. Так, например, рассуждает А. И. Гусейнов, когда именно этот тезис выводит в основу аксиологического подхода¹⁶⁹. Наряду с этим не понятно, во-первых, почему тогда правовые ценности называются, собственно, правовыми и, во-вторых, возможна ли ситуация, когда неправовые ценности становятся правовыми? Подход А. И. Гусейнова, к сожалению, не дает ответа на эти вопросы.

Определяющей характеристикой правовых ценностей, по нашему мнению, следует считать их отнесение к миру феноменов. Именно такое осмысление правовых ценностей позволяет синтезировать противоречия между трансцендентальным и антропологическим их пониманиями, ведь феномен сочетает в себе три аспекта бытия: бытие человека, бытие вещей и бытие социума.

По Э. Гуссерлю, феномены – это сущности, которые лежат в основе реальности. Они могут быть как материальными, так и идеальными. В отличие от применения понятия феномена в немецкой классической философии, где феномен рассматривался исключительно как явление, выражающее сущность, – ноумен, феноменология объединяет эти два понятия. Таким образом, феномен – это и явление, и его сущность одновременно¹⁷⁰.

Исследуя феноменологический метод Э. Гуссерля в контексте онтологических проблем, И. В. Шамша приходит к выводу, что отличительной чертой феноменов является то, что они не просто выступают частями реальности, но одновременно и способом ее поз-

¹⁶⁹ Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве / А. И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14.

¹⁷⁰ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Эдмунд Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Скаядяева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – С. 154–155.

нения. Феномен, таким образом, познается не только рационально, но и чувственно¹⁷¹. По мнению М. К. Мамардашвили, само бытие феномена подразумевает его ценностный параметр. Он пишет, что феномен – это нечто, имеющее онтологическое существование как значимость, в отличие от явления, для которого значимость не имеет никакого смысла¹⁷².

Спецификой применения феноменологического подхода в юриспруденции является то, что проблема исключительно понятийного определения права является неразрешимой, поскольку она либо ведет к бесконечности, либо приводит к некоторой последней сущности, которую можно только принять и описать, то есть являющейся аксиоматической по своей природе. Такие сущности, с точки зрения феноменологического подхода, и являются правовыми ценностями¹⁷³.

Следует также согласиться с А. Б. Чефрановым, который утверждает, что феноменологическая природа правовых ценностей раскрывается в том, что они являются одновременно первоосновой права и его целью¹⁷⁴. Такой подход позволяет толковать правовые ценности как предельные основания правового бытия, рамки правового пространства, в котором сосредоточиваются все правовые практики и происходит аксиологизация правовых структур. Исходя из понимания структуры правового поля П. Бурдые¹⁷⁵, можно констатировать, что правовые ценности выступают ключевыми детерминантами символического порядка: субъект, попадая в правовое поле, сталкивается с символическими актами справедливос-

---

¹⁷¹ Шамша І. Суперечливість буття як джерело філософського мислення : монографія / Ігор Шамша. – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 126.

¹⁷² Мамардашвили М. Указ. соч. – С. 42.

¹⁷³ Джанхуватова З. С. Трансформация правовых ценностей в современном российском обществе : автореф. дисс. ... канд. социол. наук ; спец. 22.00.06. – Социология культуры, духовной жизни (социологические науки) / З. С. Джанхуватова. – Ростов-н/Д., 2006. – С. 12–13.

¹⁷⁴ Чефранов А. Б. Проблеми застосування теорії цінностей у правових дослідженнях / А. Б. Чефранов // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. III. – № 1–2. – С. 327–337.

¹⁷⁵ Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля / Пьер Бурдые // Бурдые П. Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдые ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 75–128.

ти, закона и правосудия, которые выступают особыми квинтэссенциями этого поля¹⁷⁶.

Правовые ценности иначе называют эйдетическими, понимая под ними ценности самого права, непосредственно с ним связанные и не зависящие от конкретно-исторического воплощения, социокультурных условий и целей законодателя¹⁷⁷. Прилагательное «эйдетический» при этом отмечает, что совокупность всех правовых ценностей образует идею права. С эйдетическим характером правовых ценностей связана очень интересная и остро обсуждаемая сегодня проблема универсальности правовых ценностей. Фактически эта дискуссия является частным случаем полемики вокруг существования так называемых общечеловеческих ценностей.

При анализе понятия «универсальная ценность» логично исходить из двух измерений универсальности: пространственного и временного. Иначе говоря, универсальной может быть названа такая ценность, которая существовала и существует всегда и везде. Сторонники теории культурно-исторического релятивизма и цивилизационного подхода к познанию права и государства утверждают, что универсальных, то есть общечеловеческих, ценностей нет и быть не может, поскольку каждое общество развивается по своим законам, которые определяются месторазвитием, культурой, языком, традициями и т. д. Однако стоит заметить, что сторонники такого подхода фактически подменяют понятия. Действительно, нельзя говорить об одинаковом понимании справедливости, равенства, свободы, правосудия и т. д. в разных обществах, но можно говорить о существовании этих ценностей у всех народов во все времена. Ценность и восприятие ценности – это не одно и то же.

В этом контексте важно обратиться к метафорической природе правовых ценностей и механизма их интерпретации. Составной герменевтической философии можно считать теорию гештальта.

¹⁷⁶ Сердюк О. В. Концептуалізація соціальності права в сучасних інтегративних парадигмах: П. Бурд'є, Ю. Габермас, Е. Гідденс / О. В. Сердюк // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 109.

¹⁷⁷ Принцип верховенства права: проблеми теорії та практики: монографія: у 2 кн. / за заг. ред. Ю. С. Шемшученка; ред. кол.: Ю. С. Шемшученко (голова) та ін. – К.: Юрид. думка, 2008. – Кн. 1: Верховенство права як принцип правової системи: проблеми теорії / відп. ред. Н. М. Оніщенко. – С. 67.

Ее сущность заключается в том, что сознание человека имеет тенденцию воспринимать вещи в завершённой форме, полноте, целостности и одновременно простоте. Гештальт является целостностью. Но если существует целостность, то должны быть частицы этой целостности (кластеры)¹⁷⁸. В сфере человеческого сознания целое предшествует части. Не целое возникает из частей, а части из целого. Кроме того, в целом присущи свойства, которые нельзя свести к простой сумме свойств частиц. Поэтому часть определяется целым¹⁷⁹. Поскольку культурные ценности глубоко метафоричны, они выражаются в многообразных образах и смыслах, то можно говорить, что разница понимания правовых ценностей – это не разница в их значениях, а различная концептуализация единого гештальта, частицы которого детерминированы сознанием.

Метафора правовой ценности заключается в культурной детерминации глубоких, архетипических категорий, которые присущи в сознании любого человека. Правовое мышление само по себе является метафорическим: объяснение правовых явлений всегда происходит через другие явления. Таким образом, объяснение правовых явлений происходит по принципу герменевтического круга. При этом осознание правовых ценностей независимо от воли индивида будет базисом предпонимания явления. Но правовые ценности нельзя называть базисными концептами и неделимыми примитивами, они не выступают кластерами, они являются идеями гештальта права, ибо главная черта гештальта, которая отличает его от суммы свойств кластеров – это наличие цели. Кластерами выступают наиболее конкретизированные регуляторы – нормы права.

Таким образом, метафоричность правовой ценности делает ее модусом, то есть формой, типом, познания аксиосферы права того или иного общества. При отсутствии единого модуса правовой ценности, познание правовой культуры, отличной от той, к которой принадлежит индивид, было бы невозможным.

---

¹⁷⁸ Петрова Л. В. Гештальттеорія як метод сучасної західної юриспруденції / Л. В. Петрова // Держава і право. Юрид. і політ. науки : зб. наук. пр. – 2002. – Вип. 15. – С. 4.

¹⁷⁹ Дудченко В. В. Традиція правового розвитку : плюралізм правових вчень : моногр. / В. В. Дудченко. – Одеса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 29.

Теория метафоры тесно связана не только с герменевтикой, но и с феноменологией. Так, главный тезис теории концептуального смешивания, которая сегодня считается наиболее удачной с точки зрения объяснения природы метафорического мышления, заключается в том, что, объясняя одно явление в терминах другого явления, происходит расширение определенных эмпирических границ, в рамках которых непосредственно реализуется предпонимание. Иными словами, экстраполяция свойств одной вещи на отношения, в которых находится другая вещь, – это и есть интеллектуальное предпонимание, которое хотя и является последней стадией предпонимания как такового, но именно на этом уровне проявляется метафоричность мышления¹⁸⁰.

Таким образом, расширение эмпирических знаний об одном явлении за счет другого придает абстрактным концептам, пока еще неизвестным индивиду, статус феномена. Интенциональность опыта в этом случае выступает ключевым компонентом сознания: индивид предусматривает возможность применения опыта знания об одном объекте на другом объекте. Отсюда следует основная цель метафоры – расширение применимости понятия о феномене. Поэтому метафора существует в основном не в сфере реального использования права, а в сфере его доктринального изучения. Методологически это очень важно и полезно. Например, восприятие права посредством расширения эмпирической экстраполяции категории «правовое» на моральное и этическое поле привело к созданию концепции естественного права – ведь естественное правопонимание начинается там, где общество видит потребность в расширении механизмов удовлетворения потребностей, которые не могут больше поддерживаться юридическими средствами.

Иными словами, метафора в праве в самом широком смысле позволяет назвать правовым все, что на этапе предпонимания правовым не является: правовое мышление, правовые эмоции и тому подобное. Такой феноменологический подход к метафорической природе не только правовых ценностей, но и ценностей в праве в целом, позволяет более детально понять их бытие. Метафоризация

¹⁸⁰ Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под. ред. А. Н. Баранова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 27.

вненормативных категорий путем рассмотрения их с точки зрения правовой теории, бесспорно, актуализирует предмет интенции, в ней начинают усматриваться правовые черты, что, в конечном счете, может способствовать привнесению такого явления в право.

В контексте достижений правовой аксиологии теория метафоры как герменевтико-феноменологического подхода приобретает новые черты и качества. Обычно герменевтику в праве в широком смысле используют для того, чтобы обосновать и подтвердить ценность традиции. Герменевтика связывается с существованием различных правовых систем, правовых семей, поскольку свобода, демократия, ответственность по-разному трактуются в праве различных цивилизаций. На этом пути раскрываются перспективы самостоятельного существования национальных правовых культур, в том числе правовой культуры Украины с особым видением проблемы прав человека, правового государства, разделения властей, местного самоуправления и т. д.¹⁸¹.

Таким образом, герменевтика выступает методом апологизации права – создания определенной доктринальной сферы, в рамках которой можно говорить об украинском праве, немецком праве, французском праве и т. д. В наиболее широком понимании, апология права – это глобальной путь его развития, основанного на определенных ключевых парадигмах и ценностях. В научной литературе отмечается, что современная апологизация должна строиться на принципе выдвижения субъекта права в центр правового развития. В этом видится трансформация роли права от способа регуляции к средству координации. Это превращает право на ценностно-нормативную систему с иерархизированной структурой ценностей права. Апология права выстраивается на принципах герменевтики – интерпретации правовых ценностей через призму правовой реальности конкретного общества. В этом смысле апология выступает своеобразной противоположностью глобализации права.

Все это позволяет говорить о существовании единых правовых ценностей во всех правовых системах. Основой для такого ут-

---

¹⁸¹ Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс) : экзаменационный справочник / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 17.

верждения выступает хотя бы тот факт, что право как ценность во всех правовых системах преследует те же цели, которые вытекают из его аксиосферы, основные компоненты которой – справедливость, порядок, равенство, правосудие и т. д. Метафоричность этих правовых ценностей в том, что их смысловое поле очень широкое, поэтому и экстраполяция свойств одной правовой ценности на другую возможна в рамках всех правовых систем.

Еще одной проблемой в понимании правовых ценностей является то, что они должны быть собственно-правовыми, то есть свойственными исключительно праву. К числу правовых ценностей обычно относят справедливость, конституцию, закон, правосудие, государство, правовую норму, юридическую ответственность, субъективные права и юридические обязанности и др.

Впрочем, антропологическая традиция рассмотрения права отходит от понимания правовых ценностей как являющихся правовыми по своей сути. Так, по мнению О. В. Гришук, правовые ценности несут прежде всего антропологический смысл, наполняются теми смыслами, которые в них закладывает человек. Это позволяет исследовательнице выводить такие ценности, как справедливость, равенство и свобода из категории человеческого достоинства¹⁸². Такая точка зрения имеет под собой прочные основания, однако проблема заключается в том, что определение содержания ценности через сознание отдельного человека вновь возвращает нас к порочному кругу, когда ценность понимается через оценку, а оценка и является ценностью, что и не позволило М. Хайдеггеру констатировать бытие ценностей.

Отдельным теоретическим статусом характеризуются вопрос об отнесении к числу правовых ценностей равенства и свободы, которые в либертарно-юридической концепции В. С. Нерсесянца занимают ведущее место в системе аксиологического измерения права¹⁸³.

Полагаем, что две указанные ценности нельзя считать правовыми прежде всего потому, что их бытие не ограничено правовой

¹⁸² Гришук О. В. Людська гідність у праві : філософські проблеми : моногр. / О. В. Гришук. – К. : Атіка, 2007. – С. 99–139.

¹⁸³ Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма-Инфра, 1999. – С. 193.

сферой. Равенство является определяющей предпосылкой существования не только права, но и всей системы социальных регуляторов. Для религиозной сферы характерно отношение к людям как равных перед Богом, кармой, Дао или на пути к просветлению; моральные принципы говорят о равенстве всех перед требованиями добродетели, порядочности и благонадежности.

Несколько иначе обстоит проблема с ценностным статусом свободы в праве. Бесспорно, нельзя отрицать колоссальное аксиологическое значение этой категории для человека, однако возникает ряд проблем и противоречий при рассмотрении свободы как исключительного ценностного мерила всего права. Следует отметить, что за свободой как основой права стоит длинная история политико-правовой мысли, идущей от времен Великих буржуазных революций, развития капиталистических отношений и работ представителей Просвещения, позже – фундаментальных разработок Г. В. Ф. Гегеля и его последователей. Колоссальное влияние его работ сегодня ощущается в исследованиях школы либертарной теории права¹⁸⁴, которая была основана В. С. Нерсесянцем и продолжается сегодня его учениками. Представители либертарной концепции правопонимания подчеркивают, что свобода является не просто правовой ценностью, а основополагающей правовой ценностью, поскольку выступает необходимым условием существования правового общества, в то время как ее частичное или полное отсутствие является показателем потестарного общества, основанного на силе¹⁸⁵. Показательным в этом контексте является известный афоризм В. С. Нерсесянца «Право – это математика свободы».

Однако важной проблемой в концепции ученого считаем понимание свободы как таковой. Используя подход Гегеля к свободе как осознанной необходимости, либертариисты понимают ее сразу в двух аспектах: как свободу человека в праве и как свободу права от государства. Если первый аспект не вызывает нареканий, то вто-

---

¹⁸⁴ Нерсесянц В. С. *Философия права Гегеля* / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2002. – 348 с.

¹⁸⁵ Лапаева В. В. *Либертарное правопонимание и проблемы правового развития современной России* / В. В. Лапаева // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 34.

рой требует решения важного противоречия: может право быть свободным? И если «да», то от чего или от кого?

В этом аспекте следует обратиться к пониманию свободы философской концепции Эриха Фромма. Рассматривая принципы бытия и владения в современном мире, он приходит к выводу, что можно говорить о двух «срезах» свободы: свободы-от и свободы-для. Человек может быть свободным не только «от», он должен быть свободным прежде всего «для»: свобода у Эриха Фромма – это возможность быть для существования¹⁸⁶. Однако такая концепция может быть применена, в основном, для объяснения места человека в бытии. Можно ли говорить о свободе-от и свободе-для по отношению к праву и государству?

Очевидно, право должно быть свободным по отношению к неправовому государству, под которым обычно понимают такую форму политической организации общества, в которой частично или в полной мере не действует верховенство права, то есть государство этатистского, авторитарного типа. Если же рассматривать соотношение «право – правовое государство», то отпадает необходимость в концепции свободного права, поскольку оно образует с государством выгодный симбиоз, в котором ни государство, ни право не могут полностью существовать отдельно друг от друга. Право должно обеспечиваться государством (или государствами в случае с международным и интегративным правом), а государство, в свою очередь, должно быть связано верховенством права. В этом контексте свобода права слишком относительна.

Также право не может быть свободным от других форм общественного сознания: религии, политики, обычаев, морали, традиций. Существует точка зрения, что правовые системы по степени свободы права от указанных форм общественного сознания делятся на отдифференцированные и неотдифференцированные (Ю.Н. Оборотов). К отдифференцированным правовым системам относятся англо-американская и романо-германская правовые системы, а к неотдифференцированным, в зависимости от той или иной формы общественного сознания, – семья обычного права (зависимость от традиций и обычаев), дальневосточная правовая се-

¹⁸⁶ Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1986. – С. 55.

мья (зависимость от морали), религиозная правовая семья (зависит от религии) и евразийская правовая семья (зависит от политики). Тем не менее, сегодня можно говорить о степени отдифференцированности правовой системы лишь со значительной долей условности, поскольку право, освобожденное от влияния всех других форм общественного сознания, теряет свою идейную основу, оказывается застывшим в своем развитии конгломератом норм, оторванных от социокультурных условий своего существования. В такой ситуации теряется возможность для реализации основного назначения права – быть средством предупреждения и разрешения социальных конфликтов.

Таким образом, право не может быть свободным, свобода не является характерным его признаком. Свобода – это определяющая характеристика человека в праве, которую право должно защищать и быть инструментом для ее поддержания.

Правовые ценности определяют содержание категории «правовое», и поэтому не случайным является их роль в практически каждом типе правопонимания. Противопоставление основанного на признании правовых ценностей философского правопонимания юридическому правопониманию, в основе которого лежит лишь одна ценность – государство, выступающего единственным источником власти и права, а нарушение закона отождествляется с преступлением против государства, определяет методологический статус «правового» в этих двух концепциях. Если взять за основу юридическое правопонимание, то право как таковое теряет свою ценность, поскольку превращается в механизм властвования, становится еще одним проявлением государства.

Следовательно, правовые ценности – это собственно-правовые феномены, определяющие содержание, цель и сущность права, лежащие в его основе и выступающие средствами постижения и объяснения правовой реальности.

Проблематика правовых ценностей тесно связана с вопросом о возможности их иерархизации, на что неоднократно обращали внимание исследователи. Так, Н. Н. Алексеев, рассматривая соотношение между ценностью и истиной, утверждал, что проблема иерархии правовых ценностей очевидна, поскольку «все истин-

ное – одинаково истинно, в то время как все ценное ценно по своему»¹⁸⁷. Таким образом, в мире ценностей мы всегда имеем дело с отношениями, с иерархическим порядком. П. М. Рабинович писал, что правовые ценности в ряде случаев могут вступать в конфликт, конкурировать с другими ценностями, получать преимущества и уступать место друг другу. В этой связи построение иерархии правовых ценностей должно преследовать такие цели, как конкретизация соотношения абсолютных и относительных ценностей, обоснование обязательности таких отношений, объяснение возможности построения иерархии на практике и т. д.¹⁸⁸

Иерархию есть смысл рассматривать как соотношение явлений, когда они подчиняются друг другу по принципу большей значимости или всеобщности некоторых из них. В общей теории систем иерархия рассматривается как специфическая структура, в которой элементы системы распределяются по критерию подчиненности.

В контексте призывов философов права к построению иерархии правовых ценностей возникает закономерная проблема сопоставления их значимости. Действительно, можно ли объявить одну правовую ценность выше другой?

Исходя из предложенного понимания правовых ценностей, стоит заметить, что они все находятся на одном уровне – как онтологически, так и гносеологически. Нельзя объявить норму права выше конституции, конституцию – выше государства, государство – выше юридической обязанности и т. д. Особый статус правовых ценностей как определяющих феноменов, формирующих правовую реальность, как раз состоит в том, что игнорирование одного из них ведет к потере правом своей сущности и цели, что не позволяет выстроить их иерархию. В то же время следует подчеркнуть, что правовые ценности образуют систему.

Выявить систему – значит не только выделить ее компоненты и свойства этих компонентов, но и показать взаимосвязи между ними и обосновать так называемый концепт – основополагающую

¹⁸⁷ Алексеев Н. Н. Указ. соч. – С. 99.

¹⁸⁸ Рабинович П. Социалистическое право как ценность / П. Рабинович. – 2-е изд., стереотип. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 34–35.

идею системы. Именно последнее условие не всегда находит должное отражение в большинстве исследований, где используется системный подход, несмотря на ее очевидное первостепенное значение. Таким образом, система – это совокупность взаимосвязанных элементов, имеющих определенные свойства, на которой реализуются отношения, продиктованные ее концептом (определение системы с реляционным субстратом)¹⁸⁹.

Среди всего многообразия систем существует немало подходов к их классификации. Системы можно классифицировать на открытые и закрытые, центрированные и децентрированные, иерархизированные и неиерархизированные, сильные и слабые, цепные и однозвенные и т. д. Среди этого многообразия необходимо выделить такую систему, которая наиболее явно отражает все ключевые характеристики системы правовых ценностей.

Отметим, что система образует так называемый реляционный субстрат, который понимается как отношения ее элементов. Наличие такого субстрата – обязательное условие существования системы. При этом в субстрат должны входить все элементы системы, даже если такой элемент всего лишь один. Очевидно, что в случае с системой правовых ценностей именно они образуют ее реляционный субстрат.

Считаем, что наиболее точным и методологически выверенным с точки зрения особенностей отношений между правовыми ценностями является рассмотрение их системы как центрированной. Центрированная система – это такая система, в которой все отношения между отдельными элементами рассматриваются в контексте параметров особого элемента – центра. При этом центр системы является не только элементом системы, но и выступает в качестве связи между всеми другими элементами. Отсутствие центра в таких системах приводит к их распаду (центрированные системы не являются всецело надежными). Наиболее ярким примером центрированной системы в природе выступает Солнечная система.

Если рассматривать систему правовых ценностей как субстрат права, который образует его идею, обосновывает его цель и определяет его существование, то закономерным выглядит тезис о том,

---

¹⁸⁹ Уёмов А. Общая теория систем для гуманитариев. – С. 37.

что центр системы правовых ценностей будет центром права, ведь все отношения между правовыми ценностями проходят через центр, который, таким образом, рассматривается как универсальная мера, свойство и начало всей правовой сферы.

Из всех философско-правовых концепций, обосновывающих центрированность правовой сферы вокруг той или иной правовой ценности (законность, правопорядок, правовая норма, правосознание, правоотношения, правовые институты), наиболее убедительными и последовательно развивающимися на теоретико-правовом и философском уровне, на наш взгляд, являются концепции, которые выводят в центр права справедливость, а особенно – концепция ценностно-нормативного правопонимания.

Следует подчеркнуть, что основанием для признания справедливости как центра аксиосферы права является суждение о ней как о «порядке сосуществования ценностей на основе их взаимного признания» (Н.Н. Алексеев). Такая позиция позволяет сопоставить ее с концепцией свободы как фундамента правовой сферы В. С. Нерсисянца. Для Н. Н. Алексеева понятия эгоизма, свободы и равенства не могут дать исчерпывающих характеристик права. Более того, в теории правового мышления справедливость понимается как принцип эквивалентности, что определяет ее как главную аксиологическую или долженствовательную характеристику права¹⁹⁰.

Проблема справедливости в праве связана прежде всего с ее признанием как собственно-правовой ценности. Так, в этике существуют взгляды на справедливость как на нравственный императив, а уже потом – как на правовую. Однако следует констатировать, что момент возникновения справедливости как принципа взаимоотношений между людьми совпадает с моментом возникновения права. Это подтверждается этимологией слов «право» и «справедливость», имеющие общий корень не только в славянских языках, но и в латинском, языке классического права (*jus – justitia*). Также убедительным аргументом в пользу такого утверждения является выделенная А. И. Овчинниковым проблема соотношения

---

¹⁹⁰ Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ : моногр. / А. И. Овчинников. – Ростов-н/Д. : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003. – С. 48.

принципа эквивалентности воздаяния в праве и морали. Если право преследует такую эквивалентность всегда и везде, то для морали она может вообще отсутствовать, когда, например, месть является антиподом нравственного поведения (по крайней мере, в рамках христианской этики, основанной на всепрощении)¹⁹¹.

При анализе справедливости как сугубо правовой ценности следует обратиться к проблеме ее соотношения с правилом талиона. Так, в философской литературе существует мнение, что талион как принцип нормативной регуляции поведения человека выступает основой не столько для морали, сколько для права¹⁹². Такой подход выглядит логичным с точки зрения становления нормативных регуляторов от более конкретных к более абстрактным, когда талион рассматривается как историческая предпосылка права, «золотое правило» – предпосылкой морали, а «заповедь любви» – предпосылкой религии (как минимум христианской). Это подтверждается мнением В. С. Соловьева, который предлагал понимать положительную форму «золотого правила» как принцип милосердия, а отрицательную – как принцип справедливости¹⁹³.

Также принято считать, что существенным отличием «золотого правила» от талиона является то, что «золотое правило» апеллирует к чувствам и намерениям человека, в то время как талион будто обращается к ситуации, уже имевшей место в прошлом, к действию, совершенному другим. «Золотое правило», таким образом, ориентирует на инициативное действие, то есть оно определяет, как (и с чем) надо начинать отношения с другими. Талион наоборот определяет ответное, то есть реактивное действие, указывая, как следует поступать в отношениях, заданных другими. Р. Г. Апресян, анализируя соотношение между этими двумя правилами, отмечал, что негативная форма «золотого правила» возникла на основе правила талона¹⁹⁴. В этой связи важным выводом является то, что право, исторически возникшее из правила та-

---

¹⁹¹ Овчинников А. И. Указ. соч. – С. 49.

¹⁹² Апресян Р. Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 72.

¹⁹³ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – С. 168.

¹⁹⁴ Апресян Р. Г. Указ. соч.

лиона (рассматриваемого, как правило равного или справедливого воздаяния), выступает ценностно-нормативной системой справедливости, в то время как мораль – исторически более поздняя система нормативного регулирования поведения, поскольку основывается на свободе воли, – базируется на принципе милосердного отношения к иному человеку. Р. Г. Апресян, впрочем, пишет, что талион акцентирует внимание лишь на одной из форм справедливости – репрессивной справедливости. И действительно, одним лишь талионом проблема справедливости не исчерпывается. Однако соотношение именно этих двух правил нормативной регуляции поведения субъектов демонстрирует разные корни этической и правовой справедливости. Реактивная правовая справедливость исторически и логически предшествующей инициативной этической справедливости.

Следует подчеркнуть, что именно понимание правовой справедливости как реактивной, то есть ответной, позволяет выйти за рамки субъективизма и реляционности инициативного ее понимания. Отличие права и морали в этом контексте заключается в том, что при отсутствии эффективного действия инициативной справедливости в игру вступает справедливость реактивная, на которой основана вся система правового воздействия на человеческое поведение.

Между тем не следует понимать приведенные рассуждения как стремление выстроить непробиваемую стену между правом и моралью в оперировании идеями справедливости. Напротив, следует согласиться с Л. Н. Сумароковой в том, что идея справедливости выступает общекультурной ценностью¹⁹⁵, более того – именно благодаря праву она является таковой. В основании идеи права справедливость предстает как фундаментальный концепт, обеспечивающий единство права с остальными сферами культуры.

В контексте понимания системы правовых ценностей следует снова обратиться к проблематике ситуативного подхода в аксиологии, в рамках которого личностная, общественная или государст-

¹⁹⁵ Сумарокова Л. Н. Справедливость как концепт культуры и права / Л. Н. Сумарокова // Актуальні проблеми філософії права. Аксіосфера права та держави : матер. міжнар. «круглого столу» (Одеса, 13 грудня 2012 р.) ; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 67.

венная аксиосфера права рассматриваются не как стабильные, устойчивые системы, а как системы подвижные, детерминированные конкретной ситуацией.

Следует подчеркнуть, что понятие ситуации является достаточно подвижным. Ситуация в самом широком смысле может быть воспринята как система внешних и внутренних факторов, воздействий и взаимодействий, окружающих определенный субъект или несколько субъектов, образуя такое поле событий, которое рассматривается как уникальное в пространственном и временном измерениях.

В то же время следует подчеркнуть, что ситуация может рассматриваться как минимум в двух контекстах: в широком, когда понимается как состояние субъекта и его окружения, имеющего конкретное временное и пространственное бытие; в узком, когда ситуация мыслится как нечто такое, что выбивается из общего хода событий, нарушает определенный заранее установленный порядок, то есть является инцидентом¹⁹⁶. Именно в узком смысле понимается ситуация в рамках ситуативного подхода, ведь основная сфера его применения – исследование чрезвычайных, нештатных ситуаций, возникающих во время военных конфликтов, террористических актов, катастроф и т. д.¹⁹⁷. Очевидно, этот перечень «ситуаций» можно расширить. Ситуацией может быть названо любое событие, влияющее на состояние субъектов и объектов в правовой сфере, которое определенным образом изменяет или корректирует состояние регулятивных и координационных отношений.

Можно заметить, что проблема правовой ситуации тесно связана с тем, каким образом выстраивается система правовых ценностей. Логической противоположностью ситуации является нормальное состояние вещей, то есть порядок. Этот порядок, так или иначе, создает некоторую систему правовых ценностей, образует своеобразный каркас права, служит его основой и выражает его стабильность¹⁹⁸. Следовательно, порядок выступает своеобразным

---

¹⁹⁶ Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права : моногр. / А. В. Стовба. – Х. : ФЛП Л. С., 2006. – С. 13–24.

¹⁹⁷ Ким Д. В. Указ. соч. – С. 30.

¹⁹⁸ Арабаджи Н. Б. Правовой порядок как структура правовых ценностей [Электронный ресурс] / Н. Б. Арабаджи // Форум права. – 2012. – № 4. –

состоянием, свойством структуры аксиосферы права. Нарушение порядка в рамках ситуации приводит к смещению аксиосферы права, выхода определенных ценностей на передний план правового бытия.

Рассмотренная выше структура аксиосферы права, центрированная вокруг идеи справедливости как основополагающей аксиологической характеристики правовой сферы, является в определенной степени идеальной моделью, функционирующей в нормальных условиях. Однако ценность права заключается также в том, чтобы служить средством решения социальных конфликтов, решения ситуаций, которые могут непосредственно влиять на саму правовую сферу.

Между тем в определенных правовых ситуациях происходит искажение аксиосферы права. Примером ситуации, нарушающей порядок в системе правовых ценностей, можно считать решение Конституционного Суда Украины по делу по конституционному представлению 252 народных депутатов Украины относительно соответствия Конституции Украины (конституционности) Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины» от 8 декабря 2004 № 2222-IV (дело о соблюдении процедуры внесения изменений в Конституцию Украины) от 30 сентября 2010 года¹⁹⁹. В контексте правовой ситуации, в которой находился Суд как субъект права, на первый план в системе иерархии правовых ценностей для него вышла ценность формальностей и верховенства закона, а не справедливости и верховенства права.

В процессе правового развития достаточно распространены ситуации, когда аксиосфера права деформируется. Однако деформацию аксиосферы не следует оценивать как исключительно негативное явление. Часто такая деформация является закономерной и

Режим доступа: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/FP/2012-4/12/aomomc.pdf>

¹⁹⁹ Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням 252 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України «Про внесення змін до Конституції України» від 8 грудня 2004 року № 2222-IV (справа про додержання процедури внесення змін до Конституції України) // Офіційний вісник України. – 2010. – № 72/1 Спеціальний випуск ; № 77. – С. 7, ст. 2597.

необходимой для преодоления кризисных явлений. Во время массовых беспорядков во Франции в конце 2008 года в некоторых районах Парижа был введен комендантский час. Очевидно, что в данном случае на первый план выступает ценность поддержания общественного порядка, установления законности.

Ситуативность правовых ценностей является механизмом их реального воплощения. Однако следует особо подчеркнуть, что существует принципиальная разница между структурой аксиосферы и ситуативностью ценностных иерархий. Структура аксиосферы является инертной и малоподвижной, в то время как ценностные иерархии существуют в зависимости от предпочтений субъекта ценностного отношения. В случае с иерархией и ситуацией мы всегда находимся в субъектном поле событий: любая ценность в этой связи определяется ее значением для субъекта.

2.1.2. Ценности права как блага и их иерархия

Как было отмечено выше, особенностью аксиосферы права является существование в ней двух видов ценностей. Второй из них – ценности права, под которыми обычно понимают явления, не являющиеся в своей основе правовыми, однако представляющими значимость для человека и общества, а потому защищаемые и обеспечиваемые посредством права²⁰⁰.

Здесь следует отметить, что порядок справедливости, свойственный системе правовых ценностей, является во многом идеальным, а потому идеальным является и целое, образуемое правовыми ценностями – идея права. Однако поскольку мы отказались от методологической позиции о трансцендентальной природе ценностей, то следует отметить: любая ценность, в том числе и правовая, должна быть воплощена в реальности, поскольку действительное общество может быть и несправедливым. Когда же реальное общество воплощает ценности, то мы имеем дело не с их чистым идеальным восприятием, а с их реализацией – благами. Реальным справедливым обществом, таким образом, является общество, построенное на справедливом соотношении благ.

---

²⁰⁰ Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии. – С. 33.

Здесь важно подчеркнуть различную содержательную наполненность правовых ценностей и ценностей права. Правовые ценности следует рассматривать как ценности должного, а ценности права – как ценности сущего, ценности витальные, жизненные, то есть исходящие из непосредственных потребностей человека в конкретной ситуации.

Восприятие ценностей права как определенных правовых благ требует четкого разграничения этих двух понятий. Различение ценности и блага – одна из основных тем в работах представителя Баденской школы неокантианства Генриха Риккерта. Он писал, что со второй половины XIX века наука разделилась на два течения: науки о природе и науки о культуре. К последним относится, в частности, и юриспруденция. При этом философ утверждал, что естественным и логичным объектом наук о культуре выступает ценность. «Во всех проявлениях культуры мы всегда найдем воплощение определенной признанной человеком ценности, ради которой эти явления и созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком, и наоборот, все, что возникло и выросло само по себе, нельзя рассматривать вне ценностных отношений, а если оно действительно есть не что иное, как природа, то оно и должно рассматриваться таким образом. В объектах культуры заложены ценности. Мы называем их потому благами (*Guter*), для того, чтобы таким образом отличить их как ценные части действительности от самих ценностей, как таковых, которые не являются действительными, а выступают идеальными компонентами реальности»²⁰¹.

Таким образом, Г. Риккерт разграничивает ценности и блага, относя первые к миру сущностей, идеальных первопричин бытия, а вторые – к миру сущего. Современная философская мысль несколько расширяет риккертовское понимание блага, говоря о том, что благо – «это наиболее общее понятие для обозначения объекта, выражающего положительную ценность; предмет или явление, которое удовлетворяет определенную человеческую потребность, отвечает интересам, целям или направлением человека. Различают природные блага (возникшие в результате стихийного развития

²⁰¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1999. – С. 55.

природы) и общественные блага (продукты деятельности человека)»²⁰². Таким образом, под благами следует понимать не только и не столько природные явления, сколько предметы культуры, результаты деятельности человека, выражающие определенную ценность. Понимание ценностей права как благ позволяет провести четкую границу между правовыми ценностями и ценностями права: именно последние являются объектами непосредственного дискурса между участниками общественной жизни.

В то же время следует обратить внимание на другой аспект бытия ценностей права. В отличие от правовых ценностей, которые не всегда непосредственно воплощены в писаном праве, ценности права обычно рассматриваются как ценности юридические, то есть как те явления и объекты, которые находят формальное выражение в позитивном праве. Юридизация ценностей права – процесс, который выступает основой для правотворческой деятельности. Однако общеизвестным является факт, что позитивное право в силу своей природы не способно адекватно отвечать общественным реалиям, оно всегда «на шаг позади» общественной жизни, и в этом кроется один из наиболее значимых аспектов взаимодействия природного и позитивного права. Таким образом, ценности права не всегда существуют в рамках писаного права, хотя по своей природе они стремятся к нормативности.

Ценности права выступают как естественные и общественные блага, защищаемые и обеспечиваемые правом в силу их значимости и полезности для человека и общества.

Понимание ценностей права как благ выводит на признание их природы как сущего. Действительно, если правовые ценности в том или ином контексте образуют сферу должного, служат идеями, которыми должно руководствоваться право в процессе своего становления и функционирования, то ценности права – это реальная экономическая, культурная, политическая, социальная основа сущего права, поля его существования. Здесь важным является тот факт, что ценности права, в отличие от правовых ценностей, имеющих универсальный характер, варьируются в зависимости от ус-

---

²⁰² Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 2003. – С. 225.

ловий бытия той или иной социальной общности. Актуализация ценностей права имеет в своей основе ту иерархию, которая определяется реальным состоянием развития общества, его проблем и достижений, баланса и диспропорций.

Проблематика ценностей права всегда связана с тем, что субъект находится в состоянии поиска использования определенной матрицы предпочтений, в рамках которой они существуют и функционируют. Матрица предпочтений может быть как устойчивой (иерархия), так и динамической (оптимальность в ситуации, целесообразность и свобода выбора). Проблема ориентации в аксиологическом пространстве заключается в нахождении баланса между иерархией и конкретной ситуацией, а потому ценности права сложно однозначно иерархизированы. Впрочем, именно в праве находит свое отражение их иерархия, которая должна быть для субъекта ориентиром.

Важно подчеркнуть, что система ценностей права, в отличие от системы правовых ценностей, является иерархической. Такая иерархия воплощается в реальных отношениях вещей и субъектов в праве и становится сферой общественной справедливости.

Следует согласиться с Н. Н. Алексеевым в том, что принципы иерархизации ценностей права можно свести к пяти основным закономерностям, обеспечивающим справедливое общество:

1) каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой другой реализованной ценности;

2) каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в рамках общей системы ценностей;

3) каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на восстановление равновесия;

4) отношения реализованных ценностей определяются степенью достоинства, принадлежащего каждой ценности;

5) отношения между реализованными ценностями должны составлять порядок социальной справедливости и солидарности²⁰³.

²⁰³ Алексеев Н.Н. Указ. соч. – С. 122.

Другой интересный подход предлагает К. Манхейм, когда, рассматривая принципы иерархизации ценностей в рамках социальных групп, формулирует два парадокса в ценностной сфере²⁰⁴.

Во-первых, цивилизации используют метод переноса ценностей из одной системы в другую при переходе от простых ценностей к сложным, чтобы заставить систему ценностей функционировать еще раз. Такой метод ведет к парадоксальной ситуации: ценности неожиданно превращаются из инструмента социальной справедливости в инструмент эксплуатации.

Во-вторых, парадокс, связанный с принципиальным изменением всей процедуры оценки в современной культуре. Если в традиционных обществах, основанных на обычном праве, люди воспринимали систему ценностей благодаря древней традиции и вере в то, что такова воля природы, то в современных условиях создание новых ценностей и их восприятие основаны на сознательной и разумной оценке. Это привело к немислимому прежде смятению в оценках и релятивизации ценностей²⁰⁵.

Следует заметить, что построение иерархии ценностей права происходит как в трудах отечественных философов права, так и в пределах нормативной составляющей украинского права. Фактически Конституция Украины закрепляет и провозглашает основные ценности украинского права, образуя их определенную иерархию.

Современная отечественная юридическая мысль при определении иерархии основных ценностей права идет двумя принципиально разными путями. Первый из них заключается в обосновании системы и иерархии ценностей права сквозь призму гуманистической традиции, на чем основывается целый комплекс исследований представителей львовской школы права²⁰⁶, а также работы

---

²⁰⁴ Манхейм К. Избранное : Социология культуры / Карл Манхейм ; пер. с нем. Л. Ф. Вольфсона, А. В. Дранова. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – С. 237–245.

²⁰⁵ Філософія : підручник для вищої школи / за заг. ред. акад. В. Г. Кременя, проф. М. І. Горлача. – Вид. 3-є, перероб. та доп. – Х. : Прапор, 2004. – С. 729–730.

²⁰⁶ Гришук О. В. Людська гідність у праві : філософські проблеми : моногр. / О. В. Гришук. – К. : Атіка, 2007. – 432 с. ; Гудима Д. А. Права людини : антрополого-методологічні засади дослідження : монографія / Д. А. Гудима ; Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина

О. А. Бандуры²⁰⁷. Фактически в этой же плоскости находятся разработки П. М. Рабинович, выделяя пять направлений инструментальной ценности права²⁰⁸. Второй путь, который открывается при анализе иерархии ценностей права, сугубо нормативен и заключается в исследовании иерархии ценностей права, отраженной в Конституции Украины, нормативных и индивидуальных правовых актах. Считаю необходимым проследить обе линии рассмотрения ценностей права с тем, чтобы сопоставить действительное и должное в построении иерархии основных ценностей права.

Гуманистическая традиция определения системы и иерархии ценностей права состоит, во-первых, в признании существования общечеловеческих ценностей, произведенных человеком как членом общества и в его пределах, во-вторых, в выведении на вершину иерархии ценностей права жизнь, которая расшифровывается как существование всего общества в единстве с жизнью каждого отдельного человека²⁰⁹. Таким образом, высшей ценностью права в контексте гуманистической традиции следует считать сохранение жизни каждого отдельного члена общества.

Важным вопросом при выводе следующих уровней иерархии ценностей права является проблема критериев такой иерархии. Здесь опять открываются два возможных варианта: раскрытие ценностей права с позиции сущностных характеристик человека как основной ценности права и раскрытие ценностей права с точки зрения потребностного подхода, разработанного П. М. Рабиновичем. Впрочем, важно отметить, что эти два пути во многом пере-

---

Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / редкол. : П. М. Рабінович (голов. ред.) та ін. – Львів : Край, 2009. – 292 с. – (Серія І. Дослідження та реферати. – Вип. 20) ; Рабінович П. М. Потребовий підхід – безальтернативний варіант визначення соціальної сутності права та держави / П. М. Рабінович // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 8. – С. 45–53.

²⁰⁷ Бандура О. О. Єдність цінностей та істини у праві (філософський аналіз) : дис. ... доктора філос. наук : спец. 12.00.12 – Філософія права / Олег Олександрович Бандура. – К., 2003. – 403 с.

²⁰⁸ Рабинович П. Социалистическое право как ценность / П. Рабинович. – 2-е изд., стереотип. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 13–26.

²⁰⁹ Бандура О. Основні цінності права як система / О. Бандура // Право України. – 2008. – № 5. – С. 14.

плетаются, поскольку так или иначе исходят из того, что обеспечение человеческого бытия связано с благами, от которых оно зависит.

В этом контексте ценности права рассматриваются как ценности витальные. В. А. Бачинин определяет витальность человека как совокупность врожденных качеств и способностей, которые обеспечивают его жизнь в природе. Взятый в витальном измерении, человек выступает как живое, телесное существо, организм, который находится под властью естественных законов, подчиненный механизмам биологической детерминации. Как индивид, то есть как неделимая частица природы, человек не обладает свободой в социально-этическом измерении, а полностью зависит от требований естественной необходимости²¹⁰. Вместе с тем можно согласиться с А. Ф. Крижановским в том, что витальность человека в значительной мере опосредована общественной формой его существования, которая осуществляет влияние на генетику, инстинкты, рефлексy, особенности психики и т. д.²¹¹

Диалектической парой витальности обычно называют социальность как совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность существовать в обществе и выполнять различные социальные функции, в составе различных социальных групп, объединений, корпораций, и при этом выступать не как суверенное лицо, а в качестве представителя интересов данного общества. Человек здесь рассматривается и рефлексивируется как неделимая часть социума, зависящая от него, подчиненная ему, детерминирована внешними социальными механизмами, которые представляют народ и государство, класс или партию, группу или коллектив²¹².

Из всего многообразия категорий, применяемых при раскрытии социальной сущности человека, наиболее полными и логически обоснованными можно считать три из них: свободу, равенство и

---

²¹⁰ Бачинин В. А. *Философия права и преступления*. – С. 250.

²¹¹ Крижанівський А. Ф. *Правовий порядок в Україні : витоки, концептуальні засади, інфраструктура : монографія / А. Ф. Крижанівський*. – Одеса : Фенікс, 2009. – С. 141.

²¹² Бачинин В. А. *Философия права и преступления*. – С. 250.

достоинство. Собственно, эти три ценности права составляют второй уровень их иерархии.

Третий уровень иерархии ценностей права состоит в непосредственных возможностях человека организовывать свое витальное пространство, развиваться, реализовывать себя в рамках общества и пр. Такие возможности сегодня оформлены в четкую и структурированную систему прав человека.

Наконец, четвертый уровень иерархии ценностей права составляют те блага, которые непосредственным образом позволяют человеку взаимодействовать с обществом, правом и государством. К ним можно отнести: собственность, порядок, образование, науку, культуру, гражданское общество, местное самоуправление, частное предпринимательство и др.

С позиций ценности человеческой витальности также рассматривает систему общечеловеческих ценностей О. А. Бандура. В его интерпретации важнейшей общечеловеческой ценностью выступает жизнь, ведь ее фундаментальное значение заключается в существовании отдельного человека в контексте существования общества в целом. Второй уровень иерархии ценностей права, одновременно рассматриваемый как направления развертывания и расширения духовно-телесной сущности человека, составляют достоинство (духовное начало) и собственность (материальное начало). Анализируя их в диалектическом единстве, О. А. Бандура приходит к выводу, что эти ценности создают пространство для личной свободы, которая имеет своей диалектической парой ответственность. Ответственность – это продуманность, взвешенность, обоснованность учета всех обстоятельств и возможных последствий, это также готовность отвечать за свои поступки. Баланс свободы и ответственности составляет базу для обеспечения реального, а не формального, равенства и справедливости, является идейной суммой общественных ценностей²¹³.

Можно согласиться с тем, что жизнь является основополагающей ценностью, однако жизнь, рассмотренная как бытие отдельно-

²¹³ Бандура О. О. Системний характер загальнолюдських та правових цінностей / О. О. Бандура // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 18–22.

го человека, трудно воспринимать как высшую общечеловеческую ценность. Во-первых, это связано с практиками смертной казни, войн, преступлений против человечности, которые, как это ни прискорбно, продолжают существовать и забирать жизни тысяч людей. Во-вторых, жизнь отдельного человека, поставленная на высшую ступень общечеловеческих ценностных иерархий, ведет, как показывает история XX века, к глобальным экологическим катастрофам, экзистенциальному отчуждению, гуманитарным и демографическим проблемам. Трудно спорить с тем, что именно слепая вера человека в его власть над миром стала причиной большинства современных глобальных проблем человечества.

В этом контексте важно констатировать, что жизнь как ценность должна пониматься не в экзистенциальном, но в трансцендентальном смысле – как жизнь мира, а также мировой целостности. Сохранение мира является проблемой, которая стоит на ступень выше сохранения жизни отдельного человека. Неудивительно, что именно человекоцентричная парадигма современного мышления становится ключевой преградой на пути решения глобальных проблем человечества, которые, по большому счету, можно свести к проблеме сохранения жизни в ее разнообразии, целостности и развитии.

Актуальной проблемой современного правового развития является соответствие иерархии ценностей права, построенной, исходя из ценности человека, нормативной системе, основанной на конституционных принципах. Конституция Украины, является фундаментом для всей системы украинского права и предлагает свой подход к иерархизации ценностей права, который, исходя из природы такой иерархии, можно назвать нормативным.

Современный конституционализм выходит из нормативного утверждения о том, что человек является не только основной категорией конституционного права, но и главным ценностным ориентиром его развития, индикатором проверки реализации конституционных правоположений, теорий, идей, институтов, конституционной практики²¹⁴. Такая же парадигма заложена в ос-

---

²¹⁴ Орзих М. Ф. Конституционное право Украины : учеб. пособ. / М. Ф. Орзих, А. Р. Крусян. – Изд. 3-е, доп. – Одесса ; Кировоград : Юр-Информ, 2006. – 112 с.

нову определения конституционализма, который понимается как демократически-правовая теория и практика формирования конституционно-организованного общества при правовом ограничении (самоограничении) публичной власти, источником которой является народ, в пользу гражданского общества, прав и интересов лица, на основе права и демократии²¹⁵.

Можно заметить, что в основу нормативного подхода к иерархии ценностей права положено догматическое видение проблемы. Как отмечал Ф. В. Тарановский, догматическое осмысление права состоит в том, что мысль не направлена на выявление исходных начал правовых норм, но использует уже готовые положения и направляет все усилия на выявление их внутреннего содержания с тем, чтобы выявить все возможные варианты жизненной реализации. Для догмы права вопрос о происхождении и формулирования правовых норм не имеют никакого значения. Главное – их формально-логическое содержание²¹⁶. Догматическое изучение правовой системы само по себе может быть приурочено к любому моменту исторического развития этой системы. Но прежде всего оно, как из теоретических, так и практических соображений, своим предметом определяет живое действующее право. Ведь действующее право, с одной стороны, дает исследователю наиболее полный и доступный материал, а с другой стороны, изучение действующего права имеет прямое практическое значение, облегчая задачу судебной практики, которая призвана применять нормы права к отдельным конкретным случаям²¹⁷.

Очевидно, что использование догмы права для установления нормативной иерархии ценностей правовой сферы является фактически единственным путем исследования позитивного права.

²¹⁵ Введение в украинское право / под общ. ред. С. В. Кивалова, Ю. Н. Оборотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Юрид. л-ра, 2009. – С. 231.

²¹⁶ Тарановский Ф. В. Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. – 3-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – С. 8–9.

²¹⁷ Костира О. В. Правова гносеологія у творах Ф. В. Тарановського / О. В. Костира // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Друг. Міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті проф. О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 106.

В этом смысле ориентация догмы права на нормативную систему позволяет установить исходные принципы иерархизации ценностей права.

В этом аспекте нормативная иерархия ценностей права выстраивается в призме формирования системы позитивного права, в современном обществе, которое интегрируется посредством конституционного права²¹⁸. Впрочем, проблема нормативной иерархии ценностей права выражается не только в том, что коллизии позитивного права нередко делают невозможным обнаружение такой иерархии. Права человека как ключевая ценность права, провозглашена на нормативном уровне, сложно реализуема как в теории, так и практике демократии и конституционализма. В этом смысле права человека как ценность нормативного плана вытесняется или подменяется демократией и демократическими институтами, ведет к смешению ценностей права и, соответственно, их иерархий²¹⁹.

Именно поэтому при построении иерархии ценностей права следует исходить из правовой реальности, которая в философско-правовой литературе рассматривается как аналог правовой системы в рамках философского дискурса²²⁰. При этом следует согласиться с С. И. Максимовым в том, что правовую реальность можно рассматривать в двух измерениях: как объективно существующий мир права, данный субъекту на практике (и тогда мы сталкиваемся с правовым порядком – *К. Г.*), и как картину правовой реальности, как модель правовой реальности, которая служит средством познания и конструирования мира права²²¹.

Ориентация на правовую реальность предусматривает применение феноменологического подхода, с помощью которого представляется возможным определение основных ценностей права. С метафизической точки зрения ценность является ничем иным

---

²¹⁸ Проблемы современной конституционалистики : учеб. пособ. / М. Ф. Орзих, А. Р. Крусян и др. ; под ред. М. Ф. Орзиха. – К. : Юринком Интер, 2012. – С. 36.

²¹⁹ Орзих М. Ф. Конституционное право Украины. – С. 57.

²²⁰ Максимов С. И. Правовая реальность : опыт философского осмысления. – С. 14.

²²¹ Там же. – С. 147.

как идеей совершенства, которая в той или иной степени может быть достигнута в пределах общества. Достижение ценностей и их воплощение в бытии составляют различные реальные состояния, характеризующиеся признаком особой позитивности. Такие общественные состояния имеют степень особых ценностей, выражающих высокую общественную упорядоченность.

Однако реальность ценностей, воплощенных в праве, сегодня должна рассматриваться без традиционных гуманистических, либеральных (или, наоборот, тоталитарных) штампов. Стоит отметить, что провозглашение ценности жизни демонстрирует свою ложность уже в контексте проблем эвтаназии, самоубийств, терроризма и т. д. Также критически можно относиться и к связи «достоинство – собственность», поскольку подавляющее количество населения земного шара (та его часть, которая не входит в «золотой миллиард») не может оценить свою жизнь ни с позиций достоинства (ибо она проходит в голоде, нищете, болезнях, перенаселении и эпидемиях), ни с позиций собственности (ведь собственность является прерогативой более-менее развитых стран, где экономические отношения выходят на уровень признания другого равным себе). Свобода и ответственность оказываются несостоятельными продемонстрировать свою общечеловеческую значимость уже в контексте проблем нашей абсолютной безответственности за будущее человечества, когда свобода делать все разрешенное сегодня отодвигает на задний план ответственность за совершенное вчера и за то, что будет сделано завтра. Формальное равенство – один из краеугольных камней либертарной теории права – демонстрирует свою утопичность как общечеловеческой ценности не только в политике двойных стандартов, пронизывающей всю сферу международного общения и сотрудничества, но даже на уровне правовой жизни отдельных локальных правовых систем. Абсолютное равенство, положенное в основу общественного порядка, приводит к искажению человеческой сущности, а ее воплощение невозможно без террора, что ярко продемонстрировано авторами трех «больших антиутопий XX века» – Дж. Оруэллом, Е. Замятиным и О. Хаксли.

Нельзя отрицать, что построение иерархии ценностей права на основе ценности человеческой жизни – это традиционная европейская парадигма, которая имеет глубокие корни в греческой, средневековой философии, философской борьбе за свободу Нового времени, экзистенциализме XX века. Постмодернистская философия, направленная на высмеивание человека, на выявление его глубоких изъянов, демонстрацию несостоятельности человека выйти за рамки им же созданной символической и экономической системы, а также социосинергетическая парадигма, в рамках которой разрабатываются вопросы сосуществования общества и природы, варианты выхода на новые уровни взаимоотношений человечества и глобальной экосистемы – все это сегодня предлагает альтернативное видение проблематики иерархии общечеловеческих ценностей и, как результат, – ценностей права.

Думается, что проблема иерархизации ценностей права в этой связи требует качественно иного подхода, который не выходит ни из нормативных позиций, замыкая тем самым право само на себе, ни с позиций антропоцентризма, в рамках которого право не может существовать в тех системах социальных отношений, где человек не является целью правового воздействия в принципе, как, например, транснациональное право или глобальное право. Следует заметить, что третий подход к иерархизации ценностей права должен строиться на позициях функционального и целевого видения права и правовой системы, позволяющей выйти за рамки нормативного и гуманистического детерминизма, не отрицая, впрочем, значения этих подходов. Предложенная иерархия, исходя из этого, должна носить название телеологической и базироваться на таких основополагающих постулатах.

Видение функционального и телеологического измерения права во многом родственны, поскольку в обоих этих измерениях раскрывается интенция правового воздействия. Однако ключевое различие между целями и функциями права состоит в том, что функции всегда являются прикладными и конкретно направленными, в то время как цели выступают тем, в чем проявляется специфическая природа правовой системы. Так, с учетом всего многообразия правовых систем, начиная с широкого спектра национальных

правовых систем, экономически ориентированных интегративных, торговой транснациональной, декларативной и примирительной международной и межцивилизационно этической глобальной, можно говорить о существовании у всех них единого наиболее общего стандарта целей, в которых непосредственно обнаруживает себя направленность права.

Следует согласиться с теми учеными, которые среди ключевых, сущностных целей права называют примирительную. Право, исходя из нее, должно развиваться как система, в рамках которой существует потенциальная возможность решения любого конфликта, снятия любого социального напряжения. Действительно, ни одна другая ценностно-нормативная система социального влияния не имеет целью обязательного достижения компромисса, некоторые наоборот, провоцируют конфликты, которые фактически становятся их природой, например, экономическая и политическая системы. Право же является той системой, в которой конфликты, генерируемые всеми другими системами, могут быть решены и сняты, если их развитие начинает разрушать целостность всех систем общества.

Именно поэтому сегодня можно с уверенностью утверждать, что развитие права (особенно в измерении национальных правовых систем) – это движение в консервативном направлении. Сохранение общества, обеспечение функционирования общественных институтов, защита традиций и апологизация «своего» являются тенденционными процессами, вполне закономерными на фоне волн интеграции и глобализации. Действительно, сохранение стабильности (а именно стабильность сегодня становится ключевым эпитетом в языке экономистов, финансистов, социологов, юристов) становится главной целью существования большинства общественных институтов. Речь идет о стабильном экономическом росте в рамках концепции устойчивого развития и новой экономической политики, стабильности финансовых систем как основы благосостояния населения развитых стран, стабильности политического диалога – межгосударственного, межцивилизационного и т.д.

Все это демонстрирует и ключевую направленность развития права – обеспечение целостности, сохранение единства, противо-

стояние общественной рецессии всех форм. Целостность, а не разобщенность, является парадигмой, лежащей в основе интеграционных процессов в Западной Европе, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, Северной Африке и Тихоокеанском регионе. Формирование специфических правовых систем, призванных создать организационные основы интеграции, их глубинное влияние на действие национального права, параллельность существования с международным правом, которое часто демонстрирует свою неспособность обеспечить целостность мирового правового порядка – все это является непосредственным доказательством того, что сохранение целостности в экономической, политической и правовых сферах, а не идеи прав человека и идеалы свободы, диктует тон развития права.

Целостность общества понимается как такое состояние, в котором все социальные системы существуют в рамках единого цивилизационного, культурного, экономического, политического и правового пространства, очерченного единственным семиотическим, идеологическим и мифологическим полем. Показательным является тот факт, что целостность как характеристика социальной системы исходит из понимания пространства, а не территории, что наводит на мысль о выделении специфического правового пространства, которое консолидирует и интегрирует в себе все другие пространства, соединяет их через иерархизацию и аксиологизацию. Таким образом, обеспечение целостности как главной ценности права выражается на всех уровнях его бытия: поддержание целостности существующего социума (если рассматривать национальное право), целостности механизма интеграции и идеологии ее осуществления (в случае с интеграционным правом), целостности системы международного и межнационального общения, обеспечения устойчивости развития и поддержания мира (на уровне международного права), целостности языка торгово-экономических коммуникаций (как главная цель транснационального права) и, наконец, целостности взвешенного межцивилизационного диалога, призванного сдерживать гегемонию и провозглашать равенство цивилизаций (в системе ценностей глобального права).

Интересна точка зрения представителей интегративной юриспруденции на проблему целостности права. Так, И. С. Тимуш считает, что центральной идеей целостности права следует признать то, что природа права не заключается в его предзаданности в организации самой действительности или осмысливаемом ее человеческом разуме, а в его постоянном самосозидании в процессе интерактивности субъектов²²². По мнению исследователя, такая идея дает «синтетическую» картину правовой реальности, в рамках которой различные ее плоскости и уровни интегрируются по принципу дискретного целого, обеспечивая тем самым онтологическую основу координации и функционального взаимодополнения различных правовых сфер.

Говоря о категории целостности на вершине иерархии ценностей права, необходимо сопоставить ее с такими категориями, как устойчивость и стабильность, поскольку они являются не только близкими по смыслу, но и часто отождествляемыми.

Пожалуй, наиболее последовательной реализацией категории «устойчивость» в юридической науке являются работы Ю. Н. Оборотова. Выдающийся отечественный правовед вкладывает в понятие «устойчивость государства» такой смысл: это предсказуемость поведения государства, определяемая влиянием окружающей среды, внутренними изменениями и управлением. Среди закономерных процессов, обуславливающих обретение государством качества устойчивости, Ю. Н. Оборотов приводит целостность политической системы, закономерности статического, динамического и институционального функционирования государства и т. д.²²³

Используя идею устойчивости государства, можно сказать, что устойчивость определяется по трем направлениям: 1) статическая устойчивость, связанная с состоянием равновесия субстрата и инфраструктуры социума; 2) функциональная устойчивость, когда функции, присущие социальным системам, последовательно

²²² Тимуш І. С. Інтегральний погляд на право : монографія / І. С. Тимуш. – К. : Атіка, 2009. – С. 264.

²²³ Оборотов Ю. Н. Содержание аксиосферы государства / Ю. Н. Оборотов // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 223–230.

и эффективно реализуются; 3) динамическая устойчивость, которая объединяет в себе две предыдущие и заключается в обеспечении надлежащего уровня стабильности социальных систем.

Определяя такие характеристики социальных систем как устойчивость, стабильность и целостность, необходимо обратиться к системному анализу, который позволяет показать их параметрические измерения. Системные параметры (или атрибуты системы) определяют, к какому классу систем относится тот или иной объект, каким образом он соотносится с другими системами. Индивидуальность системы определяют так называемые субпараметры – конкретные характеристики системы, демонстрирующие ее уникальную специфику в том или ином классе систем.

В рамках параметрической общей теории систем стабильность рассматривается как параметр системы, который определяет ее устойчивость относительно возможных изменений в структуре. Стабильные системы допускают незначительные изменения в структуре без разрушения системы, в то время как нестабильные разрушаются при изменении структуры. Примером нестабильной системы являются геометрические фигуры, в которых невозможно изменить структуру, не разрушив всю систему²²⁴.

Как видно из приведенного суждения, стабильность является параметром, по отношению к которому устойчивость является субпараметром. Стабильность определяет устойчивость, а не наоборот. В то же время это не единственный аспект соотношения данных измерений систем.

Если стабильность определяет устойчивость в контексте сохранения концепта при изменении структуры извне, то устойчивость является параметром, который показывает, насколько концепт системы может функционировать при изменениях структуры, имеющих внутрисистемное происхождение. Следовательно, стабильность и устойчивость являются двумя сторонами по сути единого параметра, который показывает, насколько жизнеспособной является система при изменении ее структурны.

По нашему мнению, такой единственной характеристикой системы будет выступать именно целостность. И хотя в трудах

---

²²⁴ Уемов А. И. Общая теория систем для гуманитариев. – С. 63.

представителей общей теории систем такой параметр не приводится, показательно, что он активно используется в гуманитарных науках. Так, социология оперирует понятием целостного общества, политологи указывают на возможность целостной и дифференцированной политики, а в юриспруденции все большее значение приобретают категории целостности правовой системы, целостности действия права, целостности правового порядка и т. д. Таким образом, обеспечение целостности можно рассматривать не только в контексте целей права, но и в разрезе обеспечения целостности самого права.

Целостность права может рассматриваться под несколькими углами зрения. Во-первых, с позиций гештальт-теории, когда право должно существовать и развиваться в единстве всех уровней его бытия: национального, интегративного, международного и глобального. Во-вторых, целостность права определяется его институциональной и функциональной взаимообусловленностью, полноценностью и неразорванностью. В-третьих, целостное право должно быть открытой системой, то есть находиться в постоянном движении и изменении его компонентов.

Обеспечение целостности как основополагающей ценности права в рамках телеологического подхода требует реализации ценности низшего уровня – порядка, который в этом контексте мыслится как структура, обусловленная системными параметрами права. Именно порядок является тем особым состоянием иерархии ценностей права, который определяет справедливость (Н.Н. Алексеев). Несправедливый порядок – это суть нарушенная иерархия ценностей права. Установление порядка – это имманентная цель права. Порядок при этом мыслится как условие возможности координации субъектов в их витальном и социальном пространстве, и если для правовой аксиологии личность является основой порядка, она образует вокруг себя специфическую реальность, выстраивая порядок таким, каким она его мыслит, то для юридической антропологии сущность порядка является гораздо более экзистенциальной: субъект воспринимает окружающий мир как заранее упорядоченную реальность, которая определяет и его свободу, и его бытие, и пределы реализации свободы в этом бытии. Показа-

тельно, что ценность правового порядка сегодня выходит на качественно новый уровень постижения, что, безусловно, продиктовано необходимостью коренного пересмотра задогматизованных представлений об этом чрезвычайно важном правовом явлении²²⁵.

Впрочем, вынесение порядка на верхние уровни иерархии ценностей права таит в себе опасность объявить любой порядок правовым. Именно таким образом мыслит Г. Кельзен, когда утверждает, что справедливость не может быть признаком, отличающим право от других принудительных порядков. Какой-то порядок может считаться несправедливым с точки зрения определенной нормы справедливости. Однако тот факт, что содержание действительного принудительного порядка может быть расценено как несправедливое, еще вовсе не основание для того, чтобы не признавать этот принудительный порядок правовым²²⁶.

По сути, такая абсолютизация порядка, без различия того, легитимен он или нет, происходит он от общества или от шайки разбойников, позволила Г. Кельзену отнести к числу правовых порядки, построенные на нацистских принципах, военный коммунизм, революционную законность. Упорядочение общественной жизни – это ее самоцель. При этом, как отмечал Г. Кельзен, не имеет значения содержание конституции или созданного на ее основе государственного правопорядка: неважно, справедлив он или нет, обеспечивает ли он состояние относительного мира в рамках сообщества, конституируется ним или нет²²⁷.

Именно в этом смысле важно обратиться к теории справедливого порядка, выдвинутой в свое время одним из величайших философов XX века Карлом Поппером. Порядок мыслится им в интенциональном контексте. Человек всегда в своей деятельности стремится к поиску порядка, закономерности, регулярности. Именно поэтому упорядоченность жизни является имманентно объек-

---

²²⁵ Арабаджи Н. Б. Класичні, неklasичні та постнеklasичні теорії правового порядку: критерії співвідношення / Н. Б. Арабаджи // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Вип. 62. – С. 584–590.

²²⁶ Чистое учение о праве Ганса Кельзена. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – В. 1. – С. 70.

²²⁷ Там же. – С. 51–52.

тивной, а каждый человек в этой упорядоченности выбирает свои закономерности: что ему нравится, а что нет, чего он хочет, а от чего хочет отказаться и т. д.²²⁸

Теорию Карла Поппера во многом продолжает Дж. Роулз, автор известной «Теории справедливости». Для него право – это институционализованная справедливость, а потому порядок только тогда является правовым, когда он справедлив. Справедливость при этом мыслится им как единство, сумма равенства и свободы²²⁹. Таким образом, законы и институты, насколько бы они не были успешными, согласованными и эффективными, должны быть либо реформированы, либо ликвидированы, если они несправедливы²³⁰.

Интересно, что в контексте соотношения концептов правды, истины и справедливости Дж. Роулз разводит их по сферам существования. Справедливость, – утверждает философ, – это первая добродетель легитимных общественных институтов, истина – первая добродетель систем мысли, а правда – это первая добродетель внутренних моральных императивов²³¹. Именно поэтому для справедливости как честности концепция правильности первична по отношению к концепции блага. Все блага, в том числе, ценности права, так или иначе должны развиваться под знаком справедливости. Справедливый правовой порядок – это правильный порядок, в котором все члены правовых взаимодействий поступают честно²³².

Можно заметить, что ценности права, существующие в пространстве целостности и порядка, образуют чрезвычайно гибкую и адаптивную систему. Ценности права всегда существуют в плоскости реализации собственной ценности права, образуя базис и

²²⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги / Карл Поппер ; пер. с англ. ; под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – С. 212.

²²⁹ Роулз Дж. Теория справедливости / Дж. Роулз ; пер. с англ. ; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – С. 66.

²³⁰ Там же. – С. 19.

²³¹ Там же. – С. 19, 41.

²³² Арабаджи Н. Б. Аксиологеми правового порядку : поняття та види / Н. Б. Арабаджи // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету : зб. наук. пр. – Одеса : Міжнародний гуманітарний університет, 2011. – Вип. 2. – С. 18–24.

цели его общесоциальных функций, в то время как правовые ценности – средоточие инструментальной ценности права. Существование ценностей права является наиболее важным фактором развития права как действенного и реального социального консолидатора, который выполняет свое конфликтное предназначение.

Сосуществование гуманистического, нормативного и телеологического подходов к иерархизации ценностей права демонстрирует, что проблема современного правового развития не может рассматриваться исключительно в контексте человекомерности. В то же время именно сочетание этих трех подходов позволяет уравновесить крайности антропологического и социетального видений аксиосферы права. Нельзя не заметить, что право в рамках каждой правовой системы выстраивает иерархии ценностей права одновременно по всем этим подходам, а поэтому говорить о том, что антропологизм или социетальность являются предпосылками нормативной иерархии ценностей, ошибочно. Нормативный подход здесь действительно является лишь показателем того, в каком направлении развивается право. Именно поэтому важно использовать и гуманистический, и телеологический подходы к иерархизации ценностей права с тем, чтобы избежать их чрезмерной релятивизации и чрезмерной коллективизации.

2.2. Аксиосфера права и правовая нормативность

Одна из наиболее сложных проблем философии права, рассмотрение которой красной нитью проходит через всю ее историю, – это вопрос о нормативном измерении бытия правовых ценностей в частности и аксиосферы права в целом. Не будет преувеличением утверждение, что этот вопрос является столь же важным, как и вопрос о природе правовых ценностей и вообще вся проблематика аксиологического обоснования права и правовой системы.

В наше время растет интерес к природе социальной, в том числе и правовой нормативности, что выражается в поиске новых выходов на решение проблемы соотношения объективной и ситуа-

тивной нормативности, нормативного и вненормативного действия детерминант правового поведения. В контексте проблематики нормативности находятся также ключевые вопросы о взаимодействии аксиосферы права и его нормативной системы.

Существование аксиосферы права выражается не только в прямом действии ценностей правовой сферы, но и в наличии специфической сферы, основу которой составляет правовая нормативность. По аналогии с аксиосферой права систему правовой нормативности можно называть нормосферой, а ее содержание составляют правовые нормы и принципы. Следует подчеркнуть, что нормосферу права нельзя отождествлять с системой права, поскольку она выступает по отношению к последней как более широкое явление, включающее в себя не только формально выраженные предписания, но и те конструкции, которые, не будучи текстуально оформленными, имеют в своей основе нормативную природу. К ним, в частности, можно отнести явления государственности, конституционализма, парламентаризма и т. д. Эти феномены можно рассматривать как конгломерат писаных и неписаных норм, обычаев, традиций, которые образуют определенную подсистему с конкретными предметными пределами. Нормосфера, таким образом, тесно связана с позитивным правом, действующим в рамках общественного пространства.

Как и в случае с аксиосферой, нормосфера права также включает в себя две подсистемы: правовых норм и принципов. При этом разница между нормами и принципами права состоит не только в уровне обобщения, но и в способе их существования. Так, принципы права часто подразделяют на общие, межотраслевые и отраслевые²³³. При этом межотраслевые и отраслевые принципы наиболее приближены к нормам, поскольку устанавливают предмет и метод правового регулирования в той или иной отрасли права, определяют специфику действия норм во времени, пространстве и по кругу лиц, фиксируют правовые презумпции, другими словами, они задают «правила игры» в определенной сфере общественных отношений, регулируемых правом.

²³³ Скакун О. Ф. Теорія права і держави : підручник / О. Ф. Скакун. – К. : Алерта ; КНТ ; ЦУЛ, 2009. – С. 312.

В то же время общие принципы права являются более высокой ступенью в иерархии компонентов нормосферы. Они пронизывают нормосферу права и определяют наиболее значимые границы и правила функционирования всей системы правовых предписаний. Среди всего многообразия общеправовых принципов для нормосферы права ключевое значение имеет принцип верховенства закона.

В научной литературе справедливо отмечается, что проблема принципов, несмотря на заметную активизацию их исследования на постсоветском, в том числе и украинском, общетеоретическом и философско-правовом пространстве²³⁴, остается одной из самых неоднозначных и сложных. Как отмечает Н. И. Козюбра, до сих пор продолжаются споры о природе принципов, их классификации, соотношении с нормами права и правовыми идеями, возможностях и путях «освобождения» принципов от прямых или косвенных воздействий политических факторов и т. д.²³⁵ В этой связи полезно рассмотреть принципы права в соотношении с правовыми нормами.

Важным является тот факт, что в современной юриспруденции нормы толкуются по нескольким направлениям. Так, говорят о правовых нормативах, правовых нормах, нормах права, нормативных предписаниях и т. п. Наряду с этим для выяснения природы нормативного в праве считаем целесообразным обратиться к специальному учению, которое М. И. Бобнева называет нормологией²³⁶.

В. Д. Плахов, анализируя морфологические структуры социальных норм, утверждает, что в наиболее общем виде о социальной норме можно говорить как о специфической структуре, которая состоит из четырех компонентов: действия, которое можно, должно или не должно совершить; условия применения – это ука-

---

²³⁴ Колодій А. М. Принципи права України : моногр. / А. М. Колодій. – К. : Юрінком Інтер, 1998. – 208 с. ; Погребняк С. П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика) : моногр. / С. П. Погребняк. – Х. : Право, 2008. – 240 с. ; Скурко Е. В. Принципи права : моногр. / Е. В. Скурко. – М. : Ось-89, 2008. – 192 с.

²³⁵ Козюбра М. Основні форми буття права та взаємовідносини між ними / М. Козюбра // Право України. – 2011. – № 8. – С. 23.

²³⁶ Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – М. : Наука, 1978. – 312 с.

знание в норме на ситуацию, с наступлением которой следует реализовать предусмотренное нормой действие; субъект – это лицо или группа лиц, которым адресована норма; наконец, характер нормы, который определяется тем, обязывает она, запрещает или разрешает выполнять определенные действия²³⁷.

Эти четыре компонента социальной нормы тесно связаны с другим понятием – нормативной ситуацией. Как отмечает В. Д. Плахов, нормативная ситуация возникает в условиях, когда отражение необходимости в рамках общественных отношений трансформируется из имманентной меры в специфический нормообраз. Формирование нормообраза в процессе познавательного отношения субъекта и объекта, осуществление посредством нормообраза прагматических функций (прежде всего, нормативной детерминации поведения субъекта) и является существенным моментом нормативной ситуации²³⁸. Из этого, собственно, следует, что нормативная ситуация может рассматриваться как совокупность условий, обеспечивающих нормативное поведение людей, то есть диспозицию.

В этом контексте выглядит не совсем продуманной позиция многих представителей общетеоретической юриспруденции по вопросу отнесения к числу правовых норм принципов наряду с такими конструкциями, как дефиниции, принципы, презумпции, преюдиции и др. Достаточно распространенной является позиция относительно классификации правовых норм на нормы-принципы, нормы-цели, нормы-дефиниции, нормы-презумпции, нормы-преюдиции, нормы-фикции, нормы-конструкции и т. д. С точки зрения нормологии, все эти нормативные конструкции не являются нормами, поскольку не содержат всех обязательных признаков.

Как отмечает А. А. Ручка, при исследовании влияния норм необходимо обращать внимание на следующее: с какими именно нормами исследователь имеет дело – содержащими прескриптивную информацию для наиболее общих типичных ситуаций или содержащими прескриптивную информацию для конкретных ситуа-

²³⁷ Плахов В. Д. Социальные нормы: философские основания общей теории / В. Д. Плахов. – М. : Мысль, 1985. – С. 53.

²³⁸ Там же. – С. 15–16.

ций²³⁹? Однако это не означает, что правовые принципы следует рассматривать как нормы, содержащие установку для наиболее общих ситуаций. Главное отличие правовых принципов от правовых норм заключается не в степени общности их предписаний, а в цели существования.

Принципы права, как отмечает Ю. Н. Оборотов, – это самостоятельные компоненты системы права, которые рассматриваются как базисные начала, определяющие общую направленность действия права²⁴⁰. Таким образом, принципы права не просто определяют общую стратегию построения системы правовых норм, составляющих каркас нормосферы права, но они также направляют ее влияние на поведение субъектов, то есть выступают нормативной основой правового воздействия.

С точки зрения нормологии большое значение имеет сама природа нормативности, ведь она выступает тем универсальным критерием, позволяющим объединять принципы и нормы права в их целостном существовании в виде нормативной составляющей права (нормосферы). Нормативность в наиболее общем виде может рассматриваться как признак предписания, который определяет его внешнюю обусловленность. Нормативное – это всегда необходимое. Именно поэтому нормативность всегда рассматривается как основной признак требования, или, как пишет В. Д. Плахов – приказа²⁴¹. Однако не любое требование может рассматриваться как нормативное.

Требование как внешняя необходимость может быть и ненормативным или, даже точнее, не вписываемым в контекст нормативности. Так, нельзя называть нормативными законы природы, которые по своей сути являются абсолютными требованиями, а потому не могут быть нарушены в силу своей субстанциальности (физические и химические процессы, законы генетики и т. п.). Субстанция общественных законов (которые в нашем случае понимаются наиболее широко – как нормативные требования) – это общественные отношения, процессы, связи, закономерности и пр. Поэтому

---

²³⁹ Ручка А. А. Указ. соч. – С. 22.

²⁴⁰ Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс) : экзамен. справ. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 58.

²⁴¹ Плахов В. Д. Указ. соч. – С. 60–61.

если естественные законы абсолютно независимы от человека и общества и функционируют в витальном пространстве, то общественные законы являются необходимой мерой поведения в рамках общественного пространства.

Нормативность можно рассматривать как явление, всегда направленное вовне. Внутренняя необходимость человека (совесть) может быть как нормативной по своей природе, так и ненормативной, если она предусматривает специфическое поведение именно этого конкретного человека, то есть направлена внутрь. Такая регуляция не является нормативной, а такая необходимость не является нормой. Норма – всегда межперсональна, коммуникативна. Как мы подчеркивали выше, при отсутствии внешнего адресата норма не существует.

Фактически природа нормативности позволяет нам провести границу между различными формами ее общественной экспликации. *Нормативность может существовать в виде непосредственно нормы, и тогда она воспринимается как межперсональный коммуникативный акт, содержащий в себе предписание, предполагающий активное или пассивное поведение своего адресата и имеющий четко выраженный императивный или диспозитивный характер; а также в виде принципа, который по своей природе приближается к естественной нормативности, ведь по многим признакам имеет имперсональный характер и выражает абсолютную необходимость в рамках социального пространства.* Абсолютная необходимость здесь понимается несколько иначе, чем в рамках витального пространства, где действует абсолютная необходимость естественных законов. Если в последнем случае эта необходимость является абсолютной из-за своей незыблемости, то в случае социального пространства абсолютная необходимость принципа понимается так, что ее нарушение ведет к социальному отчуждению.

Принципы права, исходя из вышесказанного, можно назвать нормативными необходимостями, а нормы права – нормативными требованиями. Такое разграничение имеет целью не только выделение принципов права как конструкций, отличных от норм, но и обоснование того тезиса, что принципы права являются базисны-

ми организаторами правового пространства бытия субъектов, в то время как правовые нормы наполняют это пространство.

В этом контексте интересно обратиться к интерпретации принципов в их пространственном и временном измерениях. Принципы права по своей природе выступают как рамочные регуляторы, их можно рассматривать как пространственные пределы бытия права. С этой точки зрения приобретает новый смысл расширение бытия права по схеме «правовая система – правовая реальность – правовое пространство – правовая жизнь». Правовая жизнь – это наиболее широкое бытийное пространство правового духа и материи, охватывающее все идейные, временные, материальные, субстанциальные, институциональные измерения права. Принципы права – это основа всех измерений и граней его существования как необходимости и требования.

Структура правовой нормативности – нормосфера права – всегда существует как производная структура, зависящая от трансформаций аксиосферы и подвижности иерархий ценностей права и матриц предпочтений конкретной правовой ситуации. Однако производный характер нормосферы противоречит тем представлениям, согласно которым нормативность является первоочередным признаком права, его сущностью и идеей. В этой связи следует проследить, каким образом соотносятся нормативистские интерпретации нормативности и естественно-правовое видение этого феномена.

По большому счету, нормосфера в рамках нормативизма мыслится как единственно возможная составляющая права, а потому она обосновывает саму себя и на этой основе является легитимной (легальной). Правовая нормативность в этой связи рассматривается как то единственное, на что направлено юридическое познание, однако в пространство правовой нормативности входит чрезвычайно широкий спектр явлений. Х. Кельзен в контексте нормы рассматривал усмотрение в праве, правовое регулирование, правовые ценности, оценочные суждения, правовой порядок и т. п. Правовая нормативность в этом плане может пониматься как выражение сущности права, субстанциальная основа его бытия как должного, совокупность всех измерений правовой реальности. Норматив-

ность должна мыслиться как единство сущего в форме поведения (или акта) и должного в форме нормативного предписания (приказа, разрешения, требования, запрета, полномочия)²⁴². Только в ней выражается право как подлинная система регулирования человеческого поведения.

Нельзя не согласиться с нормативистами в том, что нормосфера существует как реальное право, имеющее конкретно выраженное *здесь-и-сейчас* бытие, непосредственно влияющее на человеческое поведение и не зависящее от того, что человек думает об этой норме: от воли отдельного субъекта ничего не зависит, норма действует везде и всегда, ее легитимность является ее легальностью. Такая логическая последовательность является стройной и непротиворечивой, и нормативизм, несмотря на все его недостатки, является, пожалуй, наиболее завершенной, продуманной и логически целостной научной теорией права.

Однако в совершенно другую плоскость переходит вопрос о нормативности, когда он решается в рамках естественно-правовой, социологической и интегративной философско-правовой мысли. Развивая мысль О. Хёффе о том, что право может утверждаться в рамках мирового порядка, разума и человеческой сущности²⁴³, Л. И. Заморская утверждает, что различные течения естественно-правовой парадигмы предлагают как минимум три подхода к толкованию правовой нормативности: натуралистский, когда нормативность права дедуктивным путем выводится из законов природы как требований абсолютной необходимости; рационалистический, в котором нормативность права – суть проекция внутренних императивов сознания, венец разума, абсолютная вершина правового мышления; и антропологический, где нормативность права раскрывается через призму человеческой природы²⁴⁴, и в этом

²⁴² Кельзен Г. Чисте правознаство : 3 дод. : Проблема справедливості / Ганс Кельзен ; пер. з нім. О. Мокровольського. – К. : Юніверс, 2004. – С. 14–16.

²⁴³ Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хёффе. – М. : Гнозис, Редакционно-издательская группа «Логос», 1994. – С. 51–52.

²⁴⁴ Заморська Л. І. Сутність нормативності в теорії природного права / Л. І. Заморська // Новітні наукові дослідження держави і права – 2011 : зб. наук. праць. – Т. 1. / за ред. С. В. Ківалова, В. О. Тулякова, О. В. Козаченка. – Миколаїв : Іліон, 2011. – С. 95–96.

случае возникало множество вариантов нормативности – от требований трансцендентальной свободы до концепции жизненного пространства в экзистенциализме.

Однако в том или ином случае, понимание правовой нормативности в рамках естественно-правовой парадигмы идет от осознания внутренней или внешней необходимости, порождающей специфические императивы. Причем существование таких императивов может быть сведено к одному всеобщему правилу (И. Кант, Т. Гоббс) или реализовываться в целой системе предписаний и требований как негативного, так и позитивного содержания (Г. Гегель, О. Хёффе, Дж. Роулз и др.). При этом главный признак правовой нормативности, рассматриваемой в разрезе естественного права, заключается в признании структурированности правового пространства, когда построение системы норм диктуется существованием соответствующей системы ценностей, но не наоборот. Иерархичность нормосферы является ключевым признаком позитивного права, она задана структурой правовых ценностей.

Иерархичность нормосферы права зиждется на принципе верховенства закона. Следует отметить, что в рамках отечественной научной традиции принцип верховенства закона мыслится как такой порядок организации нормативной структуры права, когда высшая юридическая сила признается за Конституцией Украины как Основным Законом, и все законы и другие нормативно-правовые акты принимаются на основе положений Конституции Украины и не должны ей противоречить. По принципу верховенства закона формируется иерархическая система правовых актов, и он является фундаментальной основой режима законности²⁴⁵. При этом под иерархичностью также понимают принцип построения системы источников права в рамках правовой системы; предопределенность содержания и объема полномочий субъектов правотворчества, которые их принимают; выражение различной юридической

---

²⁴⁵ Принцип верховенства права : проблеми теорії та практики : монографія : у 2 кн. / за заг. ред. Ю. С. Шемшученка ; ред. кол. : Ю. С. Шемшученко (голова) та ін. – К. : Юрид. думка, 2008. – Кн. 1 : Верховенство права як принцип правової системи : проблеми теорії / відп. ред. Н. М. Оніщенко. – С. 9.

силы отдельных видов источников права и связанной с этим установленной субординации источников права в их целостной системе²⁴⁶. Такая позиция позволяет исследователям говорить о том, что эффективность позитивного права (нормосферы) напрямую зависит от уровня реализации принципа верховенства закона как выражения соподчиненности правовых актов между собой и главенствующей ролью Конституции Украины в системе этих актов.

В юридическом аспекте обычно выделяют ряд элементов, предусматривающих содержательную наполненность принципа верховенства закона:

1. Нормативное закрепление всех присущих закону признаков, в том числе решение с помощью закона важнейших вопросов государственной и правовой жизни.

2. Установка высшей юридической силы, приоритета законов во всей системе правовых актов. Это выражается как в производном характере всех других нормативно-правовых актов относительно законов, так и в процедуре отмены актов, не соответствующих закону. Закон играет ведущую роль в правовой системе государства, в деятельности всех субъектов права, прежде всего – государственных органов и должностных лиц. Этот принцип означает, что закон имеет высшую юридическую силу относительно всех других нормативно-правовых актов и источников позитивного права²⁴⁷.

3. Закрепление в конституционной форме соблюдения принципа законности, отражающего, прежде всего, обязанность государственных организаций и должностных лиц соблюдать Конституцию и законы.

4. Осуществления конституционного контроля и надзора за соблюдением законов.

Несмотря на то, что в отечественной юриспруденции сложилась устойчивая традиция толкования принципа верховенства закона как специфического компонента постсоветских правовых

²⁴⁶ Принцип верховенства права : проблеми теорії та практики. – С. 96.

²⁴⁷ Міжнародна поліцейська енциклопедія : у 10 т. / відп. ред. Ю. І. Римаренко, Я. Ю. Кондратьєв, В. Я. Тацій, Ю. С. Шемшученко. – К. : Ін Юре, 2003. – Т. 1. – С. 61–62.

систем, следует отметить, что такая позиция в некоторой степени условна. Принцип верховенства закона не может ограничиваться принципом верховенства Конституции, а также системой правил иерархического построения правовых актов. Он должен предусматривать общую систему организации нормосферы права, то есть выходить за рамки законодательства как такового.

В этой связи следует определиться с тем, какое толкование закона используется – узкое или широкое. При узком подходе можно говорить о законе как о нормативно-правовом акте, принимаемом в установленном порядке и регулирующем важнейшие сферы общественной жизни. При широком подходе закон – это не только нормативно-правовой акт, он может иметь и другие формы своего существования. Так, для семьи общего права, а также международной правовой системы разграничение понятий «право» и «закон» не имеет значения. Оба понятия обозначаются термином *law* как интегрирующим понятием, объединяющим все действующее право, а специфический термин *act* появляется только тогда, когда говорится о конкретном законодательном документе. В то же время закон не имеет для этих правовых систем первостепенного значения. Более того, *law* – это и закон, и обычай, и прецедент, и общие принципы права²⁴⁸, то есть вся система нормативов, существующих как в позитивном праве (законодательстве, договорах и прецедентах), так и в правосознании (общие принципы права, первоочередные правовые ценности). *Law*, таким образом, – это вся догма права²⁴⁹.

В этом контексте можно отметить, что приведенное понимание принципа верховенства закона использует узкое толкование закона как нормативно-правового акта, что является оправданным в силу его доминирования как источника права в украинской правовой системе. В то же время для других правовых систем содер-

---

²⁴⁸ Погребняк С. П. Термін «право» в юриспруденції європейських держав / С. П. Погребняк // Порівняльне правознавство : сучасний стан і перспективи розвитку : зб. наук. праць / за ред. С. В. Ківалова, Ю. С. Шемшученка. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 122–123.

²⁴⁹ Дудченко В. В. Аналітична юриспруденція про концепт права / В. В. Дудченко // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Одеса : Юрид. л-ра., 2005. – Т. 4. – С. 34–45.

жательное наполнение принципа верховенства закона может быть и другим. Под законом могут пониматься и прецеденты, и обычаи, даже религиозные нормы. Закон, в широком смысле, – это вся система позитивного права конкретной правовой системы.

Этот вывод имеет под собой рациональное основание. Содержательная нагрузка понятия «закон» в философии и социальной теории очень широкая. Как отмечается, закон следует рассматривать как наиболее императивную форму социальной нормы, выражающей конститутивную основу общественного развития, выступающей базой для построения всех систем общественных связей²⁵⁰. Такое понимание достаточно ярко демонстрирует основную идею принципа верховенства закона как такой системы организации нормативной составляющей права, где ведущая роль отдается основополагающему источнику и форме правовых норм. Действительно, можно заметить, что доминирование той или иной формы права всегда самым конкретным образом определяет структуру нормосферы, и этот факт можно рассматривать как яркий пример того, что даже при плюрализме источников права преимущество всегда остается на стороне одного из них.

В рамках современного философского дискурса, построенного вокруг отрицания трансконтекстуальных понятий истины и истинности, норм, предъявляемых от имени всех и никого, масштабных теорий (так называемых метанаративив), в которых конструируются исторические и социальные модели развития, навязанные «другим» культурам, происходит системное переосмысление проблем социальной нормативности. Кризис модернистских представлений о нормах как социальных фактах сегодня углубляется еще и потому, что демонстрирует свою зыбкость нормативное представление об общественном и культурном прогрессе. Теория нормативности, которая возникла и сформировалась в рамках позитивизма, постулирует, как утверждает Г. Г. Кеглер, такие ключевые тезисы:

---

²⁵⁰ Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Научно-ред. совет ; предс. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. II. – С. 35.

– научное самопознание должно базироваться на эмпиризме, а позитивистское видение общества является залогом его объективной оценки;

– человеческий прогресс (как в историческом, так и в научном контекстах) является логическим продолжением эволюции;

– человеческая природа является универсальной, а потому существует возможность построить единую систему норм и ценностей²⁵¹.

Постмодернистская и постструктуралистская критика указанных постулатов постижения социальной нормативности предполагает отказ от этих трех позиций. Поэтому постмодернизм является:

– антипозитивистским: не существует никакого объективного, непосредственного, неполитического понимания социальной нормы и общества в целом;

– антиэволюционистским: он подвергает критике теории социальной эволюции за использование ими этноцентристских стандартов как средства оценивания других, за то, что они универсализируют и идеологически оправдывают свою собственную контекстуальную практику, используя эволюционное толкование прогресса, чтобы представить свои собственные ценности как высший этап и в когнитивном, и в моральном отношениях;

– антиэссенциалистским: любые теории о природе человека являются идеологическими, дискурсивными конструкциями, превращают в сущность того, что на самом деле строится символично и социально в конкретных, а потому ограниченных, социальных и культурных контекстах²⁵².

В то же время полное отвержение нормативности является не только необоснованным, но и, по большому счету, ненаучным, поскольку сам факт существования общества подтверждает существование социальной нормативности. Между тем, действительно, сегодня социальная нормативность находится в состоянии, когда ее символическая универсальность препятствует действию нормы. Именно в этом контексте все большее значение приобрета-

---

²⁵¹ Кеглер Г. Г. Этика после постмодернизма / Г. Г. Кеглер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 112.

²⁵² Кеглер Г. Г. Указ. соч. – С. 112–113.

ют ценности, имеющие специфику ситуативного действия. Адаптируется к новым условиям и теория нормативности, которая начинает тяготеть к проблематике признания, а не установления норм, которое понимается как включенная в повседневную практику субъектов интерпретация, являющаяся диалогической деконструкцией²⁵³, и тем самым направлена на признание мнения и ценностей других. Такая диалогическая интерпретация социальной нормы выводит на ситуативную нормативность, которая эпатирует нормативность объектного порядка и заменяет ее, позволяя учитывать чувствительность постмодернистских практик ко всему конкретному, контекстному, уникальному, не впадая при этом в чистый релятивизм и редукционизм²⁵⁴.

Несложно заметить, что понимание нормативности в ситуативном контексте по существу снимает антиномию между нормой и ценностью, поскольку они начинают действовать в одной плоскости, в одном ракурсе: норма выступает как средство стратегической коммуникации, а ценность – как инструмент коммуникативного действия. Ярким примером все большего утверждения ситуативной нормативности и, как следствие, ситуативного действия правовых норм и ценностей, выступает медиация – явление, порожденное современной эпохой. Именно в ней в большей степени выражен приоритет уникального, единичного, над универсальным, всеобщим. Нормы и ценности здесь существуют как неразрывно связанные компоненты правовой ситуации, в то время как на уровне объективного права они часто искусственным образом разводятся и противопоставляются.

Несложно заметить, что трансформация природы социальной нормативности становится серьезной проблемой для нормативности правовой, и, пожалуй, именно это обстоятельство подчерки-

---

²⁵³ Халабуденко О. А. Конструкция и деконструкция : постклассический подход к сравнительному правоведению / О. А. Халабуденко // Порівняльне правознавство : сучасний стан і перспективи розвитку : зб. наук. праць / за ред. С. В. Ківалова, Ю. С. Шемшученка. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 37–38.

²⁵⁴ Кеглер Г. Г. Указ. соч. – С. 112.

вается теми исследователями, которые утверждают зыбкость и текучесть догмы современного права²⁵⁵.

Именно поэтому проблема объема нормативности в праве крайне актуальна. Кризис модернистских правовых идеологий, направленных на построение стабильной, устойчивой правовой системы, основанной на ценностях кодификации и нормативно-правового закрепления правоотношений, устойчивой догме права, сегодня становится очевидным. Свидетельством этого является, например, чрезвычайная подвижность законодательства, которое меняется чуть ли не каждую неделю, а многие украинские кодексы просто не оправдывают само понятие «кодекс», то есть систему норм, рассчитанных на устойчивость в течение длительного срока, подвергаясь постоянным изменениям.

Это создает ряд проблем для правоприменения, поскольку профессиональный юрист должен каждый раз при решении конкретного правового вопроса проверять наличие изменений в законодательных актах. Такая ситуация парализует правовую систему, она теряет гибкость. Тем не менее, правовая политика нашего государства продолжает базироваться на универсальном приоритете писаного права.

Вторая причина, которая выводит исследователей на проблему объема нормативности, заключается в падении уровня легитимности правовой системы. В наше время, в эпоху постмодерна, индивидуализации, правового цинизма, весьма важным становится сочетание рационального и иррационального. В этой связи актуальным оказывается утверждение о том, что в право надо верить, видеть в нем не только безличные нормативы, а духовное наполнение, личностную ценность. Только в таком случае правовая система может действовать эффективно, гибко, персонализировано.

---

²⁵⁵ Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии : моногр. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2001. – 160 с. ; Сидоренко О. М. Об'єкт догми права : до постановки проблеми / О. М. Сидоренко // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2005. – Вип. 25. – С. 99–104 ; Тарасенко В. Г. Постулаты права / В. Г. Тарасенко. – М. : Городец, 2009. – 128 с. ; Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учеб. пособ. / И. Л. Честнов. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2004. – 63 с.

Наконец, третьей причиной можно назвать нормативную переполненность, чрезмерную формализацию современного украинского права. Уровень избыточной нормативности украинского права можно назвать аномальным.

Проблема объема нормативности имеет свое философское обоснование, которое заключается в разграничении нормативного и вненормативного правового воздействия. Сегодня существование вненормативных регуляторов объясняется прежде всего тем, что, наряду с обособлением права, имеет место и обратный процесс – мощная интеграция права с другими социальными регуляторами, причиной чему является чрезвычайная индивидуализация права и, как следствие, – наполнение его моральными, этическими, религиозными и другими компонентами. Так, в философских и теоретических кругах ведутся дискуссии по поводу таких категорий, как этика права и правовая мораль²⁵⁶, экономика права²⁵⁷ и правовая политика²⁵⁸.

Принципиальное отличие вненормативного правового воздействия от нормативного – его четкая направленность на индивида, а не на общество в целом. Если нормативное регулирование претендует на объективность, то вненормативное рассчитано на индивидуальное восприятие каждым отдельным субъектом в праве. Такой механизм действия вненормативных регуляторов делает право гибким, индивидуализированным, а правовые отношения не абстрагирует, а персонализирует.

Пожалуй, наиболее общей дефиницией нормы является такое определение: «норма – это описание в словах направления действия, рассматриваемого как желательное, соединенное с предписанием осуществлять это действие в будущем в соответствии с указанным направлением» (Т. Парсонс). Если объединить это

²⁵⁶ Букреев В. И. Этика права. От истоков этики права к мировоззрению : учеб. пособ. / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М. : Юрайт, 1999. – С. 9–27.

²⁵⁷ Скакун О. Ф. Нуждается ли в обновлении название дисциплины «Общая теория государства и права»? / О. Ф. Скакун // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Другої Міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 19.

²⁵⁸ Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Норма, 2003. – 528 с.

определение с толкованием ценности, предоставленным другим классическим американским социологом Г. Беккером («ценность как любой объект любой потребности является результатом знания, желания, нормирования: то, что известно – ценность, то, что желательно – ценность, то, что нормировано – ценность»²⁵⁹), то можно сделать вывод, что норма выступает конечным этапом становления ценности в общественном сознании.

Итак, возникает универсальная форма взаимодействия нормативных и вненормативных регуляторов: норма ценная, а ценность нормирована. Впрочем, как уже отмечалось, существование правовой ценности вовсе не означает обязательность ее нормативации, поскольку норма является не более чем предикатом выраженной в ней ценности.

Объем нормативности в праве, таким образом, оказывается за пределами нормирования ценностей в праве как основополагающих аттракторов развития права. Структура ценностно-нормативного регулирования зависит не только от существования ценностей и норм, но и от их взаимопроникновения и функционирования на различных уровнях правосознания, поскольку формирование тех или иных ценностей права происходит, исходя из духа интерпретации правовых ценностей. Справедливыми в этой связи выступают идеи того, что правовые ценности пронизывают всю правовую систему, трансформируясь, получая новые интерпретации.

Поскольку ценностные установки реализуются неразрывно с мотивацией, то можно утверждать, что ценностное регулирование в праве имеет источником субъекта, выходит из его представлений о должном, о правовой реальности и о действии права. Нормативное регулирование в этом контексте можно понимать как регулирование «извне», путем установления общеобязательных путей и средств достижения правового порядка, а ценностное регулирование – это регулирование межсубъектное, происходящее «изнутри» правовой жизни, оно отражает самую суть антропологизации правового развития. Поэтому становление ценностного регулиро-

---

²⁵⁹ Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. – М.: Изд-во иностр. л-ры, 1961. – С. 166–167.

вания неразрывно связано с развитием индивидуализации, склонностью субъекта в праве руководствоваться собственными ценностными установками, уравновешивая ними внешнее воздействие правовых нормативов.

Таким образом, современная правовая жизнь диктует новые условия для механизма правового воздействия. Сегодня чрезвычайно важно признание ценностного правового воздействия, ориентация на внутренний, интеллектуальный, сознательный аспект восприятия права, а также на эмоциональное, психологическое отношение к нему. Только в таком случае объем нормативности будет оптимальным для эффективного действия правовой системы.

Как можно заметить, нормосфера права, как и его аксиосфера, выступает одной из плоскостей правового бытия, а потому важно проследить механизмы их взаимодействия и интеграции. Сложные системы ценностей и нормативов, находящихся в пространстве правового дискурса, порождают особый характер нормативного бытия ценностей и ценностную сферу реализации этих нормативов. Правовая нормативность при этом является именно тем элементом структуры права, в котором аксиосфера права присутствует имманентно.

2.3. Уровни существования аксиосферы права

Системный характер ценностей правовой сферы, сложный характер их соотношений и взаимодействий, глубина проблем движения ценностей в рамках права, а также вопросы построения ценностных иерархий в праве обуславливают необходимость исследования тех гносеологических и психологических процессов, в рамках которых происходит восприятие аксиосферы права как некоторой целостной части правовой структуры.

Проблемы познания в праве не являются новыми для философско-правовой мысли. Знаковыми исследованиями в этой сфере стали фундаментальные работы А. А. Козловского²⁶⁰, О. А. Банду-

---

²⁶⁰ Козловський А. А. Право як пізнання. Вступ до гносеології права : монографія / А. А. Козловський. – Чернівці : Рута, 1999. – 295 с.

ры²⁶¹, М. С. Кельмана²⁶², а также многих других специалистов в сфере гносеологических и методологических проблем философии права. И если традиционно к сфере гносеологии относится проблематика знания, возможности его достижения, а также система методологии, с помощью которого оно получается²⁶³, то сегодня все более активно ставится вопрос о расширении ее границ, поскольку знание, по большому счету, не является и не может быть единственно возможным результатом и одновременно основой человеческого мышления. В этом смысле гносеология выступает как такая сфера философии, в которой ведутся поиски ответа на вопрос о природе и соотношения знания, веры, представления и понимания.

Такое толкование гносеологической проблематики философии права актуализирует поиски возможных форм восприятия аксиосферы права. По нашему убеждению, можно говорить о трех формах такого восприятия: знание, вера и эмоция. Действительно, ценности правовой сферы существуют во всех трех плоскостях их восприятия, и чем глубже знания, откровенней вера и сильней эмоции вызывает у человека аксиосфера права, тем в большей степени она реализует себя в праве.

Рассматривая проблематику уровней восприятия аксиосферы права, следует определиться с тем, с каких точек зрения рассматриваются эти уровни. Можно говорить о таких основных направлениях определения уровней восприятия аксиосферы права: в зависимости от уровня и типа правосознания, с выявлением специфики отражения ценностей правовой сферы в связи с отношением человека к праву, его пониманием и т. п.; в зависимости от эмоционально-психологического восприятия ценностей правовой сферы, глубины их переживания и признания, мотивации использования и т. д.

---

²⁶¹ Бандура О. О. Правознавство у системі наукового знання : Аксиолого-гносеологічний підхід : монографія для науковців, виклад., аспірант., ад'юнкт., магістрант., студ. і курсант. юрид. навч. закл. та факульт. / О. О. Бандура. – К. : Київ. нац. ун-т внутр. справ, 2010. – 272 с.

²⁶² Кельман М. С. Юридична наука : проблеми методології / М. С. Кельман. – Тернопіль : Терно-граф, 2011. – 453 с.

²⁶³ Цофнас А. Ю. Гносеология : учеб. пособие / А. Ю. Цофнас. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Одесса : Наука и техника, 2011. – С. 15–16.

Аксиосфера права, таким образом, имеет несколько уровней своего существования, на каждом из которых находят отражение те или иные ее компоненты. С каждым новым уровнем аксиосфера расширяется, включает все новые элементы, показывает специфические ценностные механизмы их взаимодействия. С учетом рассматриваемой природы компонентов аксиосферы права, а также особенностей ее структуры, можно выделить три основных уровня восприятия аксиосферы права. При этом эти уровни соответствуют тому или иному уровню правосознания и являются мерой нормативного, эмоционально-психического и интеллектуального отношения к ценностям. Думается, что в соответствии с глубиной переживания ценностей правовой сферы и их принятия такие уровни можно назвать нормативным, стереотипным и архетипным.

Как отмечал в свое время известный философ и социолог А. А. Ручка, по функциональной нагрузке ценности можно разделить на ценности-цели и ценности-средства²⁶⁴. При этом ценностями-средствами выступают социальные нормы – конечный результат конкретизации социальных ценностей. Западная социологическая традиция вообще склонна отождествлять ценности и нормы, как это просматривается в структурном функционализме Т. Парсонса, поскольку понимание и ценностей и норм сочетается в контексте их восприятия как должного.

На наиболее поверхностном нормативном уровне аксиосферы права можно говорить о ценностях как о нормах, выступающих рамочными регуляторами общественных отношений, с которыми сталкивается обычный человек ежедневно, не вникая в глубину их природы, а воспринимая их как нормативы, правила поведения, шаблоны. Операция с ценностями-нормами свойственна догматическому типу правового мышления. В контексте нормативного уровня восприятия аксиосферы права важно подчеркнуть, что правовые ценности здесь понимаются как отношения, как результат сопоставления нормы и ценности – если правовое поведение (или любой другой правовой акт) соответствует требованию правовой

---

²⁶⁴ Ручка А. А. Социальные ценности и нормы (некоторые теоретические и прикладные вопросы социологического анализа). – С. 26–34.

нормы, то оно является ценным, если же идет в разрез с требованием правовой нормы – то оно неценно, антиценно.

В то же время ошибочно было бы отождествлять нормативный уровень восприятия аксиосферы права с чисто нормативистским толкованием правовых ценностей. На самом деле поле нормативного восприятия аксиосферы права является гораздо более широким, поскольку охватывает реальную социальность права, его среду как сплошное пространство нормативно-ценностного существования человека²⁶⁵. На этом уровне аксиосфера права действует прежде всего как аксиосфера правового поведения, когда правомерное признается ценным, а неправомерное – антиценным.

Показательно, что нормативное существование аксиосферы права является лишь одной из возможных ее ипостасей, которая, впрочем, не включает вненормативные характеристики ценностей правовой сферы, а выводит их на уровень высших императивов. Наверное, именно поэтому традиционная нормативистская идеология пытается отказаться от вопроса о ценностной обоснованности права, или же объявить, что право не является сферой ценностей вообще. Нормативный уровень бытия и восприятия аксиосферы права снимает эту проблему, поскольку очевидно, что нормативность является лишь узким срезом правовой реальности, которая на самом деле намного более наполнена и богата.

С нормативным уровнем восприятия аксиосферы права тесно связана проблема рамок как таких аттракторов, в которых находится субъект, детерминации своего поведения. Как отмечает П. Г. Щедровицкий, фиксация рамок может рассматриваться как ключевой момент любой умственной деятельности и непосредственной активности, поскольку определяя рамки, мы осуществляем объективацию, онтологизацию и реализацию²⁶⁶. Находясь в пределах нормативного восприятия аксиосферы права, субъект

---

²⁶⁵ Сигалов К. Е. Среда права : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / К. Е. Сигалов. – М., 2010. – С. 12.

²⁶⁶ Щедровицкий П. Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы / П. Г. Щедровицкий // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 37.

строит определенное нормативное пространство, и в нем воплощаются те требования, в которых концентрируется его видение ценностей.

Выход за пределы нормативного восприятия аксиосферы права диктует необходимость представления о наиболее общих принципах жизни человека, его личной сферы ценностей, интересов, стремлений, убеждений и максим. Это приводит к выделению ценностей права – и они в этом аспекте действуют на стереотипном уровне восприятия аксиосферы права. Стереотипность в этом смысле понимается как такое отношение к ценностям правовой сферы, в котором осмысление права происходит через различение личного и социального при помощи категории интереса. Иными словами, ценности права выступают ментальной основой конкретной правовой ситуации, в которой действует субъект. Для ценностей права справедливо определение ценностей, данное советским философом А. Г. Здравомысловым: «ценность – это любой объект любого интереса»²⁶⁷. Таким образом, ценности права действуют на стереотипном уровне аксиосферы права, поскольку их характеризует наиболее индивидуализированный, личностный тип воздействия на субъекта в праве.

Стереотипный уровень восприятия аксиосферы права отражает наиболее типичные, привычные, актуальные ценности правовой сферы. Но стереотипность этого уровня оказывается прежде всего в том, что субъект всегда действует ситуативно и локально, и в своих оценках, и ценностном осмыслении всегда заранее ориентирован на ту или иную систему ценностей: в его сознании всегда существует некоторый масштаб приемлемого поведения, адекватного той или иной правовой ситуации. Ориентация на ценностные стереотипы происходит в контексте личной культуры человека. Именно от его ценностного отношения к формам своего бытия (социального, культурного, политического и т. д.) зависит личностная иерархия ценностей – от того, какой смысл он вкладывает в понятие природы, общества, культуры и человека, какими функциями

²⁶⁷ Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – С. 166.

их наделяет и которые видит между ними взаимосвязи и общие закономерности развития как отдельных частей сложной системы бытия, так и ее целостности. Изменение значения какого-либо объекта для субъекта в его сознании ведет за собой изменение его аксиосферы.

Причиной же изменения ценностного отношения является способность человека к оценке, то есть к определению значения объекта, и осуществление деятельности оценивания, в результате чего структура ценностей обновляется и меняется. В сознании индивида и общества ценностная система модифицируется постоянно, приобретая определенное иерархическое строение, зависящее от изменения соотношения ценностей, от приоритета одних ценностей перед другими.

Именно в этой связи расширение границ нормативного восприятия аксиосферы права сопровождается включением в орбиту права ценностей права как основных объектов стереотипно ориентированного правового поведения и мышления. В то же время следует подчеркнуть, что существование и формирование стереотипов правового поведения является не только задачей правового воспитания, но и конечной целью всей системы правового воздействия. По нашему убеждению, это является еще одним аргументом в пользу того, что ценности правовой сферы следует всегда рассматривать в контексте действия права.

Глубинный уровень восприятия аксиосферы права, на котором происходит расширение границ познания до поисков предельных его оснований, объяснения причин и целей права, его единства, системности и целостности – это уровень архетипный. Показательно, что именно на архетипном уровне проявляют свое существование правовые ценности. Именно поэтому высказывается точка зрения, что правовые ценности являются теми феноменами, которые находятся в поле деятельности прежде всего профессиональных юристов.

Восприятие аксиосферы права на архетипном уровне связывается не только с осознанием его универсальной структурности, но и с признанием права определенной сферой культуры. Именно по-

этому правовые ценности, раскрывающие поле своих значений и смыслов на архетипном уровне, должны восприниматься как определенные правовые архетипы – особый вид культурных архетипов. Культурные архетипы – это базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни. Их содержание составляет типичное в культуре, и в этом отношении культурные архетипы интерсубъектны. Формирование культурных архетипов происходит на уровне культуры всего человечества и культуры крупных исторических общностей в процессе систематизации и схематизации культурного опыта. В силу этого причастность к архетипу индивидом четко не осознается и его воспроизведение конкретной личностью выступает рационально непреднамеренным актом. Культурные архетипы раскрывают свое содержание не только и не столько через понятие и дискурс, но через иконичность, то есть с помощью образов, форм. Иконическая природа культурных архетипов предопределяет то, что они существуют в сознании как архетипные образы, черты которых определяются культурной средой и способом метафоризации, репрезентации²⁶⁸.

Действительно, представление об архетипном уровне восприятия аксиосферы права как об уровне существования правовых ценностей-архетипов позволяет утверждать существование родственной системы правовых ценностей у всего человечества. Архетипность правовых ценностей проявляется в стремлении человека к справедливости, порядку, образованию государства и его институтов, апелляции к авторитету правосудия и построению разветвленной системы правовых нормативов. Так, на архетипном уровне восприятия аксиосферы права разворачиваются представления о праве как сфере человеческой духовности в самом широком смысле, то есть как одной из форм существования его сознания, а толкование правовых ценностей как особого вида культурных архетипов позволяет утверждать, что право столь же глубоко укоренено в человеке, насколько человек – в праве.

---

²⁶⁸ Культурология : XX век : словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 54.

В то же время следует отметить, что архетипность аксиосферы права обуславливает его глубокую культурную специфику, поскольку на нормативном и стереотипном уровнях восприятия аксиосферы вопрос о культурной детерминации правового бытия просто не ставится, ведь субъект находится «внутри» права, не выходит за его пределы, в плоскость культуры. Именно поэтому важно подчеркнуть, что существование ключевых правовых архетипов, укоренившихся в сознании каждого индивида, порождает существование права как целостной ценностно-нормативной системы.

Раздел 3

ДИНАМИКА АКСИОСФЕРЫ ПРАВА

3.1. Гармонизация аксиосферы и нормосферы права

В контексте понимания права как ценностно-нормативной системы чрезвычайно важным является вопрос о взаимодействии аксиосферы и ее нормативного выражения (нормосферы) в его бытии. При этом очевидно, что связующим звеном между сферой ценностей и сферой норм должен быть особый феномен, который одновременно относился бы и к миру ценностей, и к миру норм. Руководствуясь логикой Н. Неновски о том, что ценность – суть результат синтеза должного и нормативного, однако некоторые ценности имеют исключительно «должный» (например, свобода), а некоторые – исключительно «нормативный» (например, закон) характер²⁶⁹, следует выделить такое явление, которое находилось бы на грани должного и нормативного.

Следует отметить, что попытки соединения ценностных и нормативных основ права в единую систему с помощью тех или иных методов не раз имели место в истории развития философии права. Большая часть таких попыток происходила в поиске компромиссов между естественно-правовым и позитивистским пониманием, выявления их точек пересечения. Однако можно согласиться с С. П. Рабиновичем в том, что признание ценностей как составляющих права (так называемый аксиологизм) в течение длительного времени был определяющей характеристикой естественно-правовой парадигмы²⁷⁰.

Проблемы бытия современного права, а особенно вопросы обеспечения его легитимности, которые все сложнее решать в свя-

---

²⁶⁹ Неновски Н. Право и ценности / Н. Неновски ; пер. с болг. и вступ. статья В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М. : Прогресс, 1987. – С. 109.

²⁷⁰ Рабинович С. П. Європейська природно-правова думка та криза ціннісно-нормативної свідомості / С. П. Рабинович // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 36.

зи с размыванием границ национальных государств, потерей их монополии на правотворчество, становлением все новых правовых реальностей, как интегративное и глобальное право, актуализируют поиски мифологизированных конструкций, которые обеспечивают правовой сфере необходимый уровень стабильности. Если раньше действие права четко ограничивалось пределами суверенных национальных государств, а в случае международного права – признавалась специфическая сфера его действия как исключительно межгосударственного регулятора, а принцип суверенитета существовал в неразрывной связи с самой идеей международного права²⁷¹, то сегодня становится очевидно, что идея национального государства не в состоянии обеспечивать стабильность и целостность права как ценностно-нормативной системы. Именно поэтому на смену этому легитимационному конструкту пришли две концептуальные идеи: «немецкое изобретение» – правовое государство и «английское изобретение» – верховенство права.

Целый комплекс методологических и философско-правовых проблем, связанных с научным развертыванием этих, безусловно, наиболее значимых и влиятельных концептуальных идей современной юриспруденции, не может не решаться без признания принципиального различия между ними. Если идеал правового государства концентрируется в представлениях о разделении властей, системе сдержек и противовесов, демократичности доступа к власти и ее связанности правовыми (в первую очередь – конституционно-правовыми) нормативам, то верховенство права выступает как гораздо более гибкая концепция, основная идея которой заключается в эффективности и справедливости разрешения правовых ситуаций, что выводит на необходимость казуального понимания норм, их толкования в контексте конкретики того семантического и событийного пространства, которое породило эту ситуацию. Право в этом смысле выступает как верховная инстанция при решении большинства социальных противоречий. И если возникновение концепции верховенства права связывается с рационалистическим его толкованием, в узком смысле – как некая идея, на которой бази-

---

²⁷¹ Чайковский Ю. В. Філософські засади становлення міжнародного права. – С. 101–112.

руется функционирование суда справедливости в английском праве²⁷², то сегодня проблематика существования верховенства права лежит в гораздо более широкой плоскости, а сам этот феномен по своей природе синтезирует в себе ценностные и нормативные компоненты права.

Будучи одновременно и составной нормосферы права (выражаясь в виде принципа верховенства закона), и ценностным критерием ее эффективности, верховенство права является инструментальным аспектом справедливости. Закономерным в этом контексте является вывод о том, что верховенство права, как и справедливость, является казуальными, их невозможно раз и навсегда определить, предоставить им дефиницию, а необходимо интерпретировать относительно каждого отдельного дела. Отсюда несколько нелогичной выглядит позиция Конституционного Суда Украины, который предоставил «окончательное» определение верховенства права, фактически привязав этот ключевой по значимости конструкт к конкретному нормативному предписанию.

Следует отметить, что анализируя содержание аксиосферы права, мы находились в рамках так называемой собственной ценности права, которую принято рассматривать по двум направлениям – социальном и личностном. Однако не менее важным является и другой аспект ценностной характеристики права – его инструментальная ценность, которая заключается в ценности права как регулятива, в соответствии с правилами и требованиями которого люди, социальные общности и государство выстраивают свое поведение²⁷³.

Верховенство права при этом есть смысл рассматривать как основной элемент инструментальной ценности права, поскольку именно верховенство права выступает критерием определения собственной ценности права, причем степень эффективности реализации этого принципа является индикатором соответствия нормосферы права его аксиосфере. Верховенство права при этом следует понимать как минимум по трем направлениям: 1) верховенство

²⁷² Головатий С. Верховенство права : моногр. : у 3-х кн. / С. Головатий. – Кн. 1 : Верховенство права : від ідеї – до доктрини. – К. : Фенікс, 2006. – С. 73–76.

²⁷³ Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс). – С. 34.

права над законом; 2) верховенство права над государством; 3) верховенство идеи права (аксиосферы) над формой права (нормосферой).

Одна из ключевых методологических проблем, связанных с пониманием верховенства права – вопрос о категориальном статусе этого феномена. Анализ современных научных разработок демонстрирует интересную тенденцию: верховенство права обычно понимается как принцип правовой системы, существующий наряду (или, наоборот, наперекор) с принципами верховенства закона и законности, и действующий в конкретном правовом пространстве. Очевидно, такое толкование верховенства права порождено стремлением обнаружить в его основе те признаки и свойства, которые позволили бы отнести его к чисто нормативной сфере правового бытия. Однако пространство существования этой концептуальной идеи намного шире, и верховенство права вряд ли можно свести к системе принципов, даже наиболее значимых для функционирования права.

По нашему мнению, верховенство права не является принципом ни писаного, ни естественного права. Во-первых, в рамках писаного права верховенство права не может существовать как принцип, поскольку это противоречит его структурно-нормативной природе. Сама идея верховенства права состоит в том, что система правовых нормативов не является самоцелью, ее существование обусловлено прикладными проблемами достижения компромисса и разрешения конфликтных ситуаций. Абсолютизация чисто нормативных граней верховенства права неизбежно приводит к его отождествлению с принципом верховенства закона, который, безусловно, является центральным звеном в формировании и функционировании нормосферы. Если рассматривать нормативную структуру права как самодостаточную и в известном смысле замкнутую, то идея верховенства права здесь является излишней.

Во-вторых, верховенство права не может быть принципом естественного права, поскольку в таком случае мы сталкиваемся с тавтологией и порочным кругом, ведь естественное право само по себе, в самую силу своего существования является верховным – как по отношению к праву положительному, так и по отношению к

государству. Естественнo-правовая доктрина строится на идее неизблемости и идеальности исходных принципов права, которые кроются в некоторых неизменных константах (человеческой природе, космическом порядке, божественной воли, категорическом императиве, необходимости признания другого и т. д.)²⁷⁴.

В этом контексте вопрос о категориальной принадлежности верховенства права является достаточно дискуссионным и требующим тщательного анализа. Так, альтернативная точка зрения состоит в том, что верховенство права вообще не может быть отнесено к нормативной составляющей права и является сугубо аксиологической конструкцией.

Именно исходя из таких позиций, верховенство права нередко называют главной правовой ценностью²⁷⁵. Однако специфика верховенства права как правовой ценности заключается в том, что оно относится не к сфере его собственной ценности (общественной или личной), но инструментальной, в рамках которой верховенство права выступает феноменом, призванным интегрировать аксиосферу права и его нормосферу. Этот тезис подтверждается содержанием верховенства права, предлагаемом в коллективной монографии «Верховенство права как принцип правовой системы: проблемы теории», где оно раскрывается как уровень эффективности права и правовой системы в выполнении своих основных функций: регулятивной, коммуникативной, ценностно-ориентационной, охранительной и т. д.²⁷⁶

Такое понимание верховенства права наводит на мысль о его соотношении с классическими направлениями рассмотрения инструментальной ценности права: инструментально-распределительным, инструментально-обозначительным, инструментально-соизмерительным, инструментально-охранительным и инструментально-познавательным²⁷⁷. В современной юриспруденции

²⁷⁴ Рабинович С. П. Природно-правові підходи в юридичному регулюванні : моногр. / С. П. Рабинович. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2010. – С. 55–58.

²⁷⁵ Введение в украинское право / под общ. ред. С. В. Кивалова, Ю. Н. Оборотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Юрид. л-ра, 2009. – С. 145–153.

²⁷⁶ Принцип верховенства права : проблеми теорії та практики. – С. 15.

²⁷⁷ Рабинович П. Социалистическое право как ценность / П. Рабинович. – 2-е изд., стереотип. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – С. 13–26.

верховенство права, хотя и не явно, но рассматривается как интегрирующее понятие для обозначения всех этих направлений инструментальной ценности права. Через него выражают ценность Конституции²⁷⁸, эффективность правовой системы²⁷⁹, оно рассматривается как центральный инструмент соблюдения прав человека и гражданина²⁸⁰, а также как средство аппроксимации правовых систем²⁸¹. Такая исключительная инструментальная ценность верховенства права имеет место постольку, поскольку, с одной стороны, оно находит свое формальное выражение в нормосфере посредством функционирования принципа верховенства закона, а с другой – подкрепляется идейными основами права в виде правовых ценностей справедливости, правосудия, конституции, закона, правовой нормы, юридического процесса и др., составляющих содержание аксиосферы права.

Достаточно оригинальным представляется мнение о том, что реализация верховенства права в каждой конкретной правовой культуре выступает основой для формирования правовой гармонии²⁸². Будучи правовой ценностью, верховенство права призвано обеспечивать гармонизацию других правовых ценностей в контексте правовой жизни того или иного общества, ведь, по мнению Ю. Н. Оборотова, неслучайным является использование верховенства права в различных правовых культурах и цивилизациях, отличающихся между собой как основными ценностями права, так и правовыми ценностями²⁸³.

---

²⁷⁸ Шаповал В. М. Верховенство закону як принцип Конституції України / В. М. Шаповал // Право України. – 1999. – № 1. – С. 5–8.

²⁷⁹ Рабінович П. Верховенство права як соціальний феномен / П. Рабінович // Юридический вестник. – 2008. – № 8. – С. 12–14.

²⁸⁰ Рабінович П. Верховенство права в інтерпретації Страсбурзького Суду та Конституційного Суду України / П. Рабінович // Вісник Конституційного Суду України. – 2006. – № 1. – С. 37–46.

²⁸¹ Скаун О. Ф. Верховенство права как принцип интеграции правовых систем в современном мире / О. Ф. Скаун // Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 8. – С. 35–44.

²⁸² Введение в украинское право / под общ. ред. С. В. Кивалова, Ю. Н. Оборотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Юрид. л-ра, 2009. – С. 145–153.

²⁸³ Там же. – С. 145–146.

Идея правовой гармонии, как представляется, имеет свои корни в близкой по своему содержанию концепции правового идеала. Понятие правового идеала, введенное Н. Н. Алексеевым по аналогии с общественным идеалом у П. И. Новгородцева, рассматривается не как конечная формула общественного совершенства, но как указание на те действительные пути и средства правового развития, с помощью которых может быть улучшен любой правовой порядок. Для определения правового идеала нужны не конечные его формулы, которые часто являются не более, чем красивыми лозунгами, а конкретное описание того необходимого опыта, который надо получить для построения права на основе правды и справедливости, чтобы оно было истинным правом²⁸⁴. Совершенствование правопорядка рассматривается как путь совершенствования правовой структуры, включающей правового субъекта и правовые ценности. И действительно, достижение совершенного состояния права возможно лишь при правильном познании ценностей, их взаимном отношении, порядке и иерархии. Основная задача на этом пути – найти, выделить и определить основные фактические ценности, лежащие в основе действующего права.

Особенность верховенства права как правовой ценности заключается прежде всего в его специфической связи с аксиосферой права. В верховенстве права фактически существуют и мыслятся те правовые идеалы, которые олицетворяют в себе правовые ценности. В этом контексте правовые ценности всегда остаются как заповеди и требования постоянного совершенствования правовой сферы²⁸⁵, а для нормосферы – неизбежного процесса реализации аксиосферы в нормативной составляющей права. Реализация аксиосферы – естественная цель верховенства права, без которой оно теряет всякий смысл, как ценностный, так и нормативный.

Верховенство права, рассмотренное в плоскости правового идеала и правовой гармонии, выводит на признание того, что компоненты структуры права существуют как некая целостность, действующая под знаком концептуальной идеи ее верховенства, значи-

²⁸⁴ Алексеев Н. Н. Указ соч. – С. 220.

²⁸⁵ Спиркин А. Г. Философия : учеб. / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Гардарики, 2002. – С. 606.

мости, авторитетности. Верховенство права как путь конкретизации и реализации правовой структуры в социокультурных условиях того или иного общества следует рассматривать в разрезе дополнительности его ценностно-нормативного содержания, когда одна сторона этого единства не поглощает другую.

Верховенство права может рассматриваться как в разрезе влияния аксиосферы права на его нормосферу, так и наоборот, когда система установленных нормативов деформирует и конструирует новую смысловую реальность, может замещать, изменять аксиосферу права. Роль верховенства права в таких процессах заключается в сохранении целостности аксиосферы права наряду с трансформацией нормосферы, то есть в сочетании преемственности и обновления как двух разнонаправленных процессов правового развития.

3.2. Филиация и институционализация ценностей правовой сферы

Подвижность ценностей, соединенная с их абсолютностью (правовые ценности) и относительностью (ценности права), темпы и направления которой зависят от специфики и характера развития общественных институтов, особенностей конкретной правовой ситуации, существования различных матриц преимуществ, иерархий ценностных структур – все это не в принципе, а самым непосредственным образом влияет на становление права. Привнесение, адаптация, формирование, интеграция и дезинтеграция ценностей правовой сферы, процессы абсолютизации одних компонентов правовой жизни и обесценивание других порождают так называемый фон действия права²⁸⁶, в котором сочетаются идеи, нормы, принципы, желания и цели всех субъектов, чьи пути пересекаются в правовом поле.

Право как сфера не только практического, но и критического разума, выступает как смысловое поле, в котором существуют

---

²⁸⁶ Социология права : учеб. / В. М. Сырых, В. Н. Зенков, В. В. Глазырин и др. ; под ред. проф. В. М. Сырых. – 3-е изд., стереотип. – М. : Юстицинформ, 2004. – С. 220.

ценности одновременно всех сфер общественной жизни: от экономики и предпринимательства до искусства и религии. Это дает основания многим современным философам права утверждать единство ценностных основ права и других пространств человеческого бытия²⁸⁷. Впрочем, следует отметить, что существование в рамках права ценностей других сфер является показателем его интегральной природы как пространства осуществления межличностных, международных и межцивилизационных коммуникаций. Поэтому утверждение о том, что если в праве существуют моральные ценности, то оно является моральным по своей природе явлением, столь же необосновано, как и если мы скажем, что защита собственности в рамках права превращает его в экономический феномен.

Коммуникативная природа права, раскрытию и обоснованию которой на постсоветском пространстве посвятил целый ряд исследований А. В. Поляков и его последователи²⁸⁸, заключается, среди прочего, в том, что основополагающие ценности правовой сферы в рамках данной концепции интерпретируются как эйдетические и социокультурные (правовые ценности и ценности права соответственно) и являются стратегически необходимыми элементами правового дискурса, без них невозможно обнаружить первопричины общественного движения права. В этой связи важно подчеркнуть, что движение ценностей в праве обеспечивается не только волей, интересами и потребностями субъектов, но и ситуативной необходимостью и потребностью коммуникации.

В рамках этого исследования вопрос об актуализации ценностей в правовой сфере является одним из основополагающих и ключевых. Впрочем, можно констатировать, что актуализация является лишь одним из компонентов большего процесса, который

²⁸⁷ Дробницкий О. Г. Моральная философия. Избранные труды / О. Г. Дробницкий ; сост. Р. Г. Апресян. – М. : Гардарики, 2002. – 523 с. ; Lloyd D. Legal and Ideal Justice / D. Lloyd // Legal Essays. A Tribute to Fred Castberg. – Oslo, 1963. – P. 110–132 ; Throller A. The Law and Order. An Introduction to Thinking about the Nature of Law / A. Throller. – Leiden, 1969. – 220 p.

²⁸⁸ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А. В. Поляков. – СПб. : Издательский Дом Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 2004. – 864 с.

охватывает все разнообразие динамики аксиосферы права – филиации ценностей правовой сферы.

Классическая и неклассическая парадигмы юриспруденции произвели значительное количество теорий и гипотез относительно философской основы нормо- и правотворчества. Это и социологизм и психологизм, и нормативизм. Немало таких теорий существовало в рамках естественно-правовой доктрины, имели место попытки герменевтического, феноменологического, гуманистического объяснения причин и механизмов привнесения ценностей в нормативную составляющую права. Относительно последних можно заметить, что они хотя и являются концептуально полезными, но герменевтику и феноменологию можно рассматривать по отношению к аксиологии только в контексте методологического инструментария, поскольку самостоятельно, без ценностного онтологического базиса они не дают ответа на все вопросы, возникающие в ходе исследования взаимодействия естественного и позитивного права, аксиосферы и нормосферы.

Следует подчеркнуть, что *филиация ценностей в праве – это процесс взаимодействия нормосферы и аксиосферы права, выражающийся в наполнении нормативной составляющей права абсолютными и относительными ценностями*. С самого возникновения правовой аксиологии и сегодня дискуссионным остается вопрос о том, являются ли правовые ценности нормативными, то есть выступает ли необходимым компонентом их действия норматив. Следует заметить, что, исходя из выводов предыдущего раздела, норматив, ценность права и правовая ценность действуют на разных уровнях правосознания, однако это не исключает возможность норматива быть формой правовой ценности. Вопрос заключается в том, является ли эта форма единственно возможной.

Необходимость осмысления процессов филиации ценностей в праве диктует потребность в выделении и отдельном анализе филиации ценностей права и правовых ценностей. Это обусловлено не только тем, что они выражают различные аспекты ценностной наполненности права, но и тем, что правовые ценности являются безотносительными к целям, потребностям и интересам отде-

льных субъектов, в то время как ценности права формируются именно в контексте проявлений человеческой жизнедеятельности.

Показательно, что именно филиация ценностей права привлекла внимание представителей нормативизма в разрезе поиска выхода из сложной ситуации порочного круга, когда самооценność правовой нормы обосновывалась ее собственной нормативностью и действенностью. Признание в трудах Х. Кельзена и других нормативистов того, что ценности могут приноситься в право извне, является доказательством, что даже теория чистого правоведения не может не выйти на исследования первопричины, порождающей право. Впрочем, выдающийся нормативист сразу оградил себя от возможных обвинений в заигрывании с естественно-правовой теорией, заявив, что именно правовая норма конструирует специфическую ценность, тем самым становится ценностью права. При этом она не является ценностью морали, ибо последние порождаются и вводятся в действие моральными нормами. Ограничение сферы существования ценностей права характером их нормативности наводит на мысль о том, что они, в отличие от правовых ценностей, действительно являются относительными, поскольку в значительной степени зависят от нормативации, а потому являются производными от интересов, потребностей и желаний субъектов, выраженных в праве.

Нормативность становится характеристикой ценностей права в процессе аксиосферной (но не феноменологической!) редукции, то есть редукции ценностей к нормам. Суть этой редукции заключается в том, что человек стремится к структурированию регуляторов: ценность более действенна и защищена, если она выражена в норме.

Процесс редукции ценностей права – это в первую очередь явление их оформления в пределах нормативных текстов, когда в рамках правовой ситуации появляется возможность апелляции к нормосфере, что делает эффективной защиту субъектом своих интересов и желаний.

Однако нужно отметить, что позитивное право – нормативное выражение наиболее значимых установок естественного права, которое содержит много вненормативных регуляторов, заимствуя их

из всех социальных институтов: морали, религии, политики и т. д.²⁸⁹ Наличие такого привнесения извне является доказательством того, что заимствованные элементы ценны для права и общества и нуждаются в дополнительной защите с помощью более эффективных регуляторов, чем, например, общественное мнение. Иными словами, перетекание социальных установок и значимостей из всеобъемлющего мира ценностей в сферу права делает их ценностями права.

Это – первый этап филиации, то есть перетекания, привнесения, принятия общесоциальных ценностей в сфере права с целью их дополнительной защиты и охраны. Он выражается в превалировании правосознания, поскольку ценности, привнесенные извне в право, находятся во внеанормативном пространстве, они непозитивированы и действуют на уровне сознательных интенций человека и общества: желаний, эмоций, аксиом. Ощущение ценности связывается с оценкой, привнесением в восприятие того или иного явления собственного сознательного компонента значимости. Именно это становится первопричиной нормативного оформления ценностей.

В то же время необходимо подчеркнуть, что нормативация ценностей права имеет целью их декларацию, то есть произнесение их значимости в том или ином контексте. Так, само декларирование ценностей становится сегодня основной формой их признания, которое считается ключевым фактором их существования в правовом пространстве. Примером такого ценностного ориентирования путем признания стала Хартия прав и свобод Европейского Союза, структура которой прямо и непосредственно выражает те ценности, которые, по мнению авторов документа, являются ключевыми, знаковыми ценностями европейцев: достоинство, свобода, равенство, солидарность, гражданские права, справедливость²⁹⁰. Признание этих ценностей на уровне права Европейского

---

²⁸⁹ Мельничук О. С. Філософські основи осягнення аксіосфери права / О. С. Мельничук // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 50. – С. 95.

²⁹⁰ Charter of Fundamental Rights of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:303:0001:0016:EN:PDF>

Союза привело к тому, что это интегративное объединение осуществило их филиацию, а потому появилась возможность их защиты в судебных институтах Союза.

Действительно, само признание ценностей является тем необходимым элементом филиации, в рамках которого за теми или иными благами закрепляется статус принадлежности к правовой сфере. В аспекте признания право проявляет свое неравнодушие, причастность и полезность по отношению к ценностям, чем создает предпосылки для их дальнейшего развития. Признание ценности происходит в контексте правового дискурса, когда нечто значимое становится предметом обсуждения, то есть коммуникации, коммуникативного действия. Лишь в процессе коммуникативного дискурса могут формироваться ценности права. При этом характерны основания дискурса. Он возникает тогда, когда претензии на значимость проблематизируются, то есть не в полной мере признаются субъектами коммуникации и требуют дополнительного обоснования. Ю. Хабермас выделяет три вида дискурса как возможные варианты актуализации ценностей:

а) дискурс как способ коммуникативного действия (когда происходит непроблематизируемая актуализация ценностей в процессе повседневных практик);

б) коммуникативное действие, только по внешним формальным признакам представляющее как дискурс (все виды идеологического оправдания определенных действий, процессов и их ценностного обоснования);

в) нормальный дискурс, в котором собственно и происходит проблематизация претензий на значимость того или иного явления (научная дискуссия, общественные слушания при подготовке законопроекта и др.)²⁹¹.

Показательно, что именно в рамках нормального дискурса происходит оформление ценностей права, их проникновение в нормативную составляющую правовой материи. Возникновение новых правовых норм, изменение или отмена старых всегда связа-

²⁹¹ Габермас Ю. Комуникативна дія та дискурс – дві форми повсякденної комунікації / Ю. Габермас // Першоджерела комуникативної філософії. – К. : Либідь, 1996. – С. 90.

на с ценностными мотивациями, которые могут существовать как в форме общественной необходимости, так и в форме цивилизованного лобби. Именно последний аспект филиации ценностей права сегодня находится в центре внимания тех ученых, исследующих процессы нормотворчества, его стадий, причин, приемов, стратегий и техник²⁹².

Было бы ошибочно считать, что филиация ценностей права является одновекторным процессом. Движение ценностей через правовую сферу определяется также тем, что ценности могут терять свою значимость для права или для общества в целом. Закономерность таких процессов очевидна, поскольку ценности права напрямую зависят от потребностей, интересов и желаний участников правового дискурса, а потому не имеют абсолютной значимости, независимой от социокультурной ситуации в обществе. Когда такое происходит, наступает этап движения ценностей, который характеризуется дефилиационными процессами.

Дефилиация может происходить различными путями. Первым вариантом дефилиации ценностей права является их инфляция, потеря значимости из-за широкого распространения и вырождения в норму. Исходя из позиций современной философии, ценность – всегда редкость, и такая редкость может быть потеряна, поскольку ее общественная стоимость будет уменьшаться с приближением к воплощению ценности как идеи в жизнь²⁹³. Здесь следует подчеркнуть, что ценности права в силу своей относительной значимости имеют определенный эквивалент, то есть они могут сопоставляться между собой, их можно сравнивать, выявляя, какая из ценностей имеет большую значимость, какая – меньшую. Инфляция ценности происходит тогда, когда ее значимость приближается к низкому уровню иерархии, то есть когда ее перестают ценить как компонент жизненного пространства.

---

²⁹² Толстик В. А. Борьба за содержание права : моногр. / В. А. Толстик, Н. А. Трусов. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2008. – 202 с.

²⁹³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. Л. Любарской, Е. Марковской. – М. : Добросвет, 2000. – С. 10–11.

В экономическом смысле инфляция выступает как несоответствие между товарной и денежной массой, а также определяется несоответствием между разумным (рациональным) и неразумным (нерациональным) человеческим потреблением. При этом различают три вида экономической инфляции: инфляцию спроса, инфляцию расхода и структурную инфляцию²⁹⁴.

По мнению Ю. Н. Оборотова, инфляция существует также и в других сферах бытия человека. Духовная инфляция выступает в виде уменьшения потребностей в соблюдении нравственных принципов и религиозных канонов. Среди направлений инфляции исследователь выделяет также инфляцию права. В первую очередь инфляция права выражена в несоответствии количества правовых нормативов социальным потребностям человека и общества. Особенно заметна такая инфляция в сфере законотворчества, где количество законодательных актов начинает переходить все разумные пределы. Стремление к все большему числу законов не приводит к повышению их эффективности, а, наоборот, делает их в глазах населения все более униженными, утратившими ореол обязательности и значимости.

Инфляция права проявляется также в виде несоответствия положений и нормативов действующего законодательства нормам Конституции, вынесении государственно-властных решений, расходящихся с требованиями верховенства права и верховенства закона, невыполнении вынесенных судебных решений и т. п. В целом же инфляция в правовой сфере – доказательство неспособности существующей государственной власти соответствовать принципам и требованиям правового государства. Инфляция права приводит к подмене механизма действия права другими формами и средствами социального и асоциального регулирования²⁹⁵.

Впрочем, можно отметить, что инфляция права может иметь и другие причины. Нормативная составляющая права находится в

²⁹⁴ Соколин Б. М. Инфляция и власть / Б. М. Соколин. – СПб. : Бизнес-пресса, 2004. – 144 с.

²⁹⁵ Оборотов Ю. Н. Инфляция власти и права как индикаторы слабого государства / Ю. Н. Оборотов // Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія». – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. IX. – С. 89–97.

состоянии инфляции тогда, когда ее существование не оправдывается в аксиосфере, то есть когда нормы или расходятся с ценностями, или вообще им противоречат. В таком случае происходит ментальная инфляция как недостаток легитимности нормосферы. В то же время инфляция аксиосферы происходит в том случае, когда ценности права множатся в процессе своей нормативации. Это приводит к их измельчению, обесцениванию и симуляции.

Другой возможный путь дефляции ценностей права, распространенный и естественный путь, отражающий развитие права, – это вырождение ценностей, потеря их значимости из-за изменений в жизни общества, государства, трансформации правового бытия. Именно такой характер аксиологического развития права вызывает систематические изменения законодательства, проведения кодификационных работ, актуализирует имплементационные процессы²⁹⁶.

В процессе потери ценностями права своего значения происходит отрицание ценностей, замена их другими значимыми конструктами, более действенными в измерении новой правовой ситуации. Такое движение ценностей, от их зарождения, нормативации и вырождения, наводит на мысль о том, что они находятся в контексте диалектического развития права, отрицая друг друга в процессе развертывания идеального права²⁹⁷.

Проанализировав стадии и способы движения ценностей в рамках права, можно прийти к выводам, что ценности права формируются прежде всего как потребности человеческого существования или общественного развития, наиболее важные из которых нормативируются. Существует точка зрения, что правовые ценности в период своего функционирования остаются также ценностями права, поскольку находят отражение в правосознании общества, несут актуальные для данного этапа развития права идеи. С последующим эволюционированием общества правовые ценности могут терять свою естественно-правовую основу, диффузи-

---

²⁹⁶ Мельничук О. С. Аксиогерменевтический аспект правопорядка / О. С. Мельничук, К. В. Горобец // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 49. – С. 288.

²⁹⁷ Белый И. Л. Философская проблематика парадигмоформирования права : моногр. / И. Л. Белый. – Одесса : Феникс, 2010. – С. 112.

онировать, рассеиваться²⁹⁸. Очевидно, такое понимание соотношения ценностей права и правовых ценностей в процессе их филиации порождено в основном необходимостью сопоставления сферы права и сферы правосознания, что, безусловно, требует глубокого осмысления проблем выражения аксиом правосознания в позитивном праве.

В то же время перенасыщение позитивного права ценностями ведет к внутренней конкуренции права и правового порядка. Как отмечает А. Ф. Крыжановский, смысловое противопоставление правового порядка и права выступает доктринальной операцией, технология которой предполагает разграничение собственных субстанций каждого феномена и их сопоставления в рамках аксиологических параметров. Исследование соотношения правового порядка и права позволяет раскрыть дополнительный ценностный потенциал каждого из них: право получает свои воплощения в состоянии правовой упорядоченности общественной жизни, а правовой порядок, собственно, и образует тот правовой климат в обществе, образ которого в идеальном виде ассоциируется с правом. Сопоставление права и правового порядка позволяет выявить потенциалы права как явления не только из сферы должного, но и одновременно как феномена, продолжающего свое бытие в мире сущего²⁹⁹.

Можно согласиться с тем, что конкуренция права и правового порядка – это чисто методологический прием, призванный выявить их собственные, уникальные ценностные проявления. Вместе с тем такая конкуренция происходит и на уровне их субстанциональных, онтологических срезов. Правовой порядок как живое, движимое, конструктивное явление актуализирует ценности в пределах их реальной, а не формальной, необходимости, используя ценности в том объеме, в котором они не поддаются инфляции. Если нормосфера права может быть перенасыщена ценностями, то правовой по-

²⁹⁸ Мельничук О. Аксиологічні основи права / О. Мельничук, К. Горобець // Право України. – 2010. – № 4. – С. 220–224.

²⁹⁹ Крыжановский А. Ф. Право и правовой порядок : конкуренция ценностей / А. Ф. Крыжановский // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матер. міжнар. «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 106.

рядок *a priori* является сферой их актуального существования, поскольку в правовом порядке, в отличие от права, ценности существуют исключительно в состоянии реальной, «здесь-и-сейчас» актуальности, в то время как право предусматривает потенциальность ценностного наполнения нормосферы, поэтому ценности, содержащиеся в ней, могут находиться в неактуализированном, а потому – не востребовавшем состоянии. В таком аспекте вопрос о ценностной насыщенности правового порядка и позитивного права приобретает новые очертания, которые выводят на проблему собственной ценности правового порядка³⁰⁰. С таких позиций по-новому можно рассмотреть вопрос о должном как основной характеристике правовой сферы. В праве сочетаются как компоненты должного (и именно в них сосредоточена потенция правовой материи), так и компоненты сущего (правовой порядок).

Филиация правовых ценностей является более сложным и глубоким процессом, что соответствует природе этих компонентов аксиосферы права. Прежде всего, характерным для филиации правовых ценностей является то, что она отражает системные изменения правовой системы, ее комплексную трансформацию, определяет движение правовой жизни общества в целом. Важной в этом контексте является связь филиации правовых ценностей с аккультурацией, декультурацией, аппроксимационными и глобализационными процессами, ведь обычно именно эти факторы становятся определяющими, когда речь идет о развитии правовой системы.

Заметим, что система правовых ценностей во многом зависит не только от правовой культуры отдельного общества, но и от его правовой традиции, в рамках которой это общество развивается³⁰¹, его месторазвития³⁰², геополитических стратегий и пр. Так, после получения Украиной независимости правовая политика нашего госу-

---

³⁰⁰ Арабаджи Н. Б. Власна цінність правового порядку : методологічні аспекти / Н. Б. Арабаджи // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 136–140.

³⁰¹ Лобода Ю. П. Феномен права та традиція праворозуміння / Ю. П. Лобода // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 84–92.

³⁰² Оборотов Ю. Місцерозвиток в основі апологізації українського права / Ю. Оборотов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 142–150.

дарства начала ориентироваться на европейскую правовую традицию, ее правовые ценности, институты. Это, с одной стороны, привело к повышению эффективности правового регулирования, а с другой – в определенной мере стало причиной деформации аксиосферы права, для которой оказались нехарактерными некоторые системы правовых ценностей, которые мы пытались позаимствовать. Собственно, именно непродуманная филиация правовых ценностей вызывает декультурацию, потерю национальной правовой идентичности и, как результат, снижает легитимность правовой системы, является важнейшим фактором эффективности права.

Одним из аспектов филиации правовых ценностей является их коммуникативная природа, поэтому диалог цивилизаций является одной из форм филиации. Распространенным является утверждение о том, что не существует общечеловеческих правовых ценностей, которые эффективно действовали в любой правовой системе. Есть веские причины не согласиться с этим тезисом, поскольку в таком случае не было бы общеобязательных правил, функционирующих на уровне международного права, оказалось бы невозможным создать международные организации универсального характера, а сам диалог цивилизаций в правовом поле был бы не более чем декларацией.

Филиация правовых ценностей рассматривается как процесс коренной трансформации структуры права, изменение глубинных уровней его аксиосферы или формирования качественно нового права, аксиосфера и нормосфера которого находятся на стадии формирования. В частности, первичная филиация правовых ценностей в свое время была характерна для права Европейского Союза, в момент его превращения из чисто экономической организации в наднациональную правовую систему. Как показывает Л. А. Луць, во многих случаях правовая система Европейского Союза формировалась на основе правовых ценностей стран-членов, которые позже оформились и институционализировались на новом уровне³⁰³.

³⁰³ Луць Л.А. Європейські міждержавні правові системи та проблеми інтеграції з ними правової системи України (теоретичні аспекти) : моногр. / Л. А. Луць. – К. : Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2003. – 304 с.

Однако первичная филиация правовых ценностей в наше время может рассматриваться скорее как исключение, чем как правило, поскольку формирование правовых систем нового типа (в основном это интегративные правовые системы) происходит на основе тех правовых ценностей, которые уже прошли первичную филиацию. Поэтому более целесообразно будет рассмотреть процесс вторичной филиации правовых ценностей.

Вторичная филиация правовых ценностей – это процесс привнесения правовых ценностей из одной аксиосферы в другую, который сопровождается трансформацией содержания системы правовых ценностей в той аксиосфере, в которую они привносятся. Филиация правовых ценностей обязательным образом использует механизмы адаптации, прививания новых правовых ценностей в структуре права, имеющие целью обеспечить их успешное становление в рамках новой аксиосферы. Такая адаптация сопровождается нормативацией, мифологизацией и идеализацией привнесенных ценностей.

Следует, кстати, отметить, что мифологизация правовых ценностей является процессом, который всегда сопровождает филиацию и выступает ее внешним оформлением. По мнению С. В. Рязановой, социально-политическая и правовая мифология является средством конструирования доминирующими агентами некоторой особой целостности. Отсюда основная цель мифов (как политических, так и правовых) – генерирование непротиворечивой совокупности взглядов и мнений по поводу мифологизированного явления³⁰⁴.

Значение правовых мифов как особого состояния правовых ценностей подчеркивает Ю. В. Тищенко. В частности, она утверждает, что правовой миф направлен на создание совершенной правовой действительности и, реализуясь благодаря своей жизненной силе, энергии, лежащей за пределами человеческого подсознания, способен вносить упорядоченность, стабильность в правовую реальность. Правовой миф может выступать в роли опоры, неруши-

---

³⁰⁴ Рязанова С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин / С. В. Рязанова // *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 1. – С. 86–96.

мой основы общественного спокойствия и порядка, уверенности граждан в своей защищенности, поскольку содержит в себе ориентир человеческого поведения, осмысления себя и своих поступков в контексте бытия. Он способен объяснить человеку его место в мире, эффективно привязать его к какой-либо значимой для него социальной общности, подсказать, что делать дальше. Правовой миф кодифицирует мнения, укрепляет мораль, предлагает определенные правила поведения, санкционирует обряды, рационализирует и оправдывает социальные установления. Правовой миф имеет целью создание идеальной модели, образа правовой действительности, который бы совпадал с ценностными ожиданиями носителей правового мифосознания. Это и есть одно из свойств правового мифа, раскрывающее его возможности. Поэтому можно говорить о том, что правовой миф является предпосылкой правопорядка, создает основы последнего³⁰⁵.

В этом контексте важно обратить внимание на то, что филиация правовых ценностей – это всегда вторжение в сферу сложившейся, стабильной, выверенной веками или даже тысячелетиями целостности, поэтому сегодня все чаще звучат мнения о том, что привнесение тех или иных европейских правовых ценностей в правовые системы и культуры, которые развивались принципиально иным путем, разрушает идентичность последних, искажает их оригинальную аксиосферу, что приводит к потере правом своей легитимности, устойчивости и эффективности.

Следует, впрочем, отметить, что не всегда филиация правовых ценностей имеет характер культурной экспансии, поскольку такое утверждение является, по меньшей мере, преувеличением. Правовые ценности, рассматриваемые в междивизиционном контексте, предстают как основные сущностные аспекты бытия правовых систем, образующих их смысловое наполнение. Поэтому филиация правовых ценностей заключается, во-первых, в том, что в рамках одного права происходит признание иного права, признание возможности одной правовой системы быть непохожей на другую,

³⁰⁵ Тищенко Ю. В. Роль мифа в формировании аксиосферы права / Ю. В. Тищенко // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 84.

во-вторых, филиация правовых ценностей заключается в констатации того, что в рамках конкретной правовой культуры они имеют всеобщий характер для правовой жизни, отдельных субъектов и права в целом, в-третьих, правовые ценности должны признаваться как существующие в символической форме действия, тексты, мысли и вещи, а интерпретация семантических значений такой символики является процессом, часто недоступным с позиций иной правовой культуры.

Следует констатировать, что филиация правовых ценностей – это необходимый этап и средство межцивилизационного диалога, когда с позиций одной правовой системы другая правовая система оценивается не только с формально-содержательных точек зрения, но и с точки зрения ее значимости, полезности, утилитарности для субъектов, находящихся в сфере действия этой правовой системы. Чтобы понять действие правовой системы, необходимо принять правила ее инструментальной оценки, установление критериев этой оценки и уже на этой основе определять эффективность права³⁰⁶.

Филиация правовых ценностей тесно связана с явлением апологии права, как образование тех идеологических, ценностных, мифологических, религиозных, моральных основ функционирования права, которые в наибольшей степени соответствуют правовой культуре и цивилизационной идентичности социальной общности, в рамках которой это право действует (Ю.Н. Оборотов). В определенном смысле филиация правовых ценностей и апологизация права являются своего рода тезисом и антитезисом, поскольку апологизация права направлена на защиту глубинных основ аксиосферы права от трансформаций и изменений, негативно относится к привнесениям извне. В контексте апологизации любое право мыслится как уникальная своеобразная целостность, порожденная социальной общностью, а потому она столь же гомогенна, как и культура этого сообщества. В то же время, какой бы консервативной ни была апологизация права, она не может в полной мере оградить правовую систему от филиации правовых ценностей.

---

³⁰⁶ Орзих М. Ф. Личность и право / М. Ф. Орзих. – Одесса : Юрид. лит., 2005. – С. 84.

Действительно, процессы универсализации права ярко свидетельствуют, что даже самые консервативные правовые системы вынуждены считаться с требованиями и правилами межкультурного диалога, поскольку в противном случае они просто будут отодвинуты на последние ступени развития мирового сообщества. Вместе с тем обдуманная и взвешенная филиация правовых ценностей приносит в правовую систему наиболее весомые и современные достижения правового развития, что, в свою очередь, способствует и межкультурному диалогу, и становлению отдельных правовых систем. Следует отметить, что филиация правовых ценностей как предмет межкультурного диалога всегда предполагает поиск универсального и единичного в основе права той или иной социальной общности, именно поэтому важно осознавать перспективность использования филиации при решении вопросов правового развития в самом широком контексте. Это позволяет не только раскрыть ценностные характеристики глобальной правовой реальности и межкультурных правовых коммуникаций, но и показать, в какой среде могут существовать конкретные правовые ценности, а в какой – нет, где возможна филиация, а где ее лучше не использовать.

Филиация правовых ценностей и ценностей права всегда обладает пространственными и временными измерениями, поскольку не происходит как интериоризация опыта общения правовых культур, а мыслится в конкретном практическом контексте. Действительно, из всех аксиологических концепций, которые сегодня существуют в юриспруденции, именно филиация ценностей правовой сферы имеет наибольшие перспективы стать практической и прикладной аксиологией. Ее осуществление и сопровождение является основополагающей задачей правовой политики, практики законодательства и целью всех реформ, которые осуществляются в правовой системе конкретного общества.

Таким образом, правовые ценности могут действовать как прямо, так и косвенно. В первом случае они отрываются от нормативной составляющей права и получают определенную самостоятельность, воспринимаются как вненормативные ориентиры человеческого поведения. Можно утверждать, что правовые ценности в

таким измерении являются пассивными, активными они же становятся, когда происходит их актуализация в виде процесса институционализации³⁰⁷.

Процессы институционализации, обычно рассматриваемые в контексте специфической стадии формализации социальных отношений, перехода от их неформального бытия в разрезе неорганизованных практик к созданию организационных структур с четкой иерархией, регламентацией, легализацией³⁰⁸, образуют целостное пространство становления и оформления правовых ценностей. Институционализация в этой связи может пониматься как обретение формы, опредмечивание, воплощение в жизнь.

В то же время институционализация часто трактуется как средство некоторой типизации, обобщения, причем типизации не только действий, но и пространства их осуществления, когда институт понимается как пространство, в котором акторы типа X совершают действия типа Y ³⁰⁹. На практике это означает, что существование института необходимо предполагает создание четких моделей поведения для определенных категорий лиц. Именно в этом срезе институционализация образует специфическую нормативность, существующей как возможность действия. Институционализация, осознанная как становление, является историческим процессом зарождения новых социальных институтов, а также процессом функционирования уже созданных институтов в рамках социальной системы в связи с процессом адаптации индивидов и коллективов к их нормативным требованиям, в ходе которой формируются социально-психологические механизмы обеспечения стабильности и устойчивости общественной организации³¹⁰.

---

³⁰⁷ Ручка А. А. Социальные ценности и нормы (некоторые теоретические и прикладные вопросы социологического анализа). – С. 108.

³⁰⁸ Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Научно-ред. совет : предс. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. II. – С. 124.

³⁰⁹ Ковбасюк С. В. Сучасна інтерпретація поняття «інституціоналізація» / С. В. Ковбасюк // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 50. – С. 177.

³¹⁰ Рыбаков А. В. Общественные эффекты институционализации политико-властных отношений / А. В. Рыбаков // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 2. – С. 150.

Следует отметить, что вопрос институционализации правовых ценностей неразрывно связано с проблематикой функционирования правовой системы в целом, поскольку именно в рамках этого процесса происходит структуризация поля их значений, моделей и смыслов, а потому институционализированные правовые ценности являются определенным уровнем общественного сознания, который транслирует свой содержание на уровень индивидуального сознания. Усвоение и принятие индивидуальным сознанием правовых ценностей создает основу для преобразования институционализированных правовых ценностей как внешней меры во внутренний мотив активности правовых субъектов. В силу этого проблема институционализации правовых ценностей превращается в проблему принятия правовых ценностей как необходимости, то есть как нормы. Однако это лишь одна сторона проблемы. С другой стороны, институционализация правовых ценностей – это их конкретное воплощение в правовой реальности в виде правовых институтов и норм.

Следует отметить, что, действуя на нормативном уровне, правовые ценности выступают непосредственными регуляторами поведения субъектов. Как отмечает А. А. Ручка, если ценность воспринимается как институционализованная, то нормы, в которой она выражается, выступают как ценности-средства достижения ценности-цели³¹¹. При этом важно подчеркнуть, что присутствие у субъекта ценностной ориентации играет важную роль в понимании конкретной правовой ценности, ведь при отсутствии такой ориентации институционализованная ценность понимается как норма, а не как ценность. Возможно, именно поэтому популярны выводы о том, что правовые ценности как таковые могут существовать исключительно как нормы. Между тем восприятие правовых ценностей как норм не означает их отождествления нормам. Проблема заключается в том, чтобы правовые ценности воплотились в нормах, проявили себя на уровне нормативной составляющей права, тем самым оправдав ее конкретное бытие в тот или иной исторический период.

---

³¹¹ Ручка А. А. Указ. соч. – С. 109.

Институционализация правовых ценностей – далеко не очевидный процесс, ведь он может проходить веками, иметь свои особенности в рамках каждой конкретной правовой культуры. Следует подчеркнуть, что в рамках украинской правовой реальности институционализация правовых ценностей часто происходит медленно и неуверенно, что подчеркивается целым рядом фактов.

Можно утверждать, вслед за Дж. Роулзом, что вся социальная система призвана обеспечивать социальную справедливость в той или иной ее форме, а потому весь сложный комплекс институтов гражданского общества и государства является ничем иным как институционализацией конкретной модели социальной справедливости³¹². Действительно, если принять точку зрения о центральном месте справедливости в системе правовых ценностей, то ее институционализация – это процесс развертывания содержания и идеи права, в то время как институционализация всех правовых ценностей выражает создание правового пространства, в котором люди, социальные сообщества и государства действуют в контексте единой ценностно-нормативной структуры.

Уровень институционализации правовых ценностей может быть индикатором степени развития правовой системы, когда она мыслится не как тождественный праву феномен, а как социальная структура, в которой ценности нормативным образом привносятся в общество.

Таким образом, правовые системы существуют не только в виде основополагающих правовых идей, готовых формул поведения, но и в институтах и компонентах правовой системы. Показательно, что именно институциональное существование правовых ценностей образует специфическое правовое пространство, составляющие которого существуют как функциональные элементы права.

Так, если институционализация справедливости как центральной правовой ценности является процессом организации всего права, то остальные правовые ценности, центрированные вокруг справедливости, институционализируясь, выражают себя как нормативные системы.

---

³¹² Ролз Дж. Теория справедливости. – С. 11–12.

Институционализация таких правовых ценностей как суд и правосудие является процессом образования нормативного института системы судов, процедуры их деятельности, а в самом широком смысле – оформления всей судебной власти в определенной правовой системе. На примере институционализации этой правовой ценности ярко видно, что единство идеи суда и правосудия напрямую коррелируется с многообразием ее интерпретаций, когда в рамках семьи общего права суд является центральным звеном всей правовой системы, а справедливость как правовая ценность может существовать исключительно в контексте судейского усмотрения, конкретной ситуации, с использованием практики; в то время как в континентальной правовой традиции суд является одним из компонентов, обеспечивающих целостность правовой и государственной сферы. Более того, становление правосудия в доктрине превалирования законодательного права с ориентацией на принципиальную унификацию правового воздействия затруднен. В этой связи происходит постепенное возвышение судебной власти в системе современного государства.

Так, институционализация правовой ценности суда и правосудия в рамках украинской правовой системы в свете постоянных упреков относительно неэффективного функционирования судебной системы, коррумпированности судей, отсутствия действенного механизма привлечения судей к дисциплинарной и уголовной ответственности за неправосудные решения не может рассматриваться как эффективная и успешная. Уровень доверия к судебной системе в Украине является чрезвычайно низким, а эффективность реформ, направленных на совершенствование судебной системы оставляет желать лучшего. Показательно, что в Законе Украины «О судостроительстве и статусе судей» вообще не упоминается понятие правосудия³¹³.

Следует подчеркнуть, что правовая ценность правосудия является не просто одной из самых важных для современного правового развития, но и ключевым инструментом обеспечения эффектив-

³¹³ Про судостроїть та статус суддів : Закон України від 7 липня 2010 р. № 2453-VI у редакції від 1 грудня 2012 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 41–42, 43, 44–45. – Ст. 529.

ности права в условиях, когда законодательство оказывается слишком инертным и негибким средством правового воздействия. Именно в правосудии находит свое выражение живое, действенное право, в нем происходит интеграция права и правосознания, правовых нормативов и правовых эмоций, рационального и иррационального мышления при вынесении решений по делу³¹⁴. С этих позиций можно утверждать, что правосудие должно быть ключевым звеном в механизме действия права, а его институционализация является обязательным условием обеспечения целостности аксиосферы и нормосферы права на всех уровнях его бытия.

Однако наиболее существенное значение имеет проблема институционализации правовой ценности конституции. На уровне институциональных процессов происходит восхождение от идей к принципам и нормам права, организованных в нормосфере. Координация такого широкопланового явления происходит благодаря легализации нормообразования. Такая легализация обычно существует в форме основного закона, или конституции, причем институционализация этой правовой ценности также имеет свои особенности, поскольку разворачивается в целую систему, которую называют конституционализмом. Как отмечает А. Р. Крусян, аксиологическое измерение украинского конституционализма раскрывается через анализ ценностей конституционализма, которые по своему содержанию относятся к конституционным ценностям, составляющим предмет конституционной аксиологии³¹⁵. Более того, конституционная аксиология в правовой науке рассматривается как «форма непосредственного отношения к модели и практике реального конституционализма»³¹⁶.

В современной конституционно-правовой науке нет унифицированного подхода к определению природы (сущности) и соответствующего понятия конституционных ценностей. Для выясне-

---

³¹⁴ Бігун В. С. Філософія правосуддя : ідея та здійснення : моногр. / В. С. Бігун. – К. : [б. в.], 2011. – С. 112.

³¹⁵ Крусян А. Р. Аксиологічний вимір сучасного українського конституціоналізму / А. Р. Крусян // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 215–220.

³¹⁶ Крусс В. Конституціоналізм і філософія права : к постановке проблемы / В. Крусс // Право и жизнь. – 1998. – № 15. – С. 5.

ния этих вопросов требуется обращение к концепции современного украинского конституционализма. Именно философия современного конституционализма является методологическим инструментарием раскрытия сущности конституционных ценностей как гуманистических, демократически-правовых, универсальных ориентиров, имеющих формализованное отражение в конституции государства, выраженных в конституционно-оценочной, интерпретационной и контрольной деятельности органов конституционной юстиции и изначально влияющих на конституционное законодательство, конституционное правосознание, конституционный правопорядок и публично-властную практику (А.Р. Крусян).

Ценности современного украинского конституционализма составляют определенную систему, в которую входят ценности, определяющие: направленность (цель) конституционализма и содержание его принципов (человек, конституционно-правовая свобода, верховенство права, конституционности, демократия), то есть это ценности основополагающего характера; нормативную основу конституционализма (конституция как ценность, интегративное правопонимание на основе учений естественно-правовой, легистской, либертарно-юридической аксиологии) институционально-функциональную основу конституционализма (публичная власть, в частности проблема ценности государственной и публично-самоуправляющейся власти, народный суверенитет). Эти ценности составляют иерархическую систему, основой которой является основополагающие ценности, определяющие цель конституционализма. Поэтому особое композиционное значения в системе ценностей конституционализма приобретает человек и его конституционно-правовая свобода как основные ценности современного украинского конституционализма³¹⁷.

В то же время, несмотря на активное развитие конституционализма как научной модели постижения конституционного порядка, институционализация такой правовой ценности, как Конституция, в Украине неопределенная и противоречива. Многочисленные дискуссии вокруг правовой природы этого документа, постоянные попытки изменения, переписывания, усо-

³¹⁷ Крусян А. Р. Указ. соч. – С. 219–220.

вершенствования Основного закона свидетельствуют о пренебрежительном отношении к Конституции Украины как к центру функционирования политической системы украинского общества, организации публичной власти и гражданского общества, порождает негативное антиконституционное состояние общества, вызывает глубокий кризис конституционализма. Вспоминая очерченную выше позицию относительно того, что ценность – это всегда нечто устойчивое, стабильное, минимально подчиненное изменениям, то можно сказать, что Конституция Украины теряет свою реальную ценность каждый раз, когда поднимается вопрос о ее несовершенстве.

Здесь важно обратиться к роли науки конституционного права, позиция представителей которой в этом контексте выглядит очень сомнительной. В Украине складывается парадоксальная ситуация, когда каждый шаг Президента Украины, правительства или Верховной Рады в сторону изменения конституционных основ функционирования государства рассматривается как «очередной этап конституционной реформы». При этом не учитывается ни целесообразность таких изменений, ни возможные последствия подрыва конституционных основ украинской государственности.

Специфика существования институционализированных правовых ценностей выражается также в том, что, по мнению представителей концепции институциональной теории права, право должно исследоваться в первую очередь с позиций реальных, а не смоделированных норм социальной деятельности³¹⁸. Согласно теории институционализма, институты могут возникать и эволюционировать стихийно, когда складываются и изменяются «неформальные» правила (которые не навязываются социальным акторам, а основаны на консенсусе участников взаимодействия), а также в результате целенаправленной законодательной политики, моделирующей новые правила, которые не противоречат, однако, основам существующей социокультуры. При этом если заимствованные из-за границы модели не соответствуют обычаям и традициям данно-

---

³¹⁸ Четвернин В. А. Институциональная теория права / В. А. Четвернин, А. В. Яковлев. – М. : ГУ ВШЭ ; Лаборатория теоретических исследований права и государства, 2009. – С. 7–8.

го общества, то заимствование не будет иметь успеха, то есть здесь этого института не будет, поскольку его становлению будут препятствовать существующие «неформальные» правила³¹⁹.

Такое понимание правового института в исследованиях В. А. Четвернина и его институциональной теории права, наводит на мысль о том, что правовые институты являются преимущественно ценностными, а не нормативными конструкциями, поскольку нормативными являются также и те образования, которые не имеют под собой ценностных оснований. И действительно, можно утверждать, что институционализация правовых ценностей – это процесс, протекающий не столько в рамках нормативации, сколько в контексте идеологического оправдания правового развития.

Таким образом, проблематика институционализации правовых ценностей, то есть наполнения их нормативным материалом, включение в действие нормативной составляющей правовой системы является перспективной в контексте дальнейших исследований. Институционализация правовых ценностей конкретного общества – это основа для эффективного функционирования правовой системы и всего права в единстве его функциональных и институциональных характеристик.

3.3. Аксиосфера в действии права и развитии правовой системы

Современные научные концепции правового регулирования, его специфики и отличия от других типов социального регулирования находятся на стадии пересмотра традиционных представлений об исключительно нормативной его природе. Действительно, если исходить из постулата о том, что в праве, кроме нормативных, есть и другие компоненты, то необходимо понять, каким образом они выражают себя в регулятивной плоскости.

Для решения этой проблемы правовое регулирование связывают с такими явлениями, как правовое воздействие и действие права, рассматриваемые как более широкие по объему понятия.

³¹⁹ Четвернин В. А. Указ. соч. – С. 9.

Действие права, по мнению В. В. Лазарева, сочетает в себе информационное, ценностно-мотивирующее и негосударственное регулятивные воздействия на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц³²⁰. В то же время действие права должно рассматриваться как явление, включающее в себя правовое воздействие и правовое регулирование.

Дискуссия вокруг соотношения понятий «правовое регулирование», «правовое воздействие» и «действие права» ведется вокруг тезиса о том, является ли право по своей сущности только регулятивной системой или имеет и другие цели, определенные гораздо более широким спектром социальных основ его существования. Действительно, сложно спорить с тем, что правовое регулирование, которое обычно отождествляется со всей системой действия права³²¹, играет чрезвычайно важную роль в функционировании общества. С другой стороны, следует согласиться, что в праве находит свое выражение традиция развития той социальной общности, в рамках которой оно существует, и именно поэтому право несет в себе наиболее значимые правовые ценности и глубокие, знаковые правовые антиценности, которые, по большому счету, не являются регуляторами поведения.

Современное понимание содержания и системы механизма действия права оставляет за пределами поля зрения ценностные аспекты правового воздействия. Так, В. А. Ленчик считает, что механизм действия права – это взятая в единстве совокупность факторов, влияющих на создание норм права и их реализацию в деятельности (поведении) субъектов права, которая обеспечивает законность и правопорядок в обществе³²². Альтернативная точка зрения состоит в том, что механизм действия права включает следующие составные части: социально-юридические средства; социальный субъект, функционирующий в сфере действия права;

---

³²⁰ Лазарев В. В. Теория государства и права : учеб. / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2011. – С. 231.

³²¹ Халфина Р. О. Право как средство социального управления : моногр. / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988. – 254 с.

³²² Ленчик В. А. Механизм действия права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История правовых учений / В. А. Ленчик. – М., 2002. – С. 9.

социально-правовые условия (социально-правовая среда)³²³. Такой подход к пониманию механизма действия права в отличие от распространенного в специальной литературе мнения по этому вопросу не сводит его (механизм) исключительно к социально-правовым средствам, интегрирует все возможные его аспекты, отражающие процессы формирования и проявления правовой активности, – социальный, психологический и юридический.

С учетом специфики содержания и формы механизма действия права, следует обратить внимание на то, что в основе его социального среза лежит правовое регулирование и правовое воздействие. В то же время сегодня все чаще звучат мнения о том, что правовое регулирование следует рассматривать как единство нормативного и вненормативного, когда в сферу ненормативного правового регулирования включаются ценности, информация и директивы. По мнению Ю. Н. Оборотова, ценностное правовое регулирование осуществляется с использованием ценностей, которые сложились и защищаются в обществе; в директивном правовом регулировании используется прямое указание, приказ, директива, связанная с достижением определенной цели и решением правовой ситуации, а информационное правовое регулирования использует правовую информированность, обеспечиваемую СМИ, и проявляется при решении конкретных правовых конфликтов. При этом ненормативные регуляторы часто дополняют действие нормативных³²⁴.

Традиционно проводят различие между действием права в виде правового воздействия и в виде правового регулирования. Правовое воздействие рассматривается как ценностно-ориентационное воздействие права на сознание и поведение людей, которое играет социализирующую роль и связывается с формированием ценностей, принципов, форм поведения, жизненных позиций, отвечающих определенной культурной целостности. Правовое воздействие часто квалифицируют как неюридическое воздействие

³²³ Гойман В. И. Действие права (методологический анализ) : моногр. / В. И. Гойман. – М. : Академия МВД РФ, 1992. – С. 120–121.

³²⁴ Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс). – С. 20.

права на общественную жизнь, и оно связывается с выполнением правом его общесоциальных функций³²⁵.

В то же время, ввиду того, что ценности в правовой сфере не являются регулятивами, потому что не устанавливают никаких правил поведения (а термин «регулирование» происходит от латинского *regula* – правило), их следует относить к сфере правового воздействия. Правовое воздействие является более широким, чем правовое регулирование, понятием, поскольку в нем происходят постоянные изменения и трансформации, связанные с переходом от нормативного права к эмпирическому праву, где нормативное растворяется в конкретных правовых ситуациях и правовом поведении. Поэтому правовые ценности не являются нормативными, поскольку они не устанавливают границ дозволенного, но актуализируются в момент, когда эти границы нарушаются вследствие индивидуального акта действия, направленного на достижение глубоко индивидуализированной цели или как результат лишения, потери.

Воздействуя на личность, ценности в значительной степени предопределяют ее ценностные ориентации и реальное поведение. Ценностная ориентация возникает раньше, чем внешнее ее проявление в виде поведения, при этом она существует как склонность к той или иной правовой активности. Специфическим проявлением ценностного правового воздействия является то, что оно может носить латентный, бессознательный характер, вызывать поведение субъекта не прямо, а на уровне его внутренней нравственности, правовой и социальной зрелости³²⁶.

Правовые ценности, формируя ценностные ориентации, создают такие специфические особенности интеграции человеческого поведения: во-первых, ценностная ориентация характеризует направленность и содержание правовой активности личности, и,

---

³²⁵ Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции) / Ф. М. Раянов. – М. : Право и государство, 2003. – С. 210.

³²⁶ Вичев В. Поведение и ценностная ориентация личности / В. Вичев. – София : Мысль, 1972. – С. 138.

во-вторых, она рассматривается как детерминанта ее правового поведения³²⁷.

Правовое поведение, таким образом, является непосредственным объектом воздействия правовой ценности. Следует отметить, что если специфика воздействия правовой нормы на субъекта определяет его поведение в сфере правового пространства, являясь второстепенным детерминантом, то правовые ценности выступают первостепенными детерминантами, ведь именно они определяют принадлежность субъекта к той или иной социальной общности. Правовые ценности выступают интегрирующей основой правовой сферы, с их помощью происходит правовая социализация, то есть осознание субъектом своего вхождения в правовое пространство. Э. Дюркгейм считал, что именно ценности являются теми феноменами, которые создают общее пространство для функционирования общественного сознания³²⁸.

Именно в этом контексте правовые ценности существуют для общества и индивида в виде «готовых формул», ориентирующие его в социальной жизни, влияя на выбор варианта поведения в сфере действия права³²⁹.

По мнению С. И. Файнбурга, ценностная ориентация не возникает у субъекта сразу, а формируется постепенно в течение всего процесса его социализации. В ходе социализации формируется определенный инвариантный ценностный базис, определяющий поведение субъекта, то, что можно назвать базовой ценностной ориентацией³³⁰. Таким образом, формирование базовой ценностной ориентации является ничем иным как формированием и становлением социального субъекта определенного типа. Это могут быть как определенные образы субъекта, например, «европеец», «украинец», «азиат» и т. п., так и вполне конкретные социально-право-

³²⁷ Социалистическое право и личность. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1984. – С. 39.

³²⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюды об организации высших обществ / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900. – С. 63.

³²⁹ Оборотов Ю. Н. Ценностно-нормативное регулирование в украинском праве / Ю. Н. Оборотов // Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць. – Одеса : Фенікс, 2007. – Вип. 31. – С. 19–28.

³³⁰ Личность и ее ценностные ориентации / под ред. З. И. Файнбурга. – М. : Мысль, 1969. – С. 32.

вые роли, которые играет субъект в правовом пространстве: «гражданин», «судья» и др.

Важно подчеркнуть, что правовые ценности не только закладывают основу для базисной ценностной ориентации субъекта, они одновременно формируют у него образ права как справедливого или несправедливого, действенного или недейственного, стабильного или нестабильного. С помощью правовых ценностей происходит актуализация права в сознании каждого отдельного индивида. А. И. Овчинников связывает эту проблему с вопросом о создании образа «желаемого» права как определенного идеального отображения того действия права в конкретной ситуации, на которую рассчитывает субъект. Желательное право выступает одновременно и результатом процесса правового мышления, и его предпосылкой³³¹.

Образ желаемого права всегда имеет выход на те ценностные ориентации личности, которые были сформированы в его сознании в результате правовой социализации. Осознание своей принадлежности к определенной социальной общности становится основой для видения именно того права, которое необходимо в актуальной ситуации. При таких условиях, возможно, даже не зная правовых норм, субъект на основе восприятия правовых ценностей выражает свое интуитивное отношение к ситуации, делает предположение о том, как право должно действовать.

Субъект, сталкиваясь с определенной правовой ситуацией, воспринимает ценностную ориентацию как «рабочую концепцию», которая организует и направляет его восприятия на наиболее значимые интересы и ценности права. В этом смысле о ценностных ориентациях можно говорить как частично нормативных, поскольку в определенном обществе они могут быть общими для значительного круга субъектов. Однако это не всегда так, поскольку процесс правовой социализации не всегда завершается восприятием и принятием правовых ценностей, он может завершаться принятием основных правовых антиценностей и выражаться в девиантных ценностных ориентациях.

---

³³¹ Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ. – С. 161–163.

Важным аспектом влияния правовых ценностей является тот факт, что в процессе социального взаимодействия субъект не выбирает те или иные ценности как ориентиры для поведения, а лишь отдает предпочтение той или иной ценности. Такая ситуация связывается с тем, что все правовые ценности, усваиваемые субъектом в ходе правовой социализации, ровно воспринимаются им и образуют определенную иерархию. Вместе с тем следует обратить внимание, что в каждой конкретной правовой ситуации на первый план может выступить и правовая ценность, не находящаяся на высшем уровне этой иерархии.

Таким образом, правовые ценности находятся в тесной связи не только с правовой социализацией, но и с правовым освоением. Под правовым освоением следует понимать совокупность приемов и средств, с помощью которых осуществляется познание бытия правовой материи субъектом. Правовое освоение объединяет абстрактное и формальное право и его реальные проявления в виде конкретного отражения в правовом пространстве. В процессе освоения происходит движение от абстрактного права к конкретным элементам правовой реальности³³². Смысл проблемы заключается в том, что правовые ценности рассматриваются в современной науке на уровне должного, но не на уровне сущего. Право понимается как феномен, определенный человеческим смыслом, типом человека. Способы правового усвоения действительности характеризуют реальное бытие правовой материи. Они непосредственно фиксируют абстрактное право, выделяют его из теории права и переводят в плоскость правовой материи, определяя его конкретное место как носителя бытия права.

Правовые ценности, таким образом, выступают как кристаллизаторы идеи права, и с помощью субъекта реализуются в конкретных правовых ситуациях путем детерминации его поведения и понимания правовой реальности. Они выступают архетипными рамками поведения, определяют степень принадлежности поведения правовой сфере.

---

³³² Дражина И. В. Правовое освоение действительности в системе юридических категорий / И. В. Дражина, Е. В. Пономаренко. – Тюмень : ВШ МВД РФ, 1995. – С. 52–57.

Важно отметить, что правовые ценности, сформированные в том или ином обществе, не всегда предусматривают социализацию субъекта как необходимый этап их восприятия. Теория социализации, развернутая в рамках классической социологии (особенно в трудах Т. Парсонса), в последние десятилетия подвергается значительной критике, поскольку в ней фактически нет места для автономии воли, а ценности навязываются субъекту, который, таким образом, оказывается в ситуации, когда у него нет выбора: он должен принять ценности или подвергнуться социальному ostracismу. Теория социализации, очевидно, не соответствует тому состоянию общественного развития, который направлен на централизацию индивида, его интересов и прав, установок и приоритетов.

Необходимо подчеркнуть, что специфика ценностей правовой сферы заключается в том, что они, в отличие от норм права, не являются безусловными прямыми детерминантами правового поведения. В этом контексте показательны утверждение, что ценности правовой сферы выступают прежде всего как ценности правосознания³³³. Похожей позиции придерживается также О. В. Гришук, когда утверждает, что правовые ценности (в частности – человеческое достоинство) воплощаются, прежде всего, в аксиомах правосознания³³⁴. Действительно, с таким тезисом можно согласиться, но лишь отчасти, поскольку сведение проблемы существования ценностей в праве лишь к правосознанию исключает ценностный характер права, которое имеет не только сознательное, но и онтологическое ценностное обоснование.

Как отмечает В. П. Малахов, ценности в праве могут выполнять только задачи указания на абсолютные запреты, безусловные ограничения, а потому они приобретают негативный характер. Ученый объясняет такую ситуацию тем, что правосознание является по своей природе сферой негативного (в кантовском смысле этого слова), а потому и правовые ценности существуют в негативном опосредовании: правильным является не утверждение «ценна справедливость», а утверждение «антиценной является отсутствие справедливости». Таким образом, не будучи нормативными, пра-

---

³³³ Крестовська Н. М. Близь та злидні правової аксіології. – С. 53.

³³⁴ Гришук О. В. Людська гідність у праві : філософські проблеми. – С. 98.

новые ценности устанавливают границы между положительным и отрицательным в правовой жизни³³⁵.

В то же время при такой позиции раскрывается лишь одна сторона ценения в праве, поскольку правовые ценности никак не могут сводиться к негативации поведения, выраженной в непереступании границы, поддержании правового порядка. Правовые ценности непосредственным образом выражают положительную наполненность правовой материи, то, что классик юриспруденции С. С. Алексеев называл «тайной» права, скрытой в гуманистической заряженности правовой материи. За конкретными догматическими юридическими конструкциями находится «второй план», выражающий правовые идеи³³⁶.

Правовые ценности выражают фундаментальную онтологическую структуру правового бытия, в которой могут существовать правовые идеи, материализованные ценности-цели, ценности существования (или экзистенциальные ценности), а потому актуализация негативности ценностей происходит не всегда и не в любой форме. Думается, что негативация характерна для ценностей экзистенциального уровня, то есть ценностей, организующих непосредственное жизненное пространство каждого отдельного человека, на но все правовое пространство в целом.

Влияние правовых ценностей на правовую жизнь, таким образом, выражает себя, во-первых, в существовании вненормативных конструкций, которые актуализируются в рамках правового пространства и реализуют идейный уровень действия права, во-вторых, в негативной функции правосознания, когда правовые ценности существуют в пределах оценочной и рефлектирующей деятельности, вызывая тем самым поведение субъекта в правовой сфере, в-третьих, правовые ценности выражаются не столько как средства социализации, сколько как мотиваторы поведения, детерминанты целеполагания. В этом контексте важно подчеркнуть, что эмоциональная составляющая восприятия права тоже находится в плоскости механизма воздействия правовых ценностей. Сомне-

³³⁵ Малахов В. Міф про правові цінності / В. Малахов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 185.

³³⁶ Алексеев С. С. Избранное / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2003. – С. 224.

ния, неуверенность или, наоборот, слепая вера, страх также являются проявлениями ценностного отношения человека к действительности на дологическом уровне³³⁷.

Важно заметить, что признание ценностного правового воздействия позволяет говорить о праве как о ценностно-нормативной системе, в которой гармонично взаимодействуют аксиосфера и нормосфера. Именно такой подход позволяет выявить глубинные структуры, не только обуславливающие действие права, но и обеспечивающие легитимацию правовой системы общества.

Специфичность бытия права, отличающая его от других ценностно-нормативных регулятивных систем, таких как морали и политики, заключается в том, что оно всегда существует в виде правовой системы, выступает как локализация и частный случай реализации его универсальной структуры. Между тем отождествление понятий право и правовая система, а чаще даже констатация более широкого смысла последнего понятия, что имеет место в отечественной юриспруденции, приводит к тому, что вопрос о легитимности права выводится через проблему функционирования правовой системы. В то же время следует подчеркнуть, что если легитимация права – это процесс его оправдания путем филиации аксиосферы, демонстрации ценностных основ его пространственного и временного бытия, то легитимация правовой системы – это явление сопоставления аксиосферы и нормосферы права в поиске точек их пересечения и аппроксимации.

Важно подчеркнуть, что философско-правовые аспекты понятия легитимности и легитимации сегодня являются предметом острой дискуссии. Так, Л. В. Петрова считает, что теория легитимации постепенно начинает пронизывать весь предмет философии права, а сама проблема легитимности выступает главным вопросом западной философско-правовой доктрины³³⁸.

В большинстве случаев, когда речь идет о легитимности, то рассматриваются вопросы легитимности государственной власти,

---

³³⁷ Чунаева А. А. Философия в кратком изложении / А. А. Чунаева, И. Г. Мысык. – 5-е изд., испр. и доп. – Одесса : Феникс ; Сумы : Университетская книга ; Москва : Транслит, 2007. – С. 291.

³³⁸ Петрова Л. В. Нариси з сучасної західної філософії права : навч. посіб. / Л. В. Петрова. – Х. : Національна юридична академія України, 1997. – С. 5.

а не правовой системы. Наряду с этим, нельзя не заметить, что легитимность является характеристикой правовой системы не в меньшей, а, возможно, даже большей степени, поскольку именно от нее в конечном счете зависит эффективность функционирования права в рамках определенного социального пространства.

Предложенная в юридической литературе концепция рассмотрения правовой системы как общетеоретического аналога категории «правовая реальность» и последующая констатация правовой реальности как краеугольного камня исследования онтологических аспектов права³³⁹ исходят из тех позиций, что для философии права принципиально важны процессы, происходящие с правом как некоторой интегральной системой, и поэтому оно воспринимается прежде всего в контексте его внешних противоречий (право и человек, право и социум, право и неправое, право и бытие в целом). Однако часто определение компонентов правовой реальности приводит, все же, к необходимости «погружения» вглубь права с тем, чтобы увидеть механизмы его реального функционирования, не отказываясь при этом использовать философско-правовую методологию – феноменологию, диалектику, экзистенциализм и т. д.

Отметим, что именно таким путем идет правовая аксиология, когда не ограничивается анализом абсолютных правовых ценностей, но и включает в поле своих исследований витальные, экзистенциальные ценности, что позволяет ей рассматривать внутреннюю жизнь права. Здесь, наряду с правовой реальностью как некоторой целостностью, порожденной обществом, возникает правовая действительность, существующая внутри права и выражающая то, что философия права, как правило, игнорирует – сущее права. Используя терминологию гегелевской диалектики, следует отметить, что реальным для права является в первую очередь то, что для него является действительным (под категорией «действительное» в данном случае используется ее толкование как «действенного, полезного, эффективного»). Категория же действительного тесно связана с существенным и несущественным. Таким образом, формирование правовой действительности

---

³³⁹ Максимов С. И. Правовая реальность : опыт философского осмысления. – 328 с.

как сущего права рассматривается сквозь призму разворачивания его реальности, а не наоборот.

Исходя из ценностно-нормативного правопонимания, можно отметить, что поле существенного (а следовательно, действительного) в праве определяется аксиосферой права конкретного общества: право как авторегенеративная система воплощает как ценности только те компоненты жизни человека и общества, которые являются значимыми и эффективными в конкретную историческую эпоху. То есть аксиосфера права создает определенную границу между существенным и несущественным, между значимым и незначительным, а для конкретной жизненной ситуации – между правомерным и неправомерным.

Эта онтологическая роль аксиосферы права находит свое выражение в категориях ценности (существенное) и антиценности (несущественное). Безусловно, в правовом поле функционируют и по-разному воплощаются в жизнь как одни, так и другие, но чрезвычайно важным является тезис о том, что правовая действительность, будучи составной частью правовой реальности, включает в себя только ценности. Антиценности, которые хотя и существуют в пределах реальности, действительными считать нельзя.

Закономерной в этой связи выступает доктринальная проблема разграничения ценностей и антиценностей, которая сегодня приобретает особое значение. Например, тенденциозным является стремление назвать «социальной практикой» или «социальным институтом» те категории, которые базируются на антиценностях, например, преступность³⁴⁰. Может ли антиценность быть основой для социальной практики или даже социального института? С философской точки зрения ответ не может быть утвердительным. Даже если определенная практика имеет все признаки и атрибуты института, это еще не означает, что по своей сути она является институтом. Социальный институт может быть только истинным, существенным, то есть соответствовать социальному развитию.

---

³⁴⁰ Дремин В. Н. Преступность как социальная практика. Институциональная теория криминализации общества : моногр. / В. Н. Дремин. – Одесса : Феникс, 2009. – 694 с.

Аксиологический аспект правовой реальности состоит, впрочем, не только в разграничении ценностей и антиценностей, но и в закреплении их статуса, оценке и обесценивании. Аксиосфера права выступает своеобразным фильтром, который выделяет только компоненты правовой реальности, являющиеся действительными.

Онтологический статус аксиосферы права, таким образом, выражен в ее функции распределения и ранжирования правовых ценностей и ценностей права, она выступает действенным базисом для выделения в правовой реальности антиценностей и способствует институционализации наиболее важных ценностей, ведь институционализация фактически выступает внешним выражением филиации правовых ценностей.

Аксиосфера права, следовательно, является пространством, в котором та или иная правовая целостность отстаивает свои ценности и филицирует чужие. Действительно, если понимание «своих» ценностей, отграничение своего и чужого, знакомого от незнакомого в рамках социального пространства рассматривается как некий идеологический охранный жест³⁴¹, то в правовой сфере такая дифференциация позволяет аксиосфере обеспечивать преемственность в развитии правовой системы.

Специфика взаимодействия аксиосферы и нормосферы права должна выражаться в том или ином типе легитимационных отношений между ними, в рамках которых нормативность права образуется и развивается как результат внутреннего осознания ценностной природы правовых нормативов.

Выдающийся социолог М. Вебер считал, что Западный мир разработал и создал такой тип юридического мышления, который отсутствует в других цивилизациях. Этот метод был назван исследователем в соответствии с одной из его сильных сторон методом «формальной рациональности». Такая рациональность, или, как ее назвал социолог, целерациональность, характеризует те отношения, в которых что-то может быть просчитано, подвергнуться количественному подсчету. Такая рациональность считалась иссле-

---

³⁴¹ Довгополова О. А. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства : моногр. / О. А. Довгополова. – Одесса : Фридман, 2007. – С. 31.

дователем наиболее разумной, поскольку исключала апелляцию к внешним ценностям³⁴².

Формальная рациональность и ценностная рациональность разграничивались Вебером по такому критерию: «материальная (ценностная – К. Г.) рациональность – это рациональность для чего-то; формальная рациональность – это рациональность ни для чего, рациональность сама по себе, взятая как самоцель»³⁴³. Метод формальной рациональности является правилом построения логически связанных норм, на основе которых решаются дела. Если формальная рациональность, свойственная нормосфере права, служит для создания логически непротиворечивого комплекса норм, обеспечивает процесс применения и реализации права, то ценностная рациональность, характерная для аксиосферы, на первое место ставит не логическую согласованность регуляторов, а ценность справедливости³⁴⁴. Нетрудно заметить, что доминирование нормосферы приводит к функционированию прагматического целерационального типа легитимации правового порядка в обществе, в то время как верховенство права позволяет апеллировать к его ценностным основам, создавая ценностно-нормативный тип легитимации правового порядка, который является более эффективным в силу сочетания в себе нормативных и вненормативных регуляторов³⁴⁵.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что для отечественной правовой системы характерно следование идеалам формальной рациональности в утверждении типа легитимации правовой системы, связанного с познанием частных и публичных интересов, которые могут быть реализованы в случае следования нормативным предписаниям закона. Такой правопорядок Вебер назвал легаль-

---

³⁴² Вебер М. Избранные произведения / Макс Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – С. 25–30.

³⁴³ Там же. – С. 40.

³⁴⁴ Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ. – С. 64.

³⁴⁵ Мельничук О. С. Нормативное и ненормативное регулирование в достижении правопорядка / О. С. Мельничук // Сучасний правопорядок : національний, інтегративний та міжнародний виміри : тези доп. учас. Міжн. наук.-практ. конференції. – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 70–72.

ным типом господства³⁴⁶. Как утверждает Ю. Н. Оборотов, избранная в Украине стратегия правовой политики на широкое использование законодательного права и кодификации, в сочетании с мифами о народовластии, правовом государстве, прямом действии закона и ряда других, уже стала причиной падения уровня легитимности правовой системы. К тому же легкомысленное отношение в политике и средствах массовой информации к такому фундаментальному акту, как Конституция Украины, по сути, подвело социум к антиконституционному эмоциональному состоянию³⁴⁷.

Как справедливо отмечает А. И. Овчинников, в правовом государстве целерациональность индивидов не может сама по себе обеспечить действенность правовой системы. Формальный характер легального господства не содержит в себе никаких ценностей и потому требует дополнительного харизматического начала³⁴⁸. Становление современной формальной рациональности – продукт культурно-исторического развития западных народов, связанный с особенностями их религиозного опыта, проявляет яркую тенденцию дойти до последней черты, до конца формализовав мир³⁴⁹.

Интересно, что М. Вебер не выделяет как самостоятельный тип господства тип, основанный на ценностно-рациональном социальном действии. Возможно, это связано с тем, что такой тип легитимации правопорядка быстро вырождается в формально-рациональную легитимность. Между тем следует отметить, что такой тип организации власти, государства и права представляется возможным. И действительно, правовое государство как теоретическая концепция была смоделирована не по чисто функциональ-

---

³⁴⁶ Вебер М. Социология права / М. Вебер // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. – М. : Аванта, 1999. – Т. 3. – С. 631.

³⁴⁷ Оборотов Ю. Н. Апология права / Ю. Н. Оборотов // Правове життя сучасної України : тези доп. сучасн. міжнар. конф. проф.-викл. та аспірант. складу Одеськ. нац. юрид. акад. (11–12 квітня 2010 р.). – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 71.

³⁴⁸ Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ. – С. 79.

³⁴⁹ Гайденок П. П. История и рациональность : Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденок, Ю. Н. Давыдов. – М. : КомКнига, 2010. – С. 86.

ному признаку, ведь в ее основе лежали ценности, отстоянные в период буржуазных революций.

Важно подчеркнуть, что именно ценностно-рациональная легитимация правовой системы должна определять развитие правовой системы Украины³⁵⁰. Здесь следует подчеркнуть, что философия свободы и правды, которая наиболее ярко выражает сущность мышления украинцев, стала основой для того, что формальное право никогда не рассматривалось как главный регулятор, поскольку отстоять свободу посредством права можно, только если использовать его вместе с духовно-нравственными ценностями, влияющими на совесть человека.

Ценностно-нормативная легитимация правовой системы выходит из гармоничного сочетания ценностей и норм, аксиосферы и нормосферы права. При этом если рассматривать их как диалектическую пару, то можно заметить, что аксиосфера всегда ориентирована на обеспечение справедливости, а нормосфера – на поддержание порядка. Показательно, что Г. Дж. Берман, исследуя соотношение между сохранением порядка и осуществлением правосудия, писал: «сам порядок понимается как несущий в себе внутреннее напряжение между необходимостью развития и потребностью в стабильности»³⁵¹. Между тем системный характер взаимодействия аксиосферы и нормосферы права показывает, что потребность в стабильности второстепенна, поскольку первична потребность в справедливости.

О необходимости методологического обоснования ценностно-нормативной легитимации правовой системы Украины говорит также Ю. Н. Оборотов. Аксионормативные начала правопорядка напрямую связаны с теми традициями, которые сформировались в украинском обществе, в том числе с такими негативными традициями, как пренебрежение государственной властью требований законодательства, множественность правопорядков, приоритет не-

---

³⁵⁰ Крижанівський А. Ф. Правовий порядок в Україні : витоки, концептуальні засади, інфраструктура : моногр. / А. Ф. Крижанівський. – Одеса : Фенікс, 2009. – С. 446–462.

³⁵¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования / Гарольд Дж. Берман. – 2-е изд. – М. : Инфра-М – Норма, 1998. – С. 37.

правовых регуляторов над правовыми, приоритет политики над правом при принятии важных социальных решений и т. п.³⁵²

Таким образом, можно утверждать, что эффективное развитие права и правовой системы зависит от учета тех правовых традиций и правовых ценностей, которые сформировались в конкретно-историческом типе общества, определяют уникальность его правовой системы, свидетельствуют о самостоятельном характере ее развития. Это возможно при условии органического сочетания аксиосферы и нормосферы права как двух ключевых элементов права. При этом идейным ориентиром осуществления именно такой правовой политики должно стать верховенство права как методологическая, политическая и правовая основа его утверждения.

---

³⁵² Оборотов Ю. Н. Аксионормативные начала правопорядка / Ю. Н. Оборотов // Сучасний правопорядок: національний, інтегративний, міжнародний виміри : тези Міжнародної науково-практичної конференції (13–14 червня 2008 року). – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 6.

Заключение

Утверждение разнообразия ценностных аспектов права, их выражение в нормативной форме, равно как и поиски путей осмысления аксиологической природы всей правовой сферы – одна из приоритетных задач современной философско-правовой и общетеоретической юридической мысли. При этом формирование единого методологического поля аксиологических исследований права становится возможным благодаря выходу на междисциплинарное направление правовой аксиологии, сочетающее в себе философские идеи с теоретическими конструкциями, направленными на их воплощение в правовой жизни общества.

Концепция аксиосферы права как особого среза его реальности имеет целью перенести философско-правовые дедуктивные построения на язык действующего права, обогатить существующие в теории права воззрения на ценностную характеристику правовой сферы. Содержательное единство аксиосферы и нормосферы права, являющееся результатом филиации ценностей, – это осмысление фундаментальных аксиологических оснований права, которые часто остаются вне поля зрения юристов.

Движение ценностей сквозь правовую сферу, их отображение в правовых текстах и символах, деятельности государства и его органов – показатель культурной интеграции права, его единения с моральной, религиозной, политической и экономической системами общества. С одной стороны, право фиксирует ценности, отражает их в статике путем формализации и закрепления в правовых нормах. С другой стороны, динамика ценностей, отраженная в их филиации, институционализации, – это ключевой аспект их бытия, определяющий содержание и общую культурную наполненность правовой жизни любого общества.

Стремление обозначить границы права, выделить его предельные основания – это задача теории права, которую она решает, опираясь на достижения социальных наук. При этом констатация бессодержательности права, отсутствия в нем неизменных идей и фундаментальных начал, которая часто делается во имя ог-

раничения права, – это на самом деле путь в обратном направлении. Если право представить как безыдейную систему норм, принимающую то содержание, которое ей диктуется властью, то теряется всяческий смысл рассматривать его как некую отдельную целостность, существующую независимо от воли государства. Именно выявление особых ценностей, существующих и развивающихся в пределах правовой сферы, определяющих исторический ход развития правовой реальности, позволяет говорить о нем как о феномене.

Лишь в плоскости рассмотрения правовых ценностей можно судить о праве как о явлении культуры. По большому счету, распространённое суждение о том, что право не создает собственных ценностей, а оперирует лишь теми ценностями, которые сформированы в других сферах общественной жизни, странным образом отличает право от всего того, что существует в культуре. Действительно, если взять за основу тезис о ценностной индифферентности права, то оно окажется *единственной* сферой бытия человека, лишенной собственных аксиологических оснований. Редко кому приходит идея утверждать, что не имеет своих, выработанных веками, ценностей мораль, религия, искусство, политика, даже наука. В чем же состоит причина отказа праву в праве обладать своими ценностями?

Констатация существования особой аксиосферы – аксиосферы права – это путь к обоснованию культурной специфики права. Действительно, нигде, кроме права, нет таких ценностей, как конституция, законность, правопорядок, права человека, правосудие и др. И очевидная логическая ошибка сторонников формализации правовой аксиологии состоит в том, что если эти ценности вынести за рамки права (объявить их по обыкновению политическими или моральными ценностями, что само по себе вызывает недоумение), то они утрачивают свое содержание, перестают выполнять то свое назначение, которое несет в себе их идейное начало.

Правовые ценности, выступая ядром аксиосферы права, определяют как его уникальность в пространстве общественных феноменов, так и единство с другими сферами единого культурного поля существования общества. Фундаментальная связь, обеспечи-

вающая праву устойчивость и цивилизационную уникальность, достигается исключительно благодаря этому самому ценностному содержанию, на развитие которого направлена вся система правовых институтов.

Нормативный уровень бытия права обеспечивает ценностям эффективную защиту и реализацию, благодаря чему они становятся ценностями права, получая статус объектов, на которые направлено действие правовой системы. Становление правовых ценностей – неизбежный процесс, который характеризуется тем, что право не может оставаться безучастным по отношению к социальным и личностным благам, испытывая на себе их влияние, трансформируя свое содержание с каждым новым этапом их становления.

Аксиосфера права – это самостоятельный аспект бытия права, определяющий не только его рефлекссию, но и реальное функционирование при разрешении задач правового воздействия. Аксиосфера и нормосфера права в едином контексте развития правовой системы – это то состояние, к которому должно стремиться любое право и достижение которого означает установление правовой гармонии как целостности ценностей и норм.

Список использованных источников

1. Абишева А. К. О понятии «ценность» / А. К. Абишева // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 139-146.
2. Азми Д. М. Историко-теоретический и методологический анализ структуры права : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Д. М. Азми. – М., 2011. – 45 с.
3. Актуальні грані загальнотеоретичної юриспруденції : моногр. / Ю. М. Оборотов, В. В. Завальнюк, В. В. Дудченко та ін. ; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – 492 с.
4. Алексеев Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
5. Алексеев С. С. Избранное / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2003. – 480 с.
6. Алексеев С. С. Крушение права. Полемиические заметки / С. С. Алексеев. – Екатеринбург : Институт частного права, 2009. – 32 с.
7. Алексеев С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.
8. Алексеев С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – 336 с.
9. Апресян Р. Г. Талион и золотое правило : критический анализ сопряженных контекстов / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 72-85.
10. Арабаджи Н. Б. Класичні, неklasичні та постнеklasичні теорії правового порядку: критерії співвідношення / Н. Б. Арабаджи // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – О. : Юрид. л-ра, 2011. – Вип. 62. – С. 584–590.
11. Арабаджи Н. Б. Правовой порядок как структура правовых ценностей [Электронный ресурс] / Н. Б. Арабаджи // Форум права. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2012-4/12aomomc.pdf>
12. Арабаджи Н. Б. Аксиологеми правового порядка: понятия та види / Н. Б. Арабаджи // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету : зб. наук. пр. – О. : Міжнародний гуманітарний університет, 2011. – Вип. 2. – С. 18–24.
13. Арабаджи Н. Б. Власна цінність правового порядку : методологічні аспекти / Н. Б. Арабаджи // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 136–140.

14. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : дисс. ... доктора юрид. наук : спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Андрей Николаевич Бабенко. – М., 2002. – 394 с.
15. Бадюл О. С. Трансформація ціннісних установок особистості в освітньому процесі : моногр. / О. С. Бадюл. – Одеса : InPress, 2010. – 140 с.
16. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов : СТАП, 2001. – 416 с.
17. Балаянц М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / М. С. Балаянц. – М., 2007. – 25 с.
18. Бандура О. Основні цінності права як система / О. Бандура // Право України. – 2008. – № 5. – С. 14–19.
19. Бандура О. О. Єдність цінностей та істини у праві (філософський аналіз) : дис. ... доктора філос. наук : спец. 12.00.12 – Філософія права / Олег Александрович Бандура. – К., 2003. – 403 арк.
20. Бандура О. О. Правознавство у системі наукового знання : Аксиолого-гносеологічний підхід : монографія для науковців, виклад., аспірант., ад'юнкт., магістрант., студ. і курсант. юрид. навч. закл. та факульт. / О. О. Бандура. – К. : Київ. нац. ун-т внутр. справ, 2010. – 272 с.
21. Бандура О. О. Системний характер загальнолюдських та правових цінностей / О. О. Бандура // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 18–22.
22. Баранов П. П. Философия права : учеб. пособие / П. П. Баранов, В. Ю. Верещагин, В. И. Курбатов и др. – Ростов-н/Д. : Изд-во РЮИ МВД РФ, 2004. – 209 с.
23. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. – М. : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. – 464 с.
24. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники : ежегодник. – М. : Наука, 1986. – С. 80-160.
25. Бачинин В. А. Философия права и преступления : учеб. для студ. юрид. вузов / В. А. Бачинин. – Х. : Фолио, 1999. – 607 с.
26. Бачинин В. А. Философия права : конспект лекций / В. А. Бачинин. – Х. : Консум, 2002. – 367 с.
27. Беккер Г. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Г. Беккер, А. Босков. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1961. – 895 с.

28. Беляева М. А. Аксиосфера человека: динамика воздействия объектного и субъектного : автореф. дис. ... канд. филос. наук ; спец. : 09.00.01 – Онтология и теория познания / Беляева М. А. – М., 2009. – 26 с.
29. Белый И. Л. Философская проблематика парадигмоформирования права : моногр. / И. Л. Белый. – Одесса : Феникс, 2010. – 375 с.
30. Бердяев Н. Философия свободного духа / Николай Бердяев. – М. : Эксмо-Пресс ; Х. : Фолио, 1994. – 621 с.
31. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2-х т. ; сост. В. М. Пискунов. – М. : Искусство, 1994. – Т. 2. ; комм. Н. Б. Злобиной. – М. : Искусство, 1994. – С. 204-285.
32. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Жан-Луи Бержель ; под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. – М. : NOTA BENE, 2000. – 576 с.
33. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Гарольд Дж. Берман. – 2-е изд. – М. : Инфра-М – Норма, 1998. – 623 с.
34. Бігун В. С. Філософія правосуддя: ідея та здійснення : моногр. / В. С. Бігун. – К. : [б. в.], 2011. – 303 с. – (Бібліотека Міжнародного часопису «Проблеми філософії права»)
35. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – М. : Наука, 1978. – 312 с.
36. Богущкий П. П. Військове право України : джерела, структура та розвиток : моногр. / П. П. Богущкий. – Одеса : Фенікс, 2008. – 188 с.
37. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; пер. с франц. Л. Любарской, Е. Марковской. – М. : Добросвет, 2000. – 257 с.
38. Букреев В. И. Этика права. От истоков этики права к мировоззрению : учеб. пособ. / В. И. Букреев, И. Н. Римская. – М. : Юрайт, 1999. – 336 с.
39. Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля / Пьер Бурдые // Бурдые П. Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдые ; пер. с франц. ; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2005. – С. 75–128.
40. Введение в украинское право / под общ. ред. С. В. Кивалова, Ю. Н. Оборотова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Одесса : Юрид. л-ра, 2009. – 768 с.
41. Вебер М. Избранные произведения / Макс Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
42. Вебер М. Социология права / М. Вебер // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. – М. : Аванта, 1999. – Т. 3. – 986 с.
43. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы : моногр. / Ю. Ю. Ветютнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
44. Вичев В. Поведение и ценностная ориентация личности / В. Вичев. – София : Мысль, 1972. – 236 с.

45. Габермас Ю. Дії, мовленнєві акти, мовленнєві інтеракції та життєвий світ / Юрген Габермас // Комуникативна практична філософія. – К. : Лібра, 1999. – С. 287–324.
46. Габермас Ю. Комуникативна дія та дискурс – дві форми повсякденної комунікації / Ю. Габермас // Першоджерела комуникативної філософії. – К. : Либідь, 1996. – С. 84–90.
47. Гайденко П. П. История и рациональность : Социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П. П. Гайденко, Ю. Н. Давыдов. – М. : КомКнига, 2010. – 368 с.
48. Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуризации / Энтони Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академический Проект, 2005. – 528 с. – («Концепции»)
49. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ) : монография / В. И. Гойман. – М. : Академия МВД РФ, 1992. – 180 с.
50. Головатий С. **Верховенство права : моногр. : у 3-х кн. / С. Головатий.** – Кн. 1 : Верховенство права : від ідеї – до доктрини. – К. : Фенікс, 2006. – 624 с.
51. Гришук О. В. Людська гідність у праві : філософські проблеми : моногр. / О. В. Гришук. – К. : Атіка, 2007. – 432 с.
52. Губанов Н. И. Глобальный менталитет как условие предотвращения межцивилизационных конфликтов / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов // СОЦИС. – 2011. – № 4 – С. 51–58.
53. Гудима Д. А. Права людини : антрополого-методологічні засади дослідження : моногр. / Д. А. Гудима ; Праці Львівської лабораторії прав людини і громадянина Науково-дослідного інституту державного будівництва та місцевого самоврядування Академії правових наук України / редкол. : П. М. Рабінович (голов. ред.) та ін. – Львів : Край, 2009. – 292 с. – (Серія І. Дослідження та реферати. – Вип. 20).
54. Гусейнов А. И. Проблема ценностей в праве / А. И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14–22.
55. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию / Эдмунд Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Скаядяева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
56. Гюфе О. Демократія в епоху глобалізації / Отфрід Гюфе ; пер. з нім. Л. Ситніченко та О. Лозінської. – К. : ППС-2002, 2007. – 436 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).
57. Деррида Ж. Трассирование и дифференция / Жак Деррида // Философская и социологическая мысль. – 1995. – № 5–6. – С. 4–15.
58. Джанхуватова З. С. Трансформация правовых ценностей в современном российском обществе : автореф. дисс. ... канд. социол. наук ; спец. 22.00.06. – Социология культуры, духовной жизни

- (социологические науки) / З. С. Джанхуватова. – Ростов-н/Д., 2006. – 28 с.
59. Джентиле Ф. О роли философии права в изучении юриспруденции в Италии / Ф. Джентиле // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 130–142.
60. Довгополова О. А. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства : моногр. / О. А. Довгополова. – Одесса : Фридман, 2007. – 300 с.
61. Дражина И. В. Правовое освоение действительности в системе юридических категорий / И. В. Дражина, Е. В. Пономаренко. – Тюмень : ВШ МВД РФ, 1995. – 144 с.
62. Дремин В. Н. Преступность как социальная практика. Институциональная теория криминализации общества : моногр. / В. Н. Дремин. – Одесса : Феникс, 2009. – 694 с.
63. Дробницкий О. Г. Моральная философия. Избранные труды / О. Г. Дробницкий ; сост. Р. Г. Апресян. – М. : Гардарика, 2002. – 523 с.
64. Дудченко В. В. Аналітична юриспруденція про концепт права / В. В. Дудченко // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Одеса : Юрид. л-ра., 2005. – Т. 4. – С. 34–45.
65. Дудченко В. В. Традиція правового розвитку : плюралізм правових вчень : моногр. / В. В. Дудченко. – Одеса : Юрид. л-ра, 2006. – 304 с.
66. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Этюд об организации высших обществ / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900. – 238 с.
67. Жинкин С. А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Жинкин С. А. – Краснодар, 2009. – 41 с.
68. Завальнюк В. В. Персоноцентризм у системі методологічних принципів юридичної антропології / В. В. Завальнюк // Людина і закон : публічно-правовий вимір : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «VII Прибузькі юридичні читання», 25–26 листопада 2011 р. / за ред. С. В. Ківалова, В. О. Тулякова, О. В. Козаченка. – Миколаїв : Іліон, 2011. – С. 8–9.
69. Заморська Л. І. Сутність нормативності в теорії природного права / Л. І. Заморська // Новітні наукові дослідження держави і права – 2011 : зб. наук. праць. – Т. 1. / за ред. С. В. Ківалова, В. О. Тулякова, О. В. Козаченка. – Миколаїв : Іліон, 2011. – С. 95–100.
70. Здравомыслов А. Г. Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М. : Политиздат, 1986. – 221 с.
71. Ивакин А. А. Единство бога, человека и ноосферы : философское эссе / А. А. Ивакин. – Одесса : Фенікс, 2012. – 244 с.
72. Ивакин А. А. Право человека на ноосферу как основополагающая идея аксиосферы права / А. А. Ивакин // Актуальні проблеми філосо-

- фії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 22–26.
73. Иконникова Г. И. Философия права : учеб. для магист. / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 303 с.
74. Каган М. С. Философская теория ценности : моногр. / М. С. Каган. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
75. Калинин С. А. Методологическое измерение аксиологии права / С. А. Калинин // Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія». – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. X. – С. 269–279.
76. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / Иммануил Кант ; вступ. ст. Я. А. Силина. – СПб. : Наука, 1995. – 528 с.
77. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – М. : Мысль, 1966. – Т. 5. – М. : Мысль, 1966. – 564 с.
78. Кеглер Г. Г. Этика после постмодернизма / Г. Г. Кеглер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 111–117.
79. Кельзен Г. Чисте правознавство : 3 дод. : Проблема справедливості / Ганс Кельзен ; пер. з нім. О. Мокровольського. – К. : Юніверс, 2004. – 496 с.
80. Кельман М. С. Юридична наука : проблеми методології : моногр. / М. С. Кельман. – Тернопіль : Терно-граф, 2011. – 453 с.
81. Керимова Л. М. Теория структуризации Э. Гидденса : методологические аспекты / Л. М. Керимова, Т. Х. Керимов // СОЦИС (Социологические исследования). – 1997. – № 3. – С. 37–47.
82. Ким Д. В. Ситуационный подход как метод научного познания / Д. В. Ким // Российская юридическая наука : состояние, проблемы, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию юридического образования на Алтае / под ред. В. Я. Музюкина, Е. С. Аничкина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 30–34.
83. Киримова Е. А. Правовой институт : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория права и государства ; История права и государства ; История политических и правовых учений / Е. А. Киримова. – Саратов, 1998. – 23 с.
84. Ковбасюк С. В. Сучасна інтерпретація поняття «інституціоналізація» / С. В. Ковбасюк // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 50. – С. 177–182.
85. Козловський А. Філософія права як вона є / А. Козловський // Право України. – 2011. – № 8. – С. 31–37.
86. Козловський А. А. Право як пізнання. Вступ до гносеології права : моногр. / А. А. Козловський. – Чернівці : Рута, 1999. – 295 с.

87. Козюбра М. Основні форми буття права та взаємовідносини між ними / М. Козюбра // Право України. – 2011. – № 8. – С. 21–30.
88. Колесниченко В. В. Категориальный статус правовой системы / В. В. Колесниченко // Правове життя сучасної України : матеріали Міжнародної наукової конференції професорсько-викладацького складу, 20–21 травня 2011 р., м. Одеса. Т. 1. / відп. ред. д-р юрид. наук В. М. Дрьомін // Національний університет «Одеська юридична академія». – Одеса : Фенікс, 2011. – С. 53–54.
89. Колодій А. М. Принципи права України : моногр. / А. М. Колодій. – К. : Юрінком Інтер, 1998. – 208 с.
90. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
91. Костира О. В. Правова гносеологія у творах Ф. В. Тарановського / О. В. Костира // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Друг. Міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті проф. О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 104–107.
92. Котлярова В. В. Экзистенциальные ценности как эксплицирующий принцип социального бытия человека / В. В. Котлярова. [Электронный ресурс]. Режим доступа : http://analculturolog.ru/archive/item/396-article_24.html?tmpl=component&print=1
93. Кравец А. С. Смыслы и ценности / А. С. Кравец // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. – 2007. – № 6. – С. 3–27.
94. Крестовська Н. М. Блиск та злидні правової аксіології / Н. М. Крестовська // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 50–54.
95. Крестовська Н. М. Ювенальне право України : історико-теоретичне дослідження : моногр. / Н. М. Крестовська. – Одеса : Фенікс, 2008. – 328 с.
96. Крижанівський А. Ф. Правовий порядок в Україні : витоки, концептуальні засади, інфраструктура : монографія / А. Ф. Крижанівський. – Одеса : Фенікс, 2009. – 504 с.
97. Крусс В. Конституціоналізм и философия права : к постановке проблемы / В. Крусс // Право и жизнь. – 1998. – № 15. – С. 3–23.
98. Крусян А. Р. Аксіологічний вимір сучасного українського конституціоналізму / А. Р. Крусян // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 219–220.
99. Крыжановский А. Ф. Право и правовой порядок : конкуренция ценностей / А. Ф. Крыжановский // Актуальні проблеми філософії

- права. Правова аксіологія : матер. міжнар. «круглого столу» (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 106–110.
100. Кузнецов В. І. Філософія права. Історія та сучасність : навч. посіб. / Володимир Кузнецов. – К. : Стилос ; Фоліант, 2003. – 382 с.
101. Культурология : XX век : словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 640 с.
102. Лазарев В. В. Теория государства и права : учеб. / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Юрайт, 2011. – 640 с.
103. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под. ред. А. Н. Баранова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
104. Лапаева В. В. Либертарное правопонимание и проблемы правового развития современной России / В. В. Лапаева // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 3. – С. 32–40.
105. Лапорта Ф. Глобализация и верховенство права. Некоторые сомнения вестфальца / Франциско Лапорта // *Проблемы философии права*. – 2006–2007. – Том IV–V. – С. 34–49.
106. Ленчик В. А. Механизм действия права : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История правовых учений / В. А. Ленчик. – М., 2002. – 20 с.
107. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.
108. Личность и ее ценностные ориентации / под ред. З. И. Файнбурга. – М. : Мысль, 1969. – 176 с.
109. Лінник Н. В. Права людини як категорія та цінність права / Н. В. Лінник // *Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу»* (Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 104–106.
110. Лобода Ю. П. Феномен права та традиція праворозуміння / Ю. П. Лобода // *Проблемы философии права*. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 84–92.
111. Луман Н. Понятие общества / Николас Луман // *Проблемы теоретической социологии*. – СПб. : Петрополис, 1994. – С. 25–42.
112. Луць Л. А. Європейські міждержавні правові системи та проблеми інтеграції з ними правової системи України (теоретичні аспекти) : моногр. / Л. А. Луць. – К. : Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2003. – 304 с.
113. Максимов С. До питання про засади права: спроба систематизації / С. Максимов // *Право України*. – 2011. – № 8. – С. 38–45.
114. Максимов С. Права человека: универсальность и культурное многообразие / С. Максимов // *Право Украины*. – 2011. – № 5–6. – С. 24–31.
115. Максимов С. И. Правовая реальность : опыт философского осмысления : моногр. / С. И. Максимов. – Х. : Право, 2002. – 328 с.

116. Максимов С. И. Философия права как проблема философии права / С. И. Максимов // Проблемы філософії права. – 2004. – Т. II. – С. 27–32.
117. Максимов С. И. Онтологічний статус та перформативні ролі цінностей в праві (постмодерністська інтерпретація) / С. І. Максимов // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : Матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – О. : Фенікс, 2012. – С. 14–18.
118. Малахов В. Міф про правові цінності / В. Малахов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 180–186.
119. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории : моногр. / В. П. Малахов. – М. : ЮНИТИ–ДАНА : Закон и право, 2013. – 151 с. – («Научные издания для юристов»).
120. Малахов В. П. Основы философии права : учеб. пособ. / В. П. Малахов. – М. : Академический Проект ; Культура, 2005. – 240 с.
121. Мальцев Г. В. Нравственные основания права : моногр. / Г. В. Мальцев. – Изд. 2-е. – М. : Изд-во СГУ, 2009. – 552 с.
122. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности / Мераб Мамардашвили. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. – 288 с.
123. Манхейм К. Избранное : Социология культуры / Карл Манхейм ; пер. с нем. Л. Ф. Вольфсона, А. В. Дранова. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 501 с.
124. Мартышин О. В. Нравственные основы теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 5–12.
125. Мартышин О. В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 5–14.
126. Матюшина И. И. Место ценностей в коммуникации (по работам Ю. Хабермаса) / И. И. Матюшина // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 86–93.
127. Машков А. Введение в общую теорию юридических наук : моногр. / Андрей Машков. – К. : К.И.С., 2005. – 254 с.
128. Мельничук О. Аксіологічні основи права / О. Мельничук, К. Горобець // Право України. – 2010. – № 4. – С. 220–224.
129. Мельничук О. С. Аксиогерменевтический аспект правопорядка / О. С. Мельничук, К. В. Горобець // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 49. – С. 286–290.
130. Мельничук О. С. Нормативное и ненормативное регулирование в достижении правопорядка / О. С. Мельничук // Сучасний правопорядок : національний, інтегративний та міжнародний виміри : тези доп. учас. Міжн. наук.-практ. конференції. – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 70–72.

131. Мельничук О. С. Філософські основи осягнення аксіосфери права / О. С. Мельничук // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 50. – С. 92–97.
132. Миронов А. В. Понятіе ценности, виды и иерархия ценностей / А. В. Миронов // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 1. – С. 92–105.
133. Міжнародна поліцейська енциклопедія : у 10 т. / відп. ред. Ю. І. Римаренко, Я. Ю. Кондратьєв, В. Я. Тацій, Ю. С. Шемшученко. – К. : Ін Юре, 2003. – Т. 1. – 390 с.
134. Неновски Н. Право и ценности / Н. Неновски ; пер. с болг. и вступ. статья В. М. Сафронова ; под ред. В. Д. Зорькина. – М. : Прогресс, 1987. – 248 с.
135. Нерсесянц В. С. Право – математика свободы. Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсесянц ; Отв. ред. : М. М. Славин. – М. : Юрист, 1996. – 160 с.
136. Нерсесянц В. С. Философия права Гегеля / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2002. – 348 с.
137. Нерсесянц В. С. Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсесянц. – М. : Инфра-М – Норма, 1997. – 627 с.
138. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства : для юрид. вузов и фак-тов / В. С. Нерсесянц. – М. : НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 288 с.
139. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и дополн. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.
140. Новая философская энциклопедия : в 4-х т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд ; Научно-ред. совет ; предс. В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. II. – 634 с.
141. Оборотов Ю. Від ціннісної характеристики – до формування аксіометрії права і держави / Ю. Оборотов // Філософія права і загальна теорія права. – 2012. – № 1. – С. 150–158.
142. Оборотов Ю. Місцерозвиток в основі апологізації українського права / Ю. Оборотов // Право України. – 2011. – № 8. – С. 142–150.
143. Оборотов Ю. Праворозуміння як аксіоматичне начало (постулат) права / Ю. Оборотов // Право України. – 2010. – № 4. – С. 49–55.
144. Оборотов Ю. М. Філософія права і методологія юриспруденції / Ю. М. Оборотов // Проблеми філософії права. – 2003. – Т. I. – С. 41–43.
145. Оборотов Ю. Н. Аксионормативные начала правопорядка / Ю. Н. Оборотов // Сучасний правопорядок : національний, інтегративний, міжнародний виміри : тези Міжнародної науково-практичної конференції (13–14 червня 2008 року). – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 5–7.

146. Оборотов Ю. Н. Апология права / Ю. Н. Оборотов // Правове життя сучасної України : тези доп. сучасн. Міжнар. конф. проф.-викл. та аспірант. складу Одеськ. нац. юрид. акад. (11–12 квітня 2010 р.). – Одеса : Фенікс, 2010. – С. 71–74.
147. Оборотов Ю. Н. Инфляция власти и права как индикаторы слабого государства / Ю. Н. Оборотов // **Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія»**. – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. IX. – С. 89–97.
148. Оборотов Ю. Н. К вопросу о формировании глобальной правовой системы / Ю. Н. Оборотов // **Наукові праці Національного університету «Одеська юридична академія»**. – Одеса : Юрид. л-ра, 2011. – Т. X. – С. 229–236.
149. Оборотов Ю. Н. Ориентиры апологизации современного права / Ю. Н. Оборотов // **Юридическая техника : ежегодник**. – 2011. – № 5 : Вторые Бабаевские чтения «Преимственность в праве : доктрина, российская и зарубежная практика, техника». – С. 35–40.
150. Оборотов Ю. Н. Содержание аксиосферы государства / Ю. Н. Оборотов // **Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць**. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 223–230.
151. Оборотов Ю. Н. Теория государства и права (прагматический курс) : экзамен. справ. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – 184 с.
152. Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии : моногр. / Ю. Н. Оборотов. – Одесса : Юрид. л-ра, 2001. – 160 с.
153. Оборотов Ю. Н. Уровни постижения правовых ценностей / Ю. Н. Оборотов // **Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали Міжнародного «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.)**. – О. : Фенікс, 2012. – С. 39–43.
154. Оборотов Ю. Н. Ценностно-нормативное регулирование в украинском праве / Ю. Н. Оборотов // **Актуальні проблеми політики : зб. наук. праць**. – Одеса : Фенікс, 2007. – Вип. 31. – С. 19–28.
155. Оборотов Ю. Н. Ценностное регулирование как средство преодоления обезличенности права / Ю. Н. Оборотов // **Актуальні проблеми філософії права. Аксиосфера права та держави : матер. міжнар. «круглого столу» (Одеса, 13 грудня 2012 р.)**; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 64–66.
156. Общая теория государства и права : Академический курс в 3-х т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Т. 2. – М. : Зерцало-М, 2002. – 528 с.
157. Общетеоретическая юриспруденция. Учебный курс : учеб. / под ред. Ю. Н. Оборотова. – Одесса : Фенікс, 2011. – 436 с.

158. Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ : моногр. / А. И. Овчинников. – Ростов-н/Д. : Изд-во Рост. гос. ун-та, 2003. – 335 с.
159. Овчинникова А. П. Общезначимость аксиологии / А. П. Овчинникова // **Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали міжнародного «круглого столу»** (9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 3–7.
160. Овчинникова А. П. Предпосылки, Ценности и Границы универсализма / А. П. Овчинникова // **Цінності культури і цивілізація : вибрані праці**. – Одеса : Юрид. л-ра, 2010. – С. 20–34.
161. Оніщенко Н. М. Аксиосфера сучасної держави та сприйняття права в суспільстві: проблеми теорії / Н. М. Оніщенко // **Проблеми філософії права**. – 2008-2009. – Том. VI-VII. – С. 49–53.
162. Орзих М. Ф. Конституционное право Украины : учеб. пособие. / М. Ф. Орзих, А. Р. Крусян. – Изд. 3-е, доп. – Одесса ; Кировоград : Юр-Информ, 2006. – 112 с.
163. Орзих М. Ф. Личность и право / М. Ф. Орзих. – Одесса : Юрид. лит., 2005. – 312 с.
164. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / М. В. Осипова. – Саратов, 2011. – 30 с.
165. Остін Дж. Позитивістська концепція права / Джон Остін // **Філософія права ; за ред. Джоела Фейнберга, Джулса Коулмена ; пер. з англ. П. Тарашук**. – К. : Основи, 2007. – С. 41–56.
166. Павлов В. И. Правовые ценности в условиях постмодерна / В. И. Павлов // **Актуальні проблеми філософії права. Правова аксіологія : матеріали Міжнародного «круглого столу»** (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – О. : Фенікс, 2012. – С. 70–74.
167. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. Корчев Н. Д. – М. : Академический проспект, 2000. – 880 с.
168. Патерило І. В. Право як ціннісна категорія : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теорія та історія держави і права ; Історія політичних і правових учень / І. В. Патерило. – К., 2006. – 22 с.
169. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 608 с.
170. Петрова Л. В. Гештальттеорія як метод сучасної західної юриспруденції / Л. В. Петрова // **Держава і право. Юрид. і політ. науки : зб. наук. пр.** – 2002. – Вип. 15. – С. 3–8.
171. Петрова Л. В. Нариси з сучасної західної філософії права : навч. посіб. / Л. В. Петрова. – Х. : Національна юридична академія України, 1997. – 146 с.

172. Плахов В. Д. Социальные нормы: философские основания общей теории / В. Д. Плахов. – М. : Мысль, 1985. – 253 с.
173. Погребняк С. П. Основоположні принципи права (змістовна характеристика) : моногр. / С. П. Погребняк. – Х. : Право, 2008. – 240 с.
174. Погребняк С. П. Термін «право» в юриспруденції європейських держав / С. П. Погребняк // Порівняльне правознавство : сучасний стан і перспективи розвитку : зб. наук. праць / за ред. С. В. Ківалова, Ю. С. Шемшученка. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 122–123.
175. Политико-правовые ценности: история и современность / Графский В. Г., Дождев Д. В., Ефремова Н. Н., Козлова Н. Ю. и др. ; под ред. : Нерсесянц В. С. ; редкол. : Графский В. Г., Лаптева Л. Е., Мамут Л. С. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 256 с.
176. Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А. В. Поляков. – СПб. : Издательский Дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004. – 864 с.
177. Пономарева В. П. Правовые ценности как феномен правовой антропологии / В. П. Пономарева // Права : история, теория, практика : сб. статей и матер. – Брянск : БрГУ, 2006. – Вып. 10. – С. 10–18.
178. Поппер К. Открытое общество и его враги / Карл Поппер ; пер. с англ. ; под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
179. Принцип верховенства права : проблеми теорії та практики : монографія : у 2 кн. / за заг. ред. Ю. С. Шемшученка ; ред. кол. : Ю. С. Шемшученко (голова) та ін. – К. : Юрид. думка, 2008. – Кн. 1 : Верховенство права як принцип правової системи : проблеми теорії / відп. ред. Н. М. Оніщенко. – 344 с.
180. Про судоустрій та статус суддів : Закон України від 7 липня 2010 р. № 2453-VI у редакції від 1 грудня 2012 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2010. – № 41–42, 43, 44–45. – Ст. 529.
181. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма-Инфра, 1999. – 832 с.
182. Проблемы современной конституционалистики : учеб. пособ. / М. Ф. Орзих, А. Р. Крусян и др. ; под ред. М. Ф. Орзиха. – К. : Юринком Интер, 2012. – 368 с.
183. Пушкарев С. А. Понятие правовых ценностей и методология их изучения / С. А. Пушкарев // Философия права. – 2008. – № 2 (27). – С. 84–90.
184. Пушкарев С. А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / С. А. Пушкарев. – Ростов-н/Д., 2009. – 24 с.

185. Рабинович П. Социалистическое право как ценность / П. Рабинович. – 2-е изд., стереотип. – Одесса : Юрид. л-ра, 2006. – 166 с.
186. Рабинович П. Верховенство права в інтерпретації Страсбурзького Суду та Конституційного Суду України / П. Рабинович // Вісник Конституційного Суду України. – 2006. – № 1. – С. 37–46.
187. Рабинович П. Верховенство права як соціальний феномен / П. Рабинович // Юридический вестник. – 2008. – № 8. – С. 12–14.
188. Рабинович П. М. Основи загальної теорії права і держави / П. М. Рабинович. – Львів : Край, 2007. – 224 с.
189. Рабинович П. М. **Основоположні права людини : сучасні позиції православних церков Росії та України** / П. М. Рабинович // Вісник Академії правових наук України : зб. наук. праць. – 2010. – № 3 (62). – С. 3–11.
190. Рабинович П. М. Потребовий підхід – безальтернативний варіант визначення соціальної сутності права та держави / П. М. Рабинович // Наукові праці Одеської національної юридичної академії. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 8. – С. 45–53.
191. Рабинович С. П. Європейська природно-правова думка та криза ціннісно-нормативної свідомості / С. П. Рабинович // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2008. – Вип. 40. – С. 35–43.
192. Рабинович С. П. Природно-правові підходи в юридичному регулюванні : моногр. / С. П. Рабинович. – Львів : Львівський державний університет внутрішніх справ, 2010. – 576 с.
193. Радбрух Г. Философия права / Густав Радбрух ; пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
194. Рашева Н. Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания : автореф. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Н. Ю. Рашева. – М., 2006. – 23 с.
195. Раянов Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции) / Ф. М. Раянов. – М. : Право и государство, 2003. – 304 с.
196. Реале Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. / Д. Реале, Д. Антисери ; пер. с итал. С. Мальцевой ; ред. Ю. А. Кимелев. – Т. 4 : От романтизма до наших дней. – СПб. : Петрополис, 1997. – 880 с.
197. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1999. – 128 с.
198. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним поданням 252 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) Закону України «Про внесення змін до Конституції України» від 8 грудня 2004 року № 2222-IV (справа про додержання процедури внесення змін до Конституції

- України) // Офіційний вісник України. – 2010. – № 72/1 Спеціальний випуск ; № 77. – С. 7, ст. 2597.
199. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире : философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии / Н. С. Розов. – Новосибирск : НГУ, 1998. – 292 с.
200. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ. ; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. – 2-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 536 с.
201. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р. А. Ромашов // Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4–12.
202. Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Норма, 2003. – 528 с.
203. Рудковский В. А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / Рудковский В. А. – Саратов, 2009. – 45 с.
204. Ручка А. А. Социальные ценности и нормы (некоторые теоретические и прикладные вопросы социологического анализа) / А. А. Ручка. – К. : Наукова думка, 1976. – 152 с.
205. Рыбаков А. В. Общественные эффекты институционализации политико-властных отношений / А. В. Рыбаков // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 2. – С. 146–156.
206. Рязанова С. В. Политическая мифология как актуальная проблема гуманитарных дисциплин / С. В. Рязанова // Общественные науки и современность. – 2011. – № 1. – С. 86–96.
207. Сердюк О. В. Концептуалізація соціальності права в сучасних інтегративних парадигмах : П. Бурд'є, Ю. Габермас, Е. Гідденс / О. В. Сердюк // Проблеми філософії права. – 2006–2007. – Т. IV–V. – С. 107–112.
208. Сигалов К. Е. Среда права : автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. ; спец. 12.00.01 – Теория и история права и государства ; История учений о праве и государстве / К. Е. Сигалов. – М., 2010. – 57 с.
209. Сидоренко О. М. Об'єкт догми права : до постановки проблеми / О. М. Сидоренко // Актуальні проблеми держави і права : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2005. – Вип. 25. – С. 99–104.
210. Скакун О. Ф. Верховенство права как принцип интеграции правовых систем в современном мире / О. Ф. Скакун // Наукові праці Одеської національної юридичної академії : зб. наук. праць. – Одеса : Юрид. л-ра, 2009. – Вип. 8. – С. 35–44.
211. Скакун О. Ф. Нуждается ли в обновлении название дисциплины «Общая теория государства и права»? / О. Ф. Скакун // Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Другої Між-

- нар. наук. конф., присвяч. пам'яті О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 18–20.
212. Скакун О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс) : учеб. / О. Ф. Скакун ; пер. с укр. – Х. : Эспада, 2007. – 840 с.
213. Скакун О. Ф. Теорія права і держави : підруч. / О. Ф. Скакун. – К. : Алерта ; КНТ ; ЦУЛ, 2009. – 520 с.
214. Скурко Е. В. Принципы права : моногр. / Е. В. Скурко. – М. : Ось-89, 2008. – 192 с.
215. Сливка С. С. Філософія права : навч. посіб. / С. С. Сливка. – К. : Атіка, 2012. – 256 с.
216. Смазнова И. С. Применение выводов синергетики в исследовании права / И. С. Смазнова // *Питання удосконалення методології сучасної юриспруденції : тези Другої Міжнар. наук. конф., присвяч. пам'яті О. В. Сурілова (м. Одеса, 30–31 березня 2012 р.) ; за заг. ред. Ю. М. Оборотова.* – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 96–99.
217. Соболевська М. Неофункціоналістські та постструктуралістські теорії у сучасній соціології : навч. посіб. / Марина Соболевська. – К. : Дух і літера, 2010. – 164 с.
218. Соколин Б. М. Инфляция и власть / Б. М. Соколин. – СПб. : Бизнес-пресса, 2004. – 144 с.
219. Соловьев В. С. Оправдание добра. **Нравственная философия** / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
220. Солодухо Н. М. Методология ситуационного подхода в научном познании / Н. М. Солодухо // *Фундаментальные исследования.* – 2005. – № 8. – С. 85–88.
221. Социалистическое право и личность. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1984. – 171 с.
222. Социология права : учеб. / В. М. Сырых, В. Н. Зенков, В. В. Глазырин и др. ; под ред. проф. В. М. Сырых. – 3-е изд., стереотип. – М. : Юстицинформ, 2004. – 464 с.
223. Спиркин А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Гардарики, 2002. – 736 с.
224. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика : критерии различения / В. С. Степин // *Постнеклассика : философия, наука, культура.* – СПб. : Мирь, 2009. – С. 249–295.
225. Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права : моногр. / А. В. Стовба. – Х. : ФЛП Л. С., 2006. – С. 13–24.
226. Стовба О. В. **Правова ситуація як онтологічна основа правової реальності** : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / О. В. Стовба. – Х., 2005. – 17 с.

227. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – М. : Республика, 1994. – 463 с.
228. Столович Л. Н. Об общечеловеческих ценностях / Л. Н. Столович // Вопросы философии. – 2007. – № 4. – С. 86–97.
229. Сумарокова Л. Н. Справедливость как концепт культуры и права / Л. Н. Сумарокова // Актуальні проблеми філософії права. Аксиосфера права та держави : матер. міжнар. «круглого столу» (Одеса, 13 грудня 2012 р.) ; за ред. Ю. М. Оборотова. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 66–69.
230. Сурилов А. В. Теория государства и права / А. В. Сурилов. – Киев ; Одесса : Вища школа, 1989. – 134 с.
231. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. – 3-е изд. – СПб. : Лань, 2001. – 560 с.
232. Тарасенко В. Г. Постулаты права / В. Г. Тарасенко. – М. : Городец, 2009. – 128 с.
233. Теорія держави і права. Академічний курс : підруч. / за ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. – К. : Юрінком Інтер, 2006. – 688 с.
234. Тищенко Ю. В. Роль мифа в формировании аксиосферы права / Ю. В. Тищенко // Актуальні проблеми філософії права. Правова аксиологія : матеріали міжнародного «круглого столу» (Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса : Фенікс, 2012. – С. 83–87.
235. Тімуш І. С. Інтегральний погляд на право : моногр. / І. С. Тімуш. – К. : Атіка, 2009. – С. 264.
236. Толстик В. А. Борьба за содержание права : моногр. / В. А. Толстик, Н. А. Трусов. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 2008. – 202 с.
237. Тугаринов В. П. Избранные философские труды / В. П. Тугаринов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1988. – 343 с.
238. Уёмов А. Общая теория систем для гуманитариев : учеб. пособ. / Авенир Уёмов, Ирина Сараева, Арнольд Цофнас. – Варшава : Wydawnictwo Universitas Rediviva, 2001. – 276 с.
239. Фальковський А. О. Аксиологічний підхід в методології сучасної юриспруденції : автореф. дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / А. О. Фальковський. – Одеса, 2011. – 20 с.
240. Фальковський А. О. Аксиологічний підхід в методології сучасної юриспруденції : дис. ... канд. юрид. наук ; спец. 12.00.12 – Філософія права / Андрій Олександрович Фальковський. – Одеса, 2011. – 216 арк.
241. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. – М. : ИНФРА-М, 2003. – 574 с.
242. Філософія права : навч. посіб. / О. О. Бандура, С. А. Бублик, М. Л. Заїнчковський та ін. ; за заг. ред. М. В. Костицького, Б. Ф. Чміля. – К. : Юрінком Інтер, 2000. – 336 с.

243. Філософія права : навч. посібн. / О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачна, С. І. Максимов та ін. ; за заг. ред. О. Г. Данильяна. – К. : Юрінком Інтер, 2002. – 272 с.
244. Філософія : підручник для вищої школи / за заг. ред. акад. В. Г. Кременя, проф. М. І. Горлача. – Вид. 3-є, перероб. та доп. – Х. : Прапор, 2004. – 736 с.
245. Фромм Е. Мати чи бути? / Еріх Фромм ; пер. з англ. – К. : Український письменник, 2010. – 222 с.
246. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1986. – 213 с.
247. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Мишель Фуко ; пер. с франц. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
248. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–53.
249. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер ; сост., пер. с нем. и комм. В. В. Библихина. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
250. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер ; сост., пер. с немецкого, вступ. ст., прим. А. В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.
251. Халабуденко О. А. Конструкция и деконструкция : постклассический подход к сравнительному правоведению / О. А. Халабуденко // Порівняльне правознавство : сучасний стан і перспективи розвитку : зб. наук. праць / за ред. С. В. Ківалова, Ю. С. Шемшученка. – Одеса : Фенікс, 2013. – С. 37–38.
252. Халфина Р. О. **Право как средство социального управления : монография** / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988. – 254 с.
253. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга // Homo Ludens. – М. : Мысль, 1992. – С. 241–384.
254. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / О. Хёффе. – М. : Гнозис, Редакционно-издательская группа «Логос», 1994. – 346 с.
255. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – Т. 1 : Основы ; пер. с нем. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 480 с.
256. Цофнас А. Ю. Гносеология : учеб. пособие / А. Ю. Цофнас. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Одесса : Наука и техника, 2011. – 248 с.
257. Цофнас А. Ю. Печаль Фукуямы в пространстве аксиологических координат / А. Ю. Цофнас // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 106–118.

258. Цофнас А. Ю. Философия. Ч. 1. Предмет философии. Онтология : учеб.-справ. пособие / А. Ю. Цофнас. – Одесса : Наука и техника, 2009. – 196 с.
259. Чайковский Ю. В. Філософські засади становлення міжнародного права : моногр. / Ю. В. Чайковський. – Одеса : Фенікс, 2010. – 176 с.
260. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учеб. пособ. / И. Л. Честнов. – СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2004. – 63 с.
261. Четвернин В. А. Институциональная теория права / В. А. Четвернин, А. В. Яковлев. – М. : ГУ ВШЭ ; Лаборатория теоретических исследований права и государства, 2009. – 25 с.
262. Чефранов А. Б. Проблеми застосування теорії цінностей у правових дослідженнях / А. Б. Чефранов // Проблеми філософії права. – 2005. – Т. III. – № 1–2. – С. 327–337.
263. Чистое учение о праве Ганса Кельзена. – М. : ИНИОН АН СССР, 1987. – В. 1. – 312 с.
264. Чунаева А. А. Философия в кратком изложении / А. А. Чунаева, И. Г. Мысык. – 5-е изд., испр. и доп. – Одесса : Феникс ; Сумы : Университетская книга ; Москва : Транслит, 2007. – 312 с.
265. Шамша І. Суперечливість буття як джерело філософського мислення : моногр. / Ігор Шамша. – Одеса : Фенікс, 2010. – 192 с.
266. Шаповал В. М. Верховенство закону як принцип Конституції України / В. М. Шаповал // Право України. – 1999. – № 1. – С. 5–8.
267. Шпет Г. Г. Психология социального бытия. Избранные психологические труды / Г. Г. Шпет. – М. : Институт практической психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. – 312 с.
268. Щедровицкий П. Г. Изменения в мышлении на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы / П. Г. Щедровицкий // Вопросы философии. – 2007. – № 7. – С. 36–54.
269. Юркевич П. Історія філософії права. Філософія права. Філософський щоденник / Памфіл Юркевич. – Вид. 3-є. – К. : Український світ ; Вид-во імені Олени Теліги, 2001. – 756 с.
270. Явич Л. С. Характер философских проблем правовых наук / Л. С. Явич // Советское государство и право. – 1984. – № 7. – С. 10-21.
271. Янкина Н. В. Аксиосфера культуры и образование [Электронный ресурс] / Н. В. Янкина // Аксиология и инноватика образования. – Режим доступа : <http://www.orenport.ru/axiology/docs/5/4.pdf>
272. Charter of Fundamental Rights of the European Union [Electronic resource]. – Mode of access : <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:303:0001:0016:EN:PDF>
273. D'Entrèves A. P. Natural Law. An Introduction to Legal Philosophy / A. P. D'Entrèves. – 2nd ed. – London : Hutchinson & Co. Ltd, 1952. – 126 p.

274. Hartmann N. *Ethik* / Nikolai Hartmann. – Berlin u. Leipzig : W. de Gruyter, 1926. – 746 s.
275. Lloyd D. *Legal and Ideal Justice* / D. Lloyd // *Legal Essays. A Tribute to Fred Castberg*. – Oslo, 1963. – P. 110-132.
276. Rottleuther H. *Foundations of Law* / H. Rottleuther. – Dordrecht, 2005. – 205 p.
277. Stolovich L. On the Concept of 'Axiosphere' / Leonid Stolovich [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.bu.edu/wcp/Papers/Valu/ValuStol.htm>
278. Stolovich L. Value as a Phenomenon: Variants of the Phenomenological Understanding of Values / L. Stolovic // *Analecta Husserliana. The Yearbook of Phenomenological Research. Volume XXXIX.* -Dordrecht. – London: Kluwer Academic Publishers, 1993. –P. 193-203.
279. Throller A. *The Law and Order. An Introduction to Thinking about the Nature of Law* / A. Throller. – Leiden, 1969. – 220 p.

Наукове видання

ГОРОБЕЦЬ Костянтин Валерійович

**АКСІОСФЕРА ПРАВА:
філософський та юридичний дискурс**

Монографія

Верстка, обкладинка *В.Г. Вітвицька*

Здано в роботу 15.04.2013. Підписано до друку 11.06.2013.
Формат 60x84/8. Обл.-вид. арк. 11,23. Ум.-друк. арк. 12,67. Папір офсетний.
Друк офсетний. Зам. № 1306-06. Тираж 300 прим. Ціна договірна.

Видано і віддруковано у ПП «Фенікс»

(Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 1044 від 17.09.02).
Україна, м. Одеса, 65009, вул. Зоопаркова, 25. Тел. (048) 7777-591.
e-mail: maritimebooks@yandex.ru
www.law-books.od.ua